

PÉRIODIQUE

Prix : 6 Francs

REVUE MENSUELLE

№ 176 Août 1966

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемесячный
литературно-политический журнал*

№ 176

АВГУСТ 1966 ГОДА

ГОСУДАРЬ В ДУМЪ 22 ФЕВРАЛЯ 1916 ГОДА
(К "Воспоминаниям" П. Л. Барка, стр. 82-101)

P A R I S

73, avenue des Champs-Elysées, (VIIIe)

Tél. : 359-06-03

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр</i>
НИ МАРКСА, НИ ЛЕНИНА. Редакціонная статья	5
Сергѣй ШИШМАРЕВ. Дѣтство Володи Чигирева	7
Николай Вл. СТАНЮКОВИЧ. Дѣло Александра Рогова. Гл. 1	26
Нонна БЪЛАВИНА. Стихи	45
Валерій ТАРСИС. Зеркало Вѣчности. (Окончаніе)	48
Темира ПАХМУСС. Чехов в критикѣ Зинаиды Гишпіус	59
В. Н. ИЛБИН. Язык идей и язык фактов. II	71
П. Л. БАРК. Воспоминанія	82
Б. СИБИРСКІЙ. Перед трудным рѣшеніем. (Окончаніе)	102
В. НЕРСЕСЯН. Многонаціональное единство Россійскаго государства	116
С. Я. ПАРАМОНОВ. Замѣтки натуралиста в Австрали	123
Б. БОРИСОВ. По “ту” сторону	128
Я. Н. ГОРБОВ. Литературныя замѣтки: Ирина Сабурова “Счастливое Зеркало” — Нина Федорова “Жизнь”	143
Кн. С. ОБОЛЕНСКІЙ. Дѣла и Люди: Югославскій перелом — “Что дѣлать с партией?” — Общія причины — общія слѣдствія — Партийный путь не ведет никуда	150

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничных дней,
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.

Подписка, продажа, справки и объявленія.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемесячный
литературно-политический
журнал*

Выходит при ближайшем участии

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРБОВА.

№ 176

АВГУСТ 1966 ГОДА

P A R I S

73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél. : 359-06-03.

*ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССІИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ*

ВОЗРОЖДЕНІЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦІОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

*ОСНОВАН 3 ІЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВ-
НОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН
В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ІЮНЯ 1940 ГОДА,
НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАН-
СКОЙ АРМІИ, ИЗДАНІЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕ-
КРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 ГОДА И ДО ДЕКАБРЯ
1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ
РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ
ЕЖЕМѢСЯЧНО.*

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE MENSUELLE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction
PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 176
AOUT 1966

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : 359-06-03.

Всю переписку просят направлять по адресу:

« La Renaissance » — 73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8^e

Прием в Редакции: по вторникам и пятницам от 16 до 18 час.

Статьи непринятыя к напечатанію не возвращаются, и Редакция не вступает в переписку по их поводу.

Ни Маркса, ни Ленина

Мы могли бы воспроизвести цѣлыя страницы европейских и американских газет и журналов, освѣтивших теперь путешествіе по Россіи ген. де-Голля как крупное политическое событіе. Ограничимся немногими выдержками.

Американскій журнал “Тайм” пишет:

“Своим, далеко проникающим в будущее, прозрѣніем Европы, которая останется долго послѣ того, как коммунизм исчезнет во тьмѣ исторіи, он (де-Голль) ускоряет наступленіе переменъ. В теченіе всей своей поѣздки по Россіи он послѣдовательно оставался представителем Запада”.

Точно в дополненіе и разъясненіе этого, А. Фонтэн пишет, в качествѣ очевидца, в парижском “Ле Монд”, что “главный результат путешествія” — “в необычайном откликѣ (русскаго) народа на появленіе замѣчательнаго челоуѣка с Запада”.

Говоря о “своего рода народном плебисцитѣ”, тот же французскій журналист отмѣчал уже немного раньше, что не раз толпы собирались, узнав “неизвѣстно как” о путях слѣдованія этого гостя, “даже там, гдѣ власти, явным образом, не особенно желали их появленія”, напримѣр, при говѣннн Президента в нашей Невской столицѣ.

Как видно, этот “род плебисцита” застиг совѣтскія власти нѣсколько врасплох. Одно время у них было даже замѣтно стремленіе слегка ступеовать народный приемъ. В Новосибирскѣ, напримѣр, не менѣе половины населенія вышло встрѣчать генерала: 500.000 чел. по оцѣнкѣ “Тайма” (как и по французским оцѣнкам), а совѣтскія газеты, к удивленію иностранных журналистов, писали только о 160.000. Очевидно, так им было приказано. Под конец, совѣтским органам информации пришлось, однако, переменить тон. И как пишет А. Фонтэн, дѣйствительно, “можно быть увѣренным” в том, что несчетные миллионы наших соотечественников слушали по радіо и смотрѣли по телевизіи все, что из этого путешествія услышать и увидать было возможно.

Что же они видѣли и слышали?

“С заслуживающей уваженія стойкостью, генерал за десять дней ни разу не произнес имени Ленина”, — отмѣтил в “Фигаро” Н. Шателэн (и утвержденіе это нетрудно провѣрить). Добавим: не произнес он, конечно, и имени Маркса. О революціи 1917 г. он упомянул один только раз, как о “внутреннем событіи” русской исторіи, давая этим понять, что она — не для экспорта и не примѣр к подражанію. Он склонился перед памятником воинам, павшим на Волгѣ в Отечественной войнѣ против Гитлера; но от посѣщенія находящагося поблизости памятника красноармейцам гражданской войны воздержался — “времени у него не осталось”.

Ни Ленина, ни Маркса, ни “Великаго Октября”.

Зато в Московском университетѣ он воздал хвалу Ломоносову, Пушкину, Гоголю, Толстому, Достоевскому, Чехову. И говоря о русском

взнось в міровую сокровищницу “культуры, науки, прогресса”, он указал:

“Вот для какой цѣли может быть скрѣплен новый союз *Россіи* и *Франціи*”.

Тот же призыв — чтоб, соединив свои научныя силы, “Россія и Франція объединились для всемірнаго мира” — был повторен в Новосибирскѣ, при чем хвала была воздана Петру Великому, как основоположнику современной науки в Россіи, и была сдѣлана ссылка на Тельера де Шардэн, который уже широко извѣстен в Россіи как выдающійся ученый-христіанин.

На берегах Невы было сказано, Пушкинскими словами, по-русски:

“Красуйся, *град Петров*, и стой
Неколебимо, как *Россія*”;

там же было отмѣчено и призваніе “града Петрова” — служить звеном между Россіей и Западом, там же был дан и этот замѣчательный предметный урок — принятіем, колѣнопреклоненно, Причастія, в почти только чудом уплѣвшем храмѣ.

Этого совѣтскія радіо и телевизія, понятно, не передали. Но так как вокруг стояла толпа, то и об этом узнала, конечно, вся Россія, тѣми — как говорит А. Фонтэн — “непостижимыми путями”, существованіе которых для нас — не новость.

Вот что узнавал народ. Совѣтским же правителям довелось сверх того выслушать о том, что их “идеологическая” политика была, до всѣм недавняго времени, величайшей угрозой для мира и что коммунистическое “государство” в Восточной Германіи понынѣ остается их “искусственным сооруженіем”.

Этого они не могли признать, но и спорить не стали. Самое же удивительное то, что и сами они при всем этом не произнесли имен своих божков — Маркса и Ленина, молчали и о революціи, и о “великих достиженіях”, политических и иных. Отвѣчая же от имени русских ученых, в Новосибирскѣ, Президенту Французской Республики, акад. Лаврентьев сам воспринял его терминологию: было замѣчно, что он тоже стал говорить не *Совѣтскій Союз*, а *Россія*. В том, что русская наука — достояніе всеобщее, не знающее границ, а не партійное, никто, кромѣ партійных начетчиков, и не сомнѣвался, впрочем, никогда.

Совѣтскіе правители так мало довѣряют друг другу, что с отвѣтным визитом в Париж пріѣдут тоже втроем: Брежнев, Косыгин, Подгорный — в нѣкотором родѣ триединой диктатурой. А так как французскій Президент свой визит сдѣлал совмѣстно с г-жей де-Голль, то и триединые захотят, вѣроятно, привезти своих жен — тоже в нѣкотором родѣ “триедино”.

Народ, с таким вниманіем прислушивавшійся к знаменитому гостю, видит и все это. Но “безмолвствует”.

Надолго ли?

„В”

ДѢТСТВО ВОЛОДИ ЧИГИРЕВА

(Продолженіе)*)

Г Л А В А VII.

Няньку, как выяснилось, уволили не совсѣм, а попросту говоря, уѣхала она к себѣ в деревню, — на побывку.

Через три мѣсяца у нас ожидалось прибавленіе семейства, и няньку рѣшено было опредѣлить к будущему младенцу. Очевидно, ея старость, глупость и склонность к постоянному вранью, при этих новых обстоятельствах, могли еще быть терпимы.

Нянька уѣхала, хотя и с поджатыми губами, но свой знаменитый сундук с тройным звоном оставила у нас, и его только перенесли из моей комнаты в Наташину.

Теперь я уже вставал не “с пѣтухами”, а благородно, часов в 8 утра, и гулять с Монькой ходили мы тоже не по церквам, — в поисках покойников, — а в городской сад или просто по улицам; впрочем, иной раз заходили и на квартиру Моньки.

Там, на этой квартирѣ, жила ея мать, пожилая, прищуренная женщина, с папирской во рту, тараторившая без умолку подпрыгивающим говорком, точно по-сорочьи, а в отдѣльной комнатѣ помѣщался и старый знаменитый дѣд, тугой на ухо и подслѣповатый, читавшій газеты через большое увеличительное стекло.

Сидѣл он сиднем в старом, продавленном креслѣ, обутый в мягкіе бархатные полусапожки, и пахло от него так, как пахнет в кладовых.

Глядя не без нѣкотораго страха на этого плѣшиваго старика, словно траченного молью, я едва мог повѣрить, что в молодости он избобрѣл какіе-то особенные часы, — как говорили, с заводом на 30 лѣт. Но часы эти висѣли там же, в его комнатѣ, и по своему внѣшнему виду ровно ничѣм не отличались от самых обыкновенных, заводившихся еженедѣльно.

Положим, — соображал я, уже искушенный в человѣческой лжи, — насчет тридцати-то лѣт еще неизвѣстно... Может быть, только так говорят, для пушей важности.

В ту пору я очень любил ходить в незнакомые дома, гдѣ все мнѣ казалось необычайным и замѣчательным, — гораздо лучше, чѣм у нас. Кромѣ того, Монька постоянно мнѣ дарила там, у себя, что-нибудь забавное: то игрушечный подсвѣчник, то лубочную картинку, на которой было изображено, “как турки валяются, как чурки, а русскіе без голов стоят, да попадаивают”.

*) См. “Возрожденіе” № 174 и № 175.

Подарки эти до известной степени напоминали мнѣ нянькины маковки и рожки, и я их понимал именно в смыслѣ взяток, хотя в сущности неизвѣстно было, за что мнѣ взятки эти платились, — заходили мы к Монькѣ на квартиру вовсе не по секрету от матери.

Один день в недѣлю у Моньки был отпускной и тогда она уходила от нас с самаго утра и возвращалась обратно, когда я уже спал.

В эти дни я отдыхал немного от ея постоянной суетливости и имѣл возможность вспомнить прошлое, — пожить не спѣша, в свое удовольствіе и даже поскучать.

Когда же кучать мнѣ надоѣдало, я шел “в народ”, т. е. либо в буфетную, — к горничной Наташѣ, — либо на кухню, — к кухаркѣ Степанидѣ, — либо в каретник, — к кучеру Агафону, а чаще всего в отцовскую канцелярію, к письмоводителю Василию Васильевичу.

Весь этот “народ” занимал в моей тогдашней жизни далеко не маловажное мѣсто и сыграл большую роль в воспитаніи моего духа.

Горничная Наташа была у нас очень хорошенькая, а я уже и тогда питал инстинктивное влеченіе к красивым женщинам, должно быть, по наслѣдству от своих предков.

Правда, у нея не было таких особенных духов, как у моей красавицы-инженерши, но и запах казанскаго миндальнаго мыла фирмы братьев Крестовниковых мнѣ тоже очень нравился.

К Наташѣ я любил ходить по таким соображеніям: во-первых, она всегда и очень внимательно выслушивала любую ерунду, какую бы я ей ни рассказывал, а имѣть внимательную аудиторію, как извѣстно, очень пріятно; во-вторых, она позволяла мнѣ, иногда, когда старших не бывало дома, расплетать ея длинные, — ниже талии, — каштановыя косы и что нибудь “мудрить” с ними, — то расчесывать гребнем, то строить замысловатые фантастическіе шиньоны.

Наконец, мнѣ просто нравилось лежать у нея на кровати и смотреть, как она шьет, склонившись к маленькой керосиновой лампочкѣ с жестяным рефлексором и пузатым стеклом, как разглаживает швы наперстком на своей круглой колѣнкѣ, нагибая голову то направо, то налево, и как время от времени вздыхает о чем-то своем, — вѣрно, и ей самой не вполне понятном.

Конечно, я тогда бы не мог отвѣтить, почему именно мнѣ все это нравится, но, если уж говорить по чистой совѣсти, — так вѣдь и наши современные институты экспериментальной психологіи знают в этой загадочной области не Бог вѣсть уж как много.

На кухню мнѣ нравилось ходить прежде всего потому, что это было строжайше запрещено; кромѣ того, там кухарка Степанида угощала меня деревенскими блюдами: воблой, щами с бараниной или пирогом с ливером; а затѣм, там постоянно бывало много разнаго люда, — и каждый рассказывал о своем.

Из этих рассказов можно было порой почерпнуть самыя изумительныя свѣдѣнія.

Особенно же любил я поговорить с нашим матросом Назаром.

Назар этот говорил преимущественно о двух предметах: о службѣ в кавалергардах и о своей деревнѣ; и говорил всегда как-то особенно, видя даже в самых обыкновенных вещах что-то... почти сверхъестественное.

Куры у него в деревнѣ не просто кудахтали, а “подкликали” кого-то невидимаго, его бывший эскадронный командир не просто пил коньяк с лимоном, а “заливал в себя жар темный”.

По словам Назара, служба в кавалергардах была “страшная” служба, так что он не чаял, что и жив останется.

— Как это, понимаете ли, скамандуют: — “Лошадей сѣдлать с вальтрацами”, так прямо хоть не живи!.. Тут, главное дѣло, кирасу и каску, пожалуйста, надѣвать... А невозможно!.. На них, вѣрите ли, и глядѣть-то страшно... Нѣ-ѣт... Бог с ними совѣм...

Здѣсь он заговорщически подмигивал самому себѣ, как-будто хотѣл перехитрить кого-то.

— Просился я в нестроевую команду, так вахмистр не допустили: — “Почемуй-то такое в нестроевую? — Ты-ж, — говорят, — с Пахоткой на одно лицо и будешь с ним в парѣ во дворцы наряжаться для внутренняго караула”.

— А во дворцах что же было? — освѣдомлялся, бывало, я, жуя хвост воблы, мало чѣм отличавшійся от пеньковой веревки, на которой эта самая вобла только-что висѣла над кроватью Степаниды, рядом с портретом ея покойнаго супруга-печника.

Назар сосредоточенно крутил себѣ козью ножку, насыщал махорку из ситцеваго кисета и, закурив об лампу, качал головой от своих кошмарных воспоминаній о кавалергардской службѣ.

— Во дворцах-то?.. Жуть одна! — Стоишь, как вкопанный, ни живой, ни мертвый... — и только и думаешь: пронеси, Царица Небесная. Ночью-то тишь, темь: одна лампочка маячит, а помѣщенія громадные, — конца краю нѣту... И под потолком дым как будто “кружит”.

Он переведет дух, взглянет косо в угол и заканчивает:

— В караульное помѣщеніе воротись, так уж пьешь воду, — пьешь, — пока не отдышишься... Ну, правда, что эскадронный командир у нас “настоящій” был! — За каждый благополучный караул обязательно от себя давал... когда по полтиннику, а то и по цѣлковому... Это, смотря что и как ему в картах выходило... А уж на парадах... прямо всѣм на удивленіе: как это они избоченятся на конѣ, так, вѣрите ли, даже тѣнь за ними с одной стороны на другую перебѣгала!.. Ей-Богу, право! Своими глазами сколько раз видѣл.

На меня подобные рассказы производили странное впечатлѣніе: то я вѣрил Назару, и тогда мнѣ и самому становилось жутко от собственной тѣни на стѣнѣ, а то я считал, что он просто врет, и тогда становилось жалко, что навранное им не было в дѣйствительности: так было бы куда интереснѣе!

Другой мой пріятель, кучер Агафон, был не болѣе веселаго нрава. Он аккуратнѣйшим образом напивался ежемѣсячно, и ежемѣсячно

его аккуратнѣйшим образом ругали, грозили выгнать и даже посадить “в холодную”, но, так как он очень хорошо ходил за лошадьми и лошади его любили, то всѣ эти угрозы так и оставались угрозами.

Я уже не считал больше, что, когда Агафона топнит, то он становится дурным человѣком, а, наоборот, жалѣл и даже старался принести ему что-нибудь сладкое в утѣшеніе. Сказать же подвыпившему кучеру, что я его жалѣю, мнѣ было почему-то стыдно.

Придешь, бывало, к нему в каретник, а он сидит в углу на топчанѣ растрепанный, без пояса; подопрет голову кулаками и покачивается из стороны в сторону, — горюет...

Подойду к нему тихонько и жду. Мнѣ хочется сказать, чтобы он не очень-то горевал, что я даже сладкую вафлю ему принес, но вмѣсто того помолчу немного и спрошу неизвѣстно зачѣм:

— А жена у тебя была, Агафон?

— Не-е... Не было жены... Сирота я кругом, как есть, — и замотает сокрушенно головой.

Потом, подумав, вдруг спохватится:

— Это ты про чего такое?.. Жена, говоришь?.. Была у меня жена!.. В деревнѣ еще когда жил. Только, конечно, померши она. Давно...

Я хочу сказать, чтобы он не очень-то убивался: что, вон, и у нашего вице-губернатора тоже жена недавно умерла, но, вмѣсто этого, язык мой говорит:

— А ты ее на кладбище отвез?

— Это жену-то, что-ль? — переспрашивает он. — Обязательно на кладбище! — Куда ж, ее, покойницу? — Больше некуда.

Я и сам понимаю, что это так, но мнѣ хотѣлось бы сказать Агафону что-то совершенно иное, только это очень стыдно.

Потопчусь еще нѣкоторое время на одном мѣстѣ, а затѣм протягиваю ему сломавшуюся в карманѣ вафлю, порядочно таки размокшую от остатков на ней взбитых сливок.

— Вот, возьми это себѣ, — бормочу я, краснѣя, — это сладкое и очень вкусно.

Агафон особенно восторженно меня благодарит:

— Вот спасибо тебѣ!.. К чаю, стало быть, мнѣ, — на закуску!.. Благодарим покорно...

Он кладет вафлю в жестянку с колесной мазью, а я выбѣгаю на двор странно довольный, что его облагодѣтельствовал.

Самым любимым мѣстом, которое служило для меня источником всевозможной премудрости, была канцелярія отца и помѣщалась она в деревянном флигелѣ, на нашем же дворѣ.

Над крыльцом этого флигеля висѣла бѣлая доска с черной надписью: “Канцелярія Судоходной Инспекціи 6-го инспекціоннаго участка рѣки Волги”.

Там царствовалъ писмоводитель, Василь Василич, невѣроятно волосатый мужчина страшной физической силы.

Однажды, возвращаясь поздно вечером, онъ былъ атакованъ в Щуровскомъ оврагѣ двумя босяками, которые пытались было снять с него золотыя часы. Василь Василич схватилъ обоихъ грабителей за шиворотъ и такъ стукнулъ ихъ лбами другъ о друга, что одинъ изъ нихъ умеръ на мѣстѣ, а другой — спустя нѣсколько часовъ, в больницѣ.

Писмоводитель этотъ, кромѣ того, былъ феноменомъ по части заповѣданія чего угодно. Онъ зналъ наизусть всѣ входящія и исходящія номера бумагъ, зналъ, кто, когда, кому и о чемъ писалъ, помнилъ поименно всѣхъ отцовскихъ бакащиковъ, разбросанныхъ на протяженіи 660 верст отцовскаго инспекціоннаго участка и, кажется, если бы его заставить выучить наизусть, скажемъ, таблицы семизначныхъ логарифмовъ барона Вега, такъ онъ и с этой задачей справился бы шутя.

Онъ могъ, одновременно, и писать свои бумаги, и рассказывать какія нибудь поучительныя исторіи.

Первая комната канцеляріи служила чѣмъ-то вродѣ пріемной, и тамъ работалъ только одинъ писарь, Сережа, бѣлобрысый малый, выгнанный изъ младшаго класса духовной семинаріи за то, что приколотилъ гвоздями къ полу калоши отца-ректора, набросавъ в нихъ предварительно какой-то дрянн.

Сережа только клеилъ пакеты, записывалъ ихъ в рассылную книгу, да бѣгалъ за пивомъ для старшихъ писцовъ и ставилъ самоваръ, безъ котораго Василь Василичъ работать не могъ.

Во второй комнатѣ сидѣли трое: самъ Василь Василичъ, его помощникъ, по прозвищу Баронъ, и еще двое часто мѣнявшихся писцовъ.

В этой комнатѣ стояли шкафы с дѣлами: на стѣнахъ тамъ висѣли карты и всевозможныя печатныя правила, а на окнѣ — клѣтка с птицами разныхъ породъ для полученія якобы новой и еще невиданной птичьей расы, но, в дѣйствительности, для того только, чтобы не скучно было заниматься чаепитіемъ.

Когда я приходилъ в канцелярію, то и мнѣ тоже давали стаканъ чаю. Я садился у стола Василя Василича и смотрѣлъ, какъ онъ работаетъ, пьетъ чай и попутно дѣлаетъ еще уйму разныхъ мелкихъ дѣлъ.

Писалъ онъ исключительно перьями № 86, которыя назывались у него “восьмеричными”. Каждое новое перо онъ предварительно пробовалъ на ногтѣ большого пальца, приговаривая со вздохомъ:

— Ну, подай, Господи!

Потому ли, что его молитвы бывали услышаны или по другой какой причинѣ, но каждую осень къ отцу приходили на него жаловаться то бакащики, то водоливы, то приказчики купеческіе, и всѣ обвиняли его в лихоимствѣ и мздоимствѣ.

Отецъ выходилъ изъ себя, кричалъ, грозился выгнать, а онъ трясъ себя за крахмальную манишку руками и гудѣлъ сдержаннымъ басомъ:

— Ваше скородіе... вѣрите ли?.. Какъ честный человѣкъ, завѣряю — напраслина!.. В глаза не видывалъ, я не то, чтобы синенькую с него...

Писал Василь Василич неказистым почерком и потому только однѣ черновыя бумаги, по зато уж, что напишет, так “комар носу не подточит”.

За одним ухом у него постоянно торчал Фаберовскій карандаш, а за другое он закладывал перо во время передышки.

Иногда, бывало, он вдруг останавливался на полу-словѣ, брал длинныя канцелярскія ножницы и принимался подравнивать себѣ усы, “чтобы они не путались с мыслями”.

Освободив мысли от усов, он снова принимался за недоконченное слово и в то же самое время начинал рассказывать очередной рецент веселаго времяпрепровожденія.

Иногда мнѣ давали там капать горящим сургучем на пакеты и оттискивать казенную печать с орлом; а иногда я просто забавлялся, шленая каучуковыми штемпелями по бумагѣ и любуюсь, как это у меня замѣчательно печатается.

Когда же приходил в канцелярію отец, я забирался в его кабинет, на диван, и там слушал разныя дѣла, подчас дѣйствительно курьезныя и даже не имѣющія ничего общаго с судоходной инспекціей.

Явится, напримѣр, какой-нибудь выгнанный за пьянство псаломщик кладбищенской церкви и подает жалобу на свою сосѣдку с просьбой об ея выселеніи из ея же собственнаго дома.

С трудом понявъ из запутанных объясненій не вполне трезваго просителя, в чем именно состоит его просьба, отец, не повышая голоса, кратко говорит Василь Василичу:

— Гоните в шею.

Василь Василич срывается с мѣста, но, увидя его, проситель и сам обычно не задерживается.

Оказавшись на дворѣ, оба они о чем-то шепчутся, а потом иногда заходят в узкую щель между забором и канцеляріей и там еще нѣсколько минут дополнительно совѣщаются.

Послѣ этого письмоводитель особенно дѣловито пошмыгивает носом и по отбытіи отца к чаю посылается “за приложеніем” в видѣ, напримѣр, полбутылки “очищенной”.

Г Л А В А VIII.

Сколько времени прожила у нас Монька, как она уходила и были при этом какой-нибудь скандал, — я точно сказать не могу, но вот припоминаю такой случай:

Мать моет меня в ваннѣ, гдѣ плавают резиновая утка, фрегат без мачт и еще голая резиновая кукла, по имени Васька.

Тут же топчется и Монька с заплаканным лицом, в старом капотѣ, надѣтом наизнанку.

Я выколупливаю у Васьки металлическій пупок, при помощи ко-

того он пищит, а мать, намыливая мочалку, говорит прерывающимся голосом, сдерживая слезы:

— Я к вам, как к дочери своей относилась... а вы... вы...

Она, не глядя, тычет мнѣ намыленной мочалкой в глаз, отчего я дико взвизгиваю и со всего размаха хлопаю Васькой об воду, обдавая все кругом брызгами.

— Да ты с ума сошел! — кричит мать и начинает яростно тереть мнѣ руку, почти вытаскивая ее из плечевого сустава.

Я кричу еще пронзительнѣе, а Моська отворачивается к окну и, уткнувшись лбом в стекло, что-то бормочет, всхлипывая.

Ничего интереснаго о Моськѣ больше я не помню. Знаю только, что за время ея пребыванія в нашем домѣ появились у меня сестра Ксандра и брат Сенька; потом мы переѣхали на другую квартиру, на этот раз уже на улицу, а не на “взвоз”.

Вообще об этом времени у меня остались воспоминанія, не имѣющія между собой никакой связи.

Знаю только, что с Моськой я научился читать, писать и считать. Однако, при ближайшем разсмотрѣніи оказалось, что, в сущности говоря, не знал я ровно ничего или ни “шпинта”, как говорил отец.

Читать я, правда, выучился, но взял съверную привычку так торопиться, что прочитывал только начало слов, а концы уже выдумывал сам и в большинствѣ случаев неудачно.

Подобное чтеніе не только никто не был в состояніи понять, но и я сам ровно ничего не понимал и потому занятіе это, не без основанія, почитал бессмысленным и неинтересным.

То же самое было и с писаніем. Пока я внимательно копировал пропись, дѣло еще шло кое-как, но когда надо было написать чтонибудь самостоятельно, я немедленно же начинал фантазировать и опять-таки неудачно.

Что же касается до счета, то о нем лучше и не говорить.

Считать я просто не умѣл никак и, — что особенно прискорбно, — мнѣ даже неясно было, для чего это, собственно, требуется, — считать. Зачѣм считать 2 и 3, когда и без того очевидно, что будет 5?

Когда отец и мать убѣдились, что знанія мои, выражаясь математически, равны нулю и содержат неизвѣстное, то было рѣшено немедленно же взять “дошлаго” семинариста, каковая корпорація славилась у нас в городѣ исключительными педагогическими способностями и дешевизной.

Впрочем, надо сказать, что родители, вообще, денег на мое образованіе не жалѣли.

Помню, за обѣдом отец говорил:

— Вот придет какой-нибудь бурсак с этакой фамиліей... Накокольнѣстоященскій или Черезбродсухоморепереходященскій...

Мать дѣлала испуганные глаза и предупреждала его:

— Вот ты так шутишь, а Володя возьмет да и скажет при нем чтонибудь такое...

Мамаша все еще разсматривала меня, как Вовочку с длинными локонами, способнаго ляннуть перед гостями чорт знает что.

Къ приходу семинариста с трехэтажной фамиліей я относился безразлично, хотя и имѣл в виду задать ему нѣсколько интересовавших меня в ту пору вопросов: напримѣр, о том, дѣйствительно ли это правда, что дѣти рождаются из живота, как объяснял сын нашего дворника Коська, всегда ошеломлявшій меня какими-нибудь сенсаціонными извѣстіями.

И вот этот семинарист пришел, — пришел как-то неожиданно, хотя его и ждали.

Меня снова позвали к отцу в кабинет, и там я увидѣл долговязаго парня с очень благообразным лицом, но черезчур длинными руками. Видно было, что он просто не знал, что с ними дѣлать.

— Вот, рекомендую, — проговорил отец, указывая на меня. — Этого балбеса придется вам подготовить в первый класс. — Лѣнив и нерадив чрезвычайно.

Я не особенно обидѣлся и хотѣл было поздороваться с учителем, но тот так быстро схватил меня за руку, что я не успѣл шаркнуть ногой и от этого разстроился.

— Я надѣюсь, — сказал семинарист, — что лѣниться он не будет. Вообще же лѣнность в этом возрастѣ...

— Так вы, значит, седьмого класса сами-то? — продолжал отец начатый до моего прихода разговор. — А как вас позволите величать?

— Петр... Петр Иваныч... То-есть, собственно, моя фамилія Рѣпновершинскій...

Я уже скроил хамскую усмѣшку, но в это самое время увидѣл страдальчески-умоляющій взгляд матери, быстро-быстро оправлявшей на себѣ кружевное фишю; а отец как-то крякнул, точно подавился костью, и стал усиленно гладить лысину. В этот момент во рту у него что-то хрустнуло и он принужден был срочно подбирать с нижней губы обломки янтарнаго мундштука.

Тѣм временем мой будущій учитель пытался объяснить происхождение своей фамиліи:

— У нас, видите ли, два села имѣются и оба именуются Рѣпны, только одно стоит на горѣ, а другое под горою... Так вот это, собственно, по этой причинѣ...

— Да, да, — перебил его отец, это понятно!.. Так вот-с, мы с инспектором вашим условились... каждый день, кромѣ праздников, по два часа... А плату он мнѣ назвал 12 рублей в мѣсяц...

Так как сторяча отец перепутал и два рубля прибавил ни с того, ни с сего, то семинарист, пріятно удивленный, не стал спорить, сочтя, может быть, что это ему премія за нерадивость будущаго ученика.

Мнѣ был произведен немедленный же экзамен, послѣ котораго репетитор проговорил тоном эксперта:

— Ну, начинать придется, что называется, с азов. Однако же подготовить в первый класс я берусь.

И взялся за дѣло весьма добросовѣстно и ретиво.

Происходило все это ранней осенью, когда мы только что вернулись с дачи и я был еще полон всевозможных дачных переживаній, вродѣ ловли лягушек на красный лоскуток, ползанья на четвереньках по ржаному полю с мѣстными мальчишками, поджиганья ракет папиросой и пр.

А тут еще ожидался приѣзд новой гувернантки, выписанной из Швейцаріи для сестры Ксандры, и недавно родившійся брат Сенька тоже до нѣкоторой степени интересовал меня в связи с гипотезой о происхожденіи людей.

Вообще, учиться было крайне некогда и нудно, несмотря на выдающіяся педагогическія способности Петра Ивановича Рѣпновершинскаго.

Осеннія мухи, с которыми больше уже никто не играл в войну на окнах, ползали нахально и всюду; с улицы доносились расхлябанные звуки шарманки, у которой внутри что-то, вѣроятно, треснуло и “невозвратное лѣтнее время” казалось в эти осенніе ясные дни еще болѣе невозвратным; а в хрестоматіи все говорилось о чем-то неинтересном, без всякой связи с окружающею меня жизнью, и я безусловно одобрял того мужичка, который проспал всю весну.

— На дворѣ, по травѣ, хоть шаром покати, — повторял мнѣ уже в третій раз мой репетитор.

— На творѣ, по дравѣ, — путался я и внезапно спрашивал: — А это правда, что дѣти из живота бывают?

Педагог, сбитый с панталыку и застигнутый врасплох, бормотал: — Оно, собственно, от Бога это... Да вы читайте лучше!..

Но я уже научился понимать теперь вещи с полуслова и видя, что мой учитель не опровергает гипотезу Коськи о происхожденіи челоувѣчества, рѣшил, что это, стало быть, так и есть.

Отдундолив кое-как урок, я бѣжал по самым срочным дѣлам на двор, гдѣ надо было, во что бы то ни стало, слазить на голубятню, сразиться с Коськой в “бабки” или в “городки”, набросить лассо на голову горничной нотаріуса Пахайлова, которая каждый день прибѣгала в гости к Наташѣ, и зарыть в саду на всякій случай запасы продовольствія, в видѣ прессованной массы из картофельнаго пюре и рябиновой пастилы.

Жизнь не текла, а буквально бурлила вокруг меня в ту осень. Не хватало ни времени, ни рук, ни терпѣнія додѣлывать все, как слѣдует. Приходилось поневолѣ разбрасываться.

А тут еще сестра Ксандра мѣшала и совалась в мои дѣла, без всякаго толка.

Она сдѣлалась сплетницей и ревой, вѣчно подслушивала, подглядывала и немедленно доносила матери обо всем. Ея опущенные глазки, собранныя бантиком губы и даже торчащій бант в волосах — все злило меня, и я чинил ей непріятности всюду, гдѣ и как только мог.

А новорожденный Сенька не был еще даже и ребенком. Он только

пузырил слюни и неистово орал, если его дернуть за ухо или за нос. Когда мнѣ впервые показали этого краснаго и сморщеннаго братца, я, как мнѣ рассказывали потом, отвернулся и пробурчал:

— По-моему, уже довольно братцев и сестриц... и так дѣвать некуда...

А вот новая гувернантка-швейцарка, пріѣхавшая с вокзала вмѣстѣ со своим багажем, мнѣ очень понравилась. Была она рослая и здоровенная на вид дѣвица и, главное, ни о каких “неприличіях” Монькиных, повидимому, и понятія не имѣла. По крайней мѣрѣ, когда я попробовал похлопать ее, она этого даже не замѣтила, точно похлопал я не ее, а пріѣхавшій вмѣстѣ с ней из Швейцаріи чемодан.

Французскій язык, на котором она лопотала с утра до ночи и который, между прочим, надо было изучать и мнѣ, оказался совсѣм нетрудным, и недѣли через двѣ мы с ней уже играли в карты, — в швейцарскую игру “бинокль”, — и как-то изъяснялись.

Никаких мальчиков-сверстников у меня в это время в городѣ не было, но зато были дѣвочки, дочери недавно овдовѣвшаго пріятеля отца, Александра Иваныча Баранова.

Хотя онѣ и считались “моими подругами”, но я относился к ним нѣсколько пренебрежительно, как к “дѣвчонкам”, то-есть к существам низшаго порядка. Впрочем, это нисколько не мѣшало мнѣ с увлеченіем играть с ними, а старшая, Катя, мнѣ даже очень нравилась. Конечно, взрослые постоянно вмѣшивались в наши игры и заставляли дѣлать совершенно неинтересныя вещи, как, напримѣр, пѣть пѣсенки под аккомпанимент мамыши на рояли или играть в какіе-нибудь идиотскіе фанты. Эти самыя пѣсенки и всевозможные фанты и лото я положительно ненавидѣл.

Когда мамыша садилась за рояль и раскрывала свои противныя “Гусельки”, я уже кривил рожу и старался умышленно тянуть не в тон и не в лад с дѣвочками.

— “Вечер был, сверкали звѣзды”, — тянули онѣ тонкими голосами, покорно стоя у рояля.

— “И звѣзды”, — басил я нарочито гнусаво, дергая Катю за косу.

— Ты фальшивишь, — останавливала меня мамыша, а дѣвочки продолжали:

— “Шел по улицѣ малютка”...

— “Посинѣл”, — еще пуще ревѣл я, подражая густому басу Василія Васильевича.

Неизмѣримо большій интерес представляли собою такія игры, как, напримѣр, “Мазепа” или “Кудыкина гора”.

Впрочем, необходимо оговориться, что наш “Мазепа” не имѣл ровно ничего общаго с извѣстным украинским гетманом-злодѣем и

“Кудыкина гора” тоже мало соотвѣтствовала основной идеѣ этой увлекательной игры.

Разумѣется, Мазепу изображал всегда я. С этой цѣлью было достаточно навертѣть на себя простыню и залѣзть в таком видѣ под кровать, а Катя с Соней должны были извлекать оттуда спрятавагося злодѣя за ноги, за руки, за что придется.

“Мазепа”, ясное дѣло, отбивался и, в свою очередь, старался затащить к себѣ в нору своих противников. На этой почвѣ происходила невообразимая возня, крик, визг и суматоха; дѣвочкины платья рвались в клочья, пыль под кроватью начисто вытиралась, и кончалось все дѣло тѣм, что прибѣгавшіе на это свѣтопреставленіе старшіе растаскивали нас по разным углам, стыдили, уговаривали и приводили в порядок, а мы, красные, запыхавшіеся и растерзанные, едва переводя дух, чувствовали, что дѣйствительно поиграли с наслажденіем.

“Кудыкина гора” была еще того глупѣе.

Надо было спрятать какой-нибудь небольшой предмет, скажем, мячик, и затѣм искать его.

Спрятавшій говорил то “тепло”, то “холодно”, в зависимости от того, гдѣ находился мячик и, когда он был совсѣм близко, то старшій в игрѣ кричал: “Кудыкина гора, хватать пора!”.

Конечно, главный интерес состоял в том, чтобы спрятать “Кудыкину гору” в такое мѣсто, гдѣ никому не могло бы притти в голову ее искать. Тут я побивал всѣ рекорды и оттого эта игра мнѣ очень нравилась.

Помню, однажды я ухитрился спрятать мамашину черепаховую шпильку в косу искавшей Кати, так что всюду было “горячо” и всюду была “Кудыкина гора”, а шпильки найти было невозможно. Другой раз я уговорил спрятать дѣвочкину калошу под платье нашей швейцарки, мадмуазель Амели. Сперва она не понимала, в чем дѣло, и не соглашалась, повторяя: «*Mais non, mais non, elles sont donc sales, les chaussures*»; но я ее убѣдил, что «*ce n'est qu'un jeu*», и она согласилась.

Вообще, в играх я любил всегда отличаться и быть на первом планѣ. Если же это мнѣ не удавалось, то такая игра уже почиталась мною скучной.

А тѣм временем педагогическіе таланты Петра Ивановича Рѣпно-вершинскаго дѣлали незамѣтно свое чудесное дѣло: к Рождеству я уже свободно понимал смысл всего, что читал, и мог очень прилично написать немудрящую диктовку, ошибаясь только в “ятях”, а задачи на сложение и вычитаніе даже трехзначных чисел рѣшал почти как Архимед.

Когда впервые мнѣ удалось самому прочесть и понять все от слова до слова в небольшом анекдотѣ из хрестоматіи, я был так по-

ражен этим неожиданным открытіем, что немедленно пошел к отцу и попросил его не дарить мнѣ игрушек на елку, а лучше всего купить книги: одну про индѣйца Витю и другую в таком же родѣ, но не упомяну же ея названія.

Так как мои успѣхи в науках были совершенно безспорны, а никакого “Индѣйца Вити” в книжных магазинах не оказалось, то мнѣ были подарены на елку дѣлных пять книг, из которых три самаго индѣйскаго содержанія и двѣ французских, в красных с золотом переплетах, из серіи «Bibliothèque Rose».

Г Л А В А IX.

В нашем домѣ всѣ, так называемые, “гости” раздѣлялись на двѣ категоріи: знакомые мамы и знакомые папы.

О маминых, отец отзывался всегда презрительно, объединяя их общей кличкой “кунст-камеры”.

И, дѣйствительно, дамы эти красотой похвастаться не могли, но были онѣ всѣ исключительно “приличными” женщинами, приличными до такой степени, что, когда в присутствіи одной из них какой-то инженер сказал, что свай заколачивают балдой, — она густо покраснѣла и вышла из комнаты.

Зато папины знакомые были самые разнообразныя, начиная от высших представителей города и до какого нибудь окончательно спившагося комика бродячей труппы. Отец любил иногда послушать такого “артиста”, умѣвшаго фантазировать болѣе или менѣе забавно, что называется “от души”, особенно, если перед ним стояла бутылка хереса или марсалы.

Один мой дядюшка, Митрофан Иванович, смѣясь, говорил, что отец по лѣности характера навѣрно даже предпочитает такіе рассказы чтенію книг.

Книги вѣдь надо еще доставать из шкафа, да перелистывать, да еще и книга может попасться неинтересная. А тут уж никаких затрудненій не предвидится! Такому гостю просто-на-просто заказывай: — “Валяй то-то и о том-то”. Он и валяет. А хозяин сиди себѣ только да покуривай!

Но особенно любил отец устраивать обѣды пріѣзжавшим к нам в город знаменитостям.

Тогда уже пир шел горой, шампанское подавалось в глыбах льда, выписывались из Москвы Тестовскіе поросята и французскія дюшессы в три кулака ростом, а лѣтом устраивались прогулки на нашем пароходѣ и пикники на берегу Волги: варилась на кострах стерляжья уха по особым рецептам, вызывался оркестр музыки, — да всего и не упомянешь.

Из офицеров мѣстнаго гарнизона бывали у отца только двое-трое.

В то время в нашем городѣ стояли не настоящіе полки, а резервные батальоны; эта публика, шибко бурбонистая, совала окурки во всѣ цвѣточные горшки и так острила за столом, что мамаша со своими дамами чуть не валились от ужаса со стульев.

Зато инженеры-путейцы держали себя так тонно, что их одобряла даже и мамаша.

Я же относился к нашим гостям по-разному; одних любил, других терпѣть не мог, к третьим был равнодушен. Но, в общем, мнѣ нравилось, что у нас бывает много народа, и особенно тянуло меня всегда к людям, по моему мнѣнію, необыкновенным, — не похожим на других, — к какой бы категоріи они ни принадлежали.

Вскорѣ послѣ Рождества гувернантку мадемуазель Амели отправили обратно в Швейцарію.

Случилось это как-то неожиданно, но на этот раз папаша уже был не при чем: иностранок он не любил, говорить на иностранных языках избѣгал принципиально и даже бравировал этим, по его мнѣнію, патриотизмом.

Швейцарку нашу “подковырнула” моя сестрица Ксандра, насплетничав на нее родителям.

Хотя Амели, как потом выяснилось, и была абсолютно не виновата, но мать повѣрила Ксандрѣ, и я хорошо помню, как матрос Назар выносил тяжелые швейцарскіе чемоданы на вызваннаго извозчика.

Послѣ отъѣзда Амели, рѣшено было выписать настоящую французенку из Парижа.

Одна из мамашиних пріятельниц тут же сообщила, что не надо и выписывать: как раз недѣлю тому назад товарищ прокурора отпустил гувернантку своей дочери, чистокровную парижанку и даже с дипломом.

Сѣздили к товарищу прокурора за личными рекомендаціями. Онѣ оказались исключительно благопріятными, и недѣли через двѣ у нас появилась мадемуазель Люси, глазастая дѣвица, картавая и вертлявая, поразившая воображеніе нашей женской прислуги тѣм, что умывалась какой-то особенной жидкостью, которую приготавливала себѣ сама в больших бутылках.

Горничная Наташа выпросила себѣ немного этой удивительной воды и, испробовавъ ее, рассказывала потом:

— И пахнет, и вода, а вродѣ как немокрая... Просто повѣрить невозможно!

Припоминая теперь эту самую Люси, думаю, что у себя в Парижѣ могла она окончить, самое большее, коммунальную школу и, прокорѣвъ года три мидинеткой в какомнибудь второклассном “модном домѣ”, рѣшила попытать счастья в дикой странѣ бѣлых медвѣдей и развѣистой клюквы. Но тогда, на нашем провинціальном горизонтѣ, мадемуазель Люси была не хуже прочих «*institutrices diplômées*».

Этой-то воспитательницѣ и предстояло обучить меня грамотѣ на языкѣ Мольера и Корнеля, что она и выполнила, надо сказать, исключительно ускоренным методом.

В первый урок я выучил всю азбуку от А до Зет, во второй — всѣ сложные гласныя, а через мѣсяц я уже читал «Les malheurs de Sophie», как по-русски, а мамаша, не повѣрив сперва собственным ушам, на слѣдующій же день купила мадмуазель Люси отрѣз шелку на блузку, серебряный пояс и чайную чашку в стилѣ Помпадур, с розовыми цвѣточками.

Вот каким образом достигли мы столь феноменальных успѣхов.

Мои уроки французскаго языка происходили по вечерам когда Ксандра уже спала.

На первом же урокѣ у нас произошло слѣдующее: я вошел в комнату Люси, когда она сидѣла за столом и что-то писала. Лампа под зеленым абажуром ярко освѣщала ея пеструю кофточку и широкій вязаный шарф, накинутый на плечи.

Окончив писать, она убрала все на столѣ и подозвала меня к себѣ.

Я подошел довольно развязно, но ея пронзительный взгляд сразу привел меня в нѣкоторое смущеніе, и я машинально взялся за бахрому ея шарфа.

— Oh! — сказала она удивленно. — Vous avez l'air de comprendre quelque chose, mon petit...

И, отняв от меня бахрому, объяснила, что трогать ее можно будет лишь в том случаѣ, если я буду хорошо учиться.

Затѣм она крѣпко охватила меня за талию и зашептала на-ухо:

— Если вы выучите сразу всю азбуку, то я вам покажу кое-что очень интересное... когда никого не будет дома.

Такое обѣщаніе меня настолько заинтересовало, что я за один присѣст одолѣл всю азбуку, а через нѣсколько дней, когда отец с матерью уѣхали в театр, она сдержала свое слово.

До моего перваго урока с мадмуазель Люси думал я всегда, так сказать, в единственном числѣ, то-есть, мнѣ и в голову не приходило спорить с самим собой.

Ляжешь, бывало, в кровать и, пока не заснешь, все о чемнибудь да соображаешь.

Вот, мол, напримѣр, когда я вырасту и стану большим, чѣм мнѣ лучше сдѣлаться — генералом или фокусником в циркѣ? (Одно время я мечтал о цирковой карьерѣ).

Ну, лежишь и думаешь: как это замѣчательно быть генералом или фокусником. Генерал на войнѣ командует, и всѣ солдаты ему во фронт становятся. А фокусник — еще лучше — что угодно может сдѣлать. Захочет — часы золотые вынет из кармана, а захочет — живую утку. Никто сдѣлать этого не умѣет, а он может.

Или мечтаешь о том, например, как бы хорошо было вырыть пещеру в горѣ Увек и поселиться в ней с запасом продовольствія лѣтъ на десять.

А то... уплыть бы на яхт-клубском тузикѣ в океан и открыть там никому не вѣдомую землю, гдѣ бы росло все, что угодно, и гдѣ можно сражаться с дикими и варить себѣ на кострѣ щи с бараниной.

Одним словом, мечтал и думал я о самых разнообразных вещах сам по себѣ, и никто никогда с мыслями моими не спорил. О чем бы ни подумал, все ладно было.

Окрыленный обѣщаніем мадмуазель Люси, я на другой же день вызубрил за один присѣтъ всю французскую азбуку и вечером с распухшей от позваній головой повалился невытѣй в постель, не переставая думать все об одном и том же:

— А что же такое мнѣ покажет теперь мадмуазель Люси?

В тот вечер всѣ в домѣ рано разошлись спать и тишина была такая, точно, кромѣ меня, не существовало в мірѣ ни одного живого человѣка.

Мнѣ даже стало как-то не по себѣ. Я нарочно громко кашлянул и, дотянувшись рукой до окна, быстро отдернул занавѣску.

На дворѣ сіяла лунная ночь, переливаясь серебром по сугробам и деревьям сада.

Голубоватый свѣтъ сразу вбѣжал ко мнѣ и широкой дорожкой разстелился вдоль всей комнаты.

Я зажмурил даже глаза и опять сказал про себя:

— Что же такое она мнѣ показать хочет?..

И в это самое время кто-то невидимый совѣм рядом со мной произнес беззвучно:

— Ой, смотри!.. Если только отец с матерью узнают об этом, то выдерут тебя обязательно.

Я оторвал голову от подушек, даже поднялся на руках и оглядѣлся.

Никого рядом со мной не было.

Только от книжной этажерки тянулась длинная тѣнь по полу, пересѣкая коврик у кровати; на нем валялись башмаки, а со стула безпомощно свѣшивались к ним рукава моей куртки.

Я снова лег и опять подумал про себя:

— За что же меня драть станут?

А невидимый сейчас же отвѣтил все так же беззвучно:

— Да уж так... Если поймают, то выдерут непременно!

— Вѣдь это же она мнѣ что-то обѣщала... — пытался я снова возразить.

Но "Он" опять шепнул, так же беззвучно:

— Ее выгонят из дома, а тебѣ все равно не сдобровать...

Наступило молчаніе.

Возможно, что я соображал тогда так: кто же это со мной только что разговаривал и почему может “он” слышать мои мысли и отвѣчать мнѣ? Отвѣчать беззвучно, но так ясно, что я отлично все слышу и все понимаю.

— А что же мнѣ дѣлать надо, по-твоему? — спросил я, начиная злиться. — Не ходить, значит, в комнату к Люси? Не учиться французскому? Так, что ли?

“Он” сразу же отвѣтил мнѣ с нѣмой насмѣшкой:

— Пойти ты все равно пойдешь: очень уж тебѣ интересно...

Не могу утверждать, что вся эта таинственная нѣмая бесѣда не была просто навѣяна лунною ночью и моей разгоряченной фантазіей, но с этого самаго вечера, — во снѣ ли, наяву ли, не знаю, — “он” стал иногда приходить ко мнѣ, и тогда мы разговаривали с ним таким же вот родом. Один говорил, а другой ему возражал; мы часто спорили, и я даже из себя выходил, но в большинствѣ случаев побуждал меня “он”, и я дѣлал, в концѣ концов, так, как “он” мнѣ совѣтовал.

Само собой разумѣется, что я никому об этом разговорѣ не обмолвился, тѣм болѣе, что все равно никто в подобную галиматью не повѣрил бы и, много-много, что мамаша поставила бы мнѣ термометр под мышку или дала бы какихнибудь капель, вродѣ валеріановых.

Впрочем, она на утро и то как-то подозрительно на меня посмотрѣла и спросила:

— Почему это у тебя вид такой, нехорошій?.. Голова болит? Подойти-ка сюда...

Она потрогала мнѣ голову, но, чтобы отвязаться, я сказал, что ночью болѣла, а теперь уже прошла.

Г Л А В А X.

По всей вѣроятности, “наглядное обученіе” французскому языку кончилось бы для меня печально, но на мое счастье в один прекрасный день м-ль Люси вышла из дому за покупками и никогда больше не вернулась.

Что именно с ней произошло, я не знаю в точности, но помню, что дня через два послѣ ея исчезновенія пришло письмо, с просьбой прислать ея вещи по прилагаемому адресу. Адрес был дан какой-то нѣмки, содержавшей мебелированныя комнаты.

Хотя при изученіи французскаго діалекта я и проявил недюжинное рвеніе, тѣм не менѣ послѣ загадочнаго исчезновенія моей преподавательницы я вздохнул свободнѣе.

Пріемные экзамены висѣли буквально на носу, когда я, очухавшись немножко послѣ нагляднаго метода м-ль Люси, смекнул, наконецъ, что шутки-то шутками, а что представляться к экзаменам все равно придется.

В воскресенье на Фоминой недѣлѣ мои родители и я были приглашены Петром Ивановичем Рѣпновершинским в семинарскую церковь на торжественную обѣдню, по окончанію которой он должен был прочесть проповѣдь на древне-греческом языкѣ.

Отец на это торжество не поѣхал, а мы с матерью отправились.

Народу набилось в храм видимо-невидимо. Служил сам Владыка и цѣлый сонм іеромонахов и протоіереев в митрах и в камилавках; горѣли всѣ свѣчи и лампы; іеродіаконы и протодіаконы потрясали воздух громopodobными возгласами; ангельскіе голоса дискантов и альтов звенѣли серебром, а басы-профундо и октависты покрывали все густым бархатом.

Моя мамаша, как женщина исключительно набожная, привела меня на службу очень рано, когда еще и духовенство не все собралось; в это время посреди церкви трое семинаристов читали монотонными голосами поочередно что-то неразборчивое.

Петр Иванович, в ослѣпительном золотом стихарѣ, провел нас къ лѣвому клиросу, гдѣ мы и стали: мамаша лицом к алтарю, а я боком, чтобы не пропустить чего нибудь, что происходило сзади нас и посреди церкви.

Тянулась служба безконечно долго. Сперва меня все интересовало, и я, как дикарь, пучил глаза на все это невиданное еще мною золотое великолѣпіе, — на ослѣпительныя парчевыя одежды и митры, на зажженные дикирии и трикирии и на кадила, курившія фиміам; но, так, примѣрно, часа через полтора вниманіе мое уже притупилось, ноги одеревенѣли и, становясь на колѣни, я ловчился посидѣть на пятках, а то и просто на приступочкѣ клироса.

А служба все шла и шла, все пѣли и возглашали, ходили и кадили, читали и благословляли, и конца этому не предвидѣлось.

Я уже и сидѣть устал. Глаза от непрестаннаго мельканія свѣчей и золота риз положительно начинали слипаться и, так как службы я не знал и ровно ничего не понимал из того, что вокруг меня пѣлось и читалось, то, по всей вѣроятности, я так бы и заснул там, привалившись къ рѣшеткѣ; но надо думать, что Петр Иванович сжалился надо мной и послал мнѣ в утѣшеніе огромную просфору через одного из пѣвчих малышей. Тот просунул мнѣ эту благодать через рѣшетку клироса, сказав шопотом:

— Это от Рѣпновершинскаго вам... вчерашняя... Вот, смотрите...

И он так надавил пальцами на просфору, что вся его пятерня отпечаталась на ней глубоко и отчетливо. Я сразу отломил кусок и, не переставая жевать, досидѣл до самаго конца службы.

Вот вышел к Царским вратам мой Петр Иванович в своем стихарѣ за благословеніем.

Лицо сто было замѣтно красно, а руки слегка дрожали, и дрожал также небольшой чуб его густой шевелюры.

Владыка благословил его, и он поднялся на небольшое возвышеніе сбоку, вѣроятно, сооруженное специально для таких проповѣдей.

Размахисто перекрестившись, начал он слегка дрогнувшим голосом какую-то непонятную фразу, обильно пересыпанную “хо” и “хи”.

Часть публики повернулась к нему лицом. Я поднялся на приступочку, чтобы лучше видѣть:

— Хорошо мнѣ знакомый Петр Иванович, одѣтый в золотую парчу, говорил слегка нараспѣвъ какія-то совершенно ни на что не похожія слова, глядя прямо перед собою, с остановившимся взором человѣка, до смерти боящагося, как бы ему не соскочить с зазубренного текста, начать который с середины он уже был бы не в состояніи.

Разумѣется, за исключеніем двух-трех человѣкъ никто из присутствовавших не понимал буквально ничего, и говорить Петр Иванович свободно мог какія угодно греческія слова в любом порядкѣ, но, как человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный, набожный и старательный, он никогда не позволил бы себѣ пропустить ни одного “хо” или “хи”.

Моя мамаша, тоже не понимавшая ни слова из этой проповѣди, тѣм не менѣе молитвенно склонила голову на бок и время от времени вздыхала, уж не сумѣю сказать, о чем.

Так прошло пять, десять, пятнадцать длинных минут среди гробового молчанія прихожан и мнѣ начинало уже казаться, что говорит эти странныя слова вовсе не мой Петр Иванович, а падают они нам на голову откуда-то сверху, не то с серебряной люстры, не то прямо с потолка.

Устав стоять на цыпочках, я снова сѣл на прежнее мѣсто и опять принялся за свою просфору, от которой к концу службы ничего не осталось.

Но вот Петр Иванович повысил немного тон, потянув себя предварительно за ворот, и послѣдняя серія “хо” и “хи” растаяла в перегрѣтом воздухѣ. Проповѣдник снова перекрестился и, пошатываясь, сошел с кафедры.

Когда мы, наконец, вышли и сѣли на ожидавшую нас пролетку, с трудом расправляя затекшія ноги, мамаша сказала мнѣ назидательно:

— Вот, видишь, какой у тебя почтенный учитель!

Я не возражал, но что мог я видѣть почтеннаго в абсолютно мнѣ непонятном.

Но на этот раз мамаша, как на грѣх, сглазила бѣднаго Петра Иваныча самым ужасным образом.

Удостоившись милостивой благодарности самого Владыки за свою проповѣдь, ретивый богослов, до той поры не бравшій в рот ничего хмельного, на радостях нарѣзался, как звѣрь, и в таком блаженном состояніи, возвращаясь поздно вечером обратно в семинарію, совершил на улицѣ что-то не вполне корректное, за что постовой городской препроводил его в участок.

Там Петр Иванович вдруг обратился к дежурному окологородному надзирателю с пространной рѣчью на том же древне-греческом языкѣ. Окологородный послушал его — послушал, но, не будучи классиком по образованію и не имѣя достаточно свободнаго времени заниматься пустяками, распорядился препроводить “субъекта” в городскую психіатрическую лечебницу, для выясненія степени его умопомѣшательства.

К себѣ в семинарію бѣдный Петр Иванович попал лишь на слѣдующій день под вечер, уже совершенно трезвый и сконфуженный до крайности.

Начальство, принимая во вниманіе все прошлое, настоящее и будущее талантливаго проповѣдника, отнеслось к событію болѣе, чѣм снисходительно, и даже не сдѣлало Рѣшновершинскому никакого выговора, но он сам наложил на себя на цѣлый мѣсяц строгую эпитимью; не помню уже, в чем она заключалась.

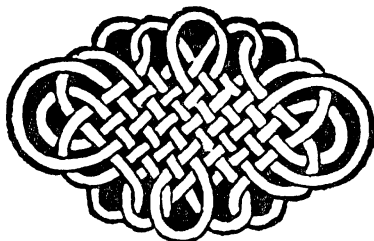
А я через двѣ недѣли послѣ этих приключеній моего учителя сдал благополучно вступительный экзамен в первый класс классической гимназій, чему даже сам первое время не вѣрил и бѣгал ко всѣм зеркалам глядѣть на свою новенькую фуражку с гербом и на сѣрое пальто с петлицами, которое, по совѣсти говоря, мнѣ не хотѣлось снимать даже и в комнатах.

Особенно же сразило меня то обстоятельство, что на принесенном мнѣ от портного новом мундирѣ оказались сзади четыре пуговицы и два кармана, как у папы на сюртукѣ, и я ежеминутно то вытаскивал оттуда носовой платок, то тыкал его обратно.

Увы, я тогда еще и понятія не имѣл, что это за штука — классическое образованіе.

(Продолженіе слѣдует)

Сергѣй Шишмарев.

ДѢЛО АЛЕКСАНДРА РОГОВА

ГЛАВА 1. — ТОЧКИ НАД “i”

Господину Жан-Пьеру Корнуа повезло: скоропостижная смерть судебного слѣдователя Соважа открыла ему дорогу.

Корнуа был блестящим юристом, но все же удивился, — пріятная эта новость обратила его в самого молодого судебного слѣдователя Парижа.

Но помимо служебнаго повышенія для Корнуа, соединявшаго в себѣ юриста и писателя-психолога, — его этюды обратили на него лестное вниманіе и даже вызвали почтительно-ядовитую полемику между общепризнанными “мэтрами”, — доступ к, богатому политическими дѣлами, архиву предшественника был сущим кладом.

Однако, перебирая папки “покушеній на вѣршнюю безопасность государства”, он скоро убѣдился в поразительной их монотонности.

Как правило, обвиняемые, — маленькіе люди, — в період оккупации Парижа противником, длившійся болѣе четырех лѣтъ, были, силою вещей, втянуты в служебныя, дѣловыя или коммерческія отношенія с нѣмцами.

Гдѣ-то при них служили, что-то зарабатывали и чѣм-то, может быть, им услужили, о чем доносили консьержки, мелкіе агенты, перестраховывающіеся пріятели и ревнивыя женщины.

Политическія дѣла парижанок были еще проще — их несомнѣнное “сотрудничество” с побѣдителями выражалось языком любви...

Слудныя фактами, но богатыя воображеніем доносчиков, эти “дѣла” частенько завершались кратким заключеніем Соважа: “К освобожденію”; рѣже — “К дослѣдованію”.

Корнуа отложил нѣсколько папок, в которых преступное сведеніе счетов, в нормальное время, обратило бы обвинителей в обвиняемых, или таких, гдѣ чудовищное и смѣшное переплелись затѣйливым узором, дающим богатую почву для размышленій и выводов, присоединив к ним два-три толстых дѣла характерных для страшной этой эпохи и, достаточно утомившись, уже собирався закончить возню с архивом, когда, с вершины накренившейся горы бумаг, соскользнуло и грохнулось довольно пухлое дѣло.

Судебный слѣдователь втиснулся в узкое пространство между столом и креслом и с досадою принялся собирать листки.

На обложкѣ строптивой папки значилось: “Дѣло Александра Рогова”.

— Ну уж, конечно, какой-то русский — всегда отличаются! — с трудом выдавил из себя слѣдователь.

Дѣло “о покушеніи на внѣшнюю безопасность государства”, учиненном русским бѣженцем — Александром Роговым — прожившим уже лѣтъ двадцать среди парижской бѣдности, раздѣлялось на двѣ неравныя части. Первую — худосочную — составляли: глухой и бездоказательный рапорт доносчиков, коммунистической ячейки дома, гдѣ квартировал обвиняемый, и скорѣе благоприятныя полицейскія свѣдѣнія, так же как весьма положительныя свидѣтельства нѣкоторых извѣстных русских лиц и, даже, двух, трех почтенных французов.

Из всего этого явствовало, что Александр Рогов: в прошлом студент, а затѣм офицер Бѣлой Арміи, принадлежал к семьѣ петербургской интеллигенціи, да и сам был поэтом и, за рулем своего такси, лѣпил строчку к строчкѣ, а затѣм, на трудовые гроши, выпускал книжки, погружавшіяся немедленно в лету, как и почти вся злополучная, не имѣющая читателей, эмигрантская литература...

Вторая — обширная — часть дѣла заключала написанную Роговым, на неувѣренном французском языкѣ, скорректированную его созаключенными, “исповѣдь”, как опредѣлил Корнуа обращеніе к судѣ подсѣдственнаго.

Александр Рогов писал:

“Господин Судебный Слѣдователь,

“Я отнюдь не льщу себя надеждой, что вы прочтете все мною написанное. Поэтому, закончив эти, увы! беспорядочныя и, вѣроятно, недостаточныя записи, я подчеркнул то, что в особенности касается моего дѣла, надѣясь убѣдить вас, что я не только не совершил преступных дѣйствій против Франціи, но и не извлек из моего положенія никакой личной выгоды. Наоборот, я — жертва войны. Воспользовавшись долгим предварительным заключеніем я на бумагѣ объяснил самому себѣ и закрѣпил для вас то, что мнѣ пришлось пережить и чему довелось быть свидѣтелем.

Я сознаю, что вас, Господин Судебный Слѣдователь, может удивить, что я задаюсь такими задачами, а не пытаюсь, с первых же строк, оправдываться, хотя, естественно, в этом вся цѣль моего обращенія.

Но нѣтъ! — Это не странное равнодушіе к своей судьбѣ, а увѣренность в том, что моя невиновность, с полной очевидностью, обнаружится только, если мнѣ удастся раскрыть вам себя, как человѣка вообще и как русскаго политическаго эмигранта в частности.

При этом мнѣ мечтается помочь и другим моим соотечественникам,

дѣла которыхъ вамъ попадутся, такъ какъ перипетіи моей жизни во многомъ совпадаютъ съ судьбами моихъ собратьевъ по несчастью.

И я, отнюдь, не пытался изобразить нашу эмиграцію въ свѣтлыхъ тонахъ, а только показать ея несходство съ окружающею средою, позволяющее примѣнить къ ней иную мѣрку, учесть особыя обстоятельства, въ которыхъ она оказалась, и побужденія, ею руководившія.

Въ заключеніе, я еще разъ прошу Васъ, Господинъ Судебный Слѣдователь, повѣрить, что я *никогда* не причинилъ вреда ни одному французу, а тѣмъ болѣе французскому государству”.

Корнуа перелисталъ все дѣло и прочелъ на послѣднемъ листкѣ: “Къ освобожденію. Сожалѣю”.

— Ахъ, такъ вы, вѣроятно, опять такси — господинъ Достоевскій! И, можетъ быть, и привезли меня сегодня, въ Палэ де Жюстис? Ужъ очень русская фізія была у шофера! — съ какой-то, неожиданной, радостью воскликнулъ Корнуа, машинально зажегъ свѣтъ — уже сильно завечерѣло — и углубился въ чтеніе.

— Непріятно признаться, но я птица неважная: всего-на-всего парижскій шофер-такси.

Отпрыскъ стараго дворянскаго рода, я не принадлежу къ подлиннымъ или измышленнымъ княжескимъ фамиліямъ, стила “пренс де Попофъ или Агафонофъ”, что, какъ извѣстно, бываетъ въ русской колоніи Парижа. Но среди “аристократовъ” попадаютъ и безкорыстные мученики тоски по воображенному пышному прошлому. Такіе и держатъ себя со скромнымъ достоинствомъ и такъ проникаются своею идеею, что и сами въ нее вѣрятъ и вся сладость существованія для нихъ въ томъ, чтобы вернуть въ задушевной бесѣдѣ, въ особенности за рюмкой водки, “въ моемъ майоратномъ помѣстьѣ”, “Мой дѣдъ — Князь Петръ”... или что нибудь подобное.

Эти безвредные чудаки даже трогательны. Взобравшись, разъ навсегда, на ходули, они достигаютъ, порою, такой виртуозности, что могутъ быть поставлены въ примѣръ подлиннымъ, но нѣсколько опростившимся князьямъ...

Увы! Мои предки были богаты не титулами, а культурной традиціей и мнѣ достались, отъ нихъ въ наслѣдство, только кое-какія, практически вреднѣйшія понятія и правила. Но къ дѣлу.

Шелъ 1939 годъ. Франція и Англія находились уже въ состояніи войны съ Германіей, но боевыхъ дѣйствій еще не было.

Какъ будто для приличія, въ какомъ-то лѣсу, оказавшемся между линіями сплошныхъ укрѣпленій, происходили, иногда, стычки патрулей, которыя, за неимѣніемъ лучшаго, и отмѣчались въ сводкахъ.

Все застыло в вялом ожиданіи и многим начинало казаться, что эта война, не желающая или не могущая разгорѣться, война, принявшая столь уютныя формы, так ничѣм и не закончится. Никому, и что самое печальное, самому командованію, не хотѣлось беспокоить себя грозными предположеніями...

В это время, я продолжал работать в Парижѣ шофером-такси, собственником. Кажется, никогда так не работалось! Возраст за возрастом призывались на военную службу и мы возили новобранцев, с их близкими, на вокзалы.

Припоминая войну 1914-1918 годов в Россіи и наблюдая отсутствіе подъема у призываемых и рыданья провожающих, я недоумѣвал: ни дать, ни взять — похороны!

И как-то невольно оживали строчки Блока:

“Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

И, садясь, запѣвали *Варяга* одни,
А другіе — не в лад *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука”.

Были, правда, среди призывавшихся под знамена, люди и другого закала, охваченные энтузіазмом и увѣренные в побѣдѣ.

Они отправлялись на фронт с веселым озлобленіем хорошаго солдата, с шутками и большим шумом, не забыв совершить обход всѣх кафе своего квартала.

Сокровенное патриотическое чувство, вылившееся потом в “ре-зистансѣ”, на поверхности жизни замѣтно не было.

Поэтому оно и прошло мимо сознанія русскаго “бѣженца”, жителя замкнутого мірка — русскаго Парижа. Вывод сторонняго наблюдателя — русскаго шофера-такси — выражался в лозунгах, испещрявших стѣны домов: “Я не хочу умирать за Данциг!” или “за Чехію!”, “за Австрію!” и, наконец, “за Варшаву!”...

Война безусловно не была популярна, а пассивность противника еще болѣе укрѣпляла мнѣніе, что Франція напрасно вмѣшалась в чужія дѣла и что нѣмцы, послѣ молніеносных побѣд на Востокѣ, готовы къ полюбовному сговору, если их завоеванія будут признаны Союзниками. А чужія земли, как извѣстно, недорогая плата за свое спокойствіе...

Но скоро, очень скоро обнаружилось, что сохранять позицию “стороннего наблюдателя”, нашему брату — бесподданному бѣженцу — не позволено.

Правда, тревожные слухи давно ходили, но им мало вѣрили. Отвѣтъ был готов: “Вѣдь мы же — иностранцы!...”

Однако, как-то утром мнѣ подсунили под дверь бумажку — вызов на медицинскій осмотр на предмет зачисления во французскую армію. Тут же выяснилось, что отказывающимся предлагалось, в кратчайшій срок, покинуть предѣлы Франціи, что было, без особых, исключительных связей, невозможно. Впрочем, желающих воспользоваться этой лазейкой, среди русских, было мало. Из таких “пацифистов” мнѣ припоминается один эмигрантскій писатель, впоследствии всемірно прославившійся романом, воспѣвающим любовь того сорта, который в судебной практикѣ именуется “растлѣніем малолѣтних”.

Но не будем строги — уклонение от опасности вошло у него в привычку.

Юношей, а парень он был спортивный, этот герой так же сбѣжал с территории Добровольческой Арміи, когда всѣ его сверстники и школьные товарищи, не ожидая призыва, вступали под русскія знамена.

В назначенный день я остановил мою машину у мэрии 13-го округа, гдѣ производился осмотр “апатридов”.

Толпа русских, армян, грузин, татар и азіатов загрохотала залы, монументальныя лѣстницы и залила тротуары.

Впервые, послѣ конца Бѣлой борьбы, мы — разноплеменные дѣти Россіи — сошлись вмѣстѣ.

Ни одно публичное собраніе, даже сборища у кафедральнаго Собора на rue Daug, гдѣ, как говорили, можно было *всѣх* встрѣтить, и отдаленно не имѣли той полноты, как эта обязательная явка.

И у Храма и в фойе русских театров, *всегда* отсутствовали тѣ или другія, значительныя группы.

Здѣсь собрались *всѣ*, без исключеній.

Расчлененная, раздираемая партійными склоками, отравленная ядом взаимных смертельных обвиненій, раздѣлившаяся по національным, классовым, конфессіональным и даже профессиональным признакам, всероссійская эмиграція заполняла мэрію 13-го округа на Итальянской площади и тѣснилась вокруг нея.

Сошлась она опять во имя войны — это ли не судьба нашего поколѣнія?! И, как-то разом, пали всѣ преграды.

С полной очевидностью, обнаружилось, что нам, всѣ эти годы, недоставало одного — непререкаемой власти, чтобы из отдѣльных ручьев слиться в одну рѣку.

Всей кожей осязаемое, чувство братства, сознание нашедшаго себя снова народа охватило толпу. Хотя, казалось бы, мы стояли перед но-

вым тяжким испытаніем, хмель радости, возврат молодости сіял на всѣх лицах...

Люди десятилѣтіями друг друга, заочно, поносившіе, встрѣчались чуть ли не с объятіями.

Только и слышалось: “Ба, ба, ба!! Семен Петрович, и вас забрили?! Поди, лѣтъ пятнадцать не встрѣчались? — Постарѣли, посѣдѣли, а все еще выглядите молодцом! Что же, опять вмѣстѣ опредѣлимся?”

— Ну, конечно же, — старые батарейцы, — вмѣстѣ. Только удастся ли, Виктор Осипович? Вѣдь вы, кажется, на такси подвизались? И теперь не миновать вам авто-транспорта, а меня, вѣроятно, в саперы зачислят. Я, вѣдь, мостостроитель!

— Вот как! В люди выбились?

— Случай, батенька, случай!

В этой бурлящей толпѣ горькое чувство нашего разброда боролось во мнѣ с восторгом вновь обрѣтеннаго единства.

Что ж, — думалось мнѣ, — раскол в эмиграціи был неизбежен. Всѣ мы потеряли родину, семью, положеніе, любое, но свое, естественное и, перед каждым, встал вопрос: почему это? Кто в этом виноват?

Такой вопрос никогда не вставал перед сознаніем рядового гражданина, в спокойныя времена.

А теперь, любой кашевар Измайловскаго Полка, не менѣе чѣм ученый, генерал, педагог, писарь или священник, казак Гнилорыбинской станицы, шахтер из Юзовки и мелитопольскій хуторянин, всѣ до одного ищут отвѣта: почему исковеркана моя жизнь и пошла по невѣдомому, враждебному завѣтам предков, пути исторія земли российской?

А так как круты, недоступны высоты безпристрастія, с которых видно, что *виновных нет* или, что одно и то же, *мы все виновны*, то изгнанник ищет и, конечно, находит врага, погубителя, измѣнника в своем ближайшем сосѣдѣ.

Словом: эмигранту необходимо кого-то проклинать и ненавидѣть...

Эта вражда соль его прѣсной, как бы загробной жизни...

Но предаваться размышленіям было мудрено. Толкотня стояла страшная. То и дѣло приходилось пожимать чьи-то руки, выслушивать тѣ же вопросы, подавать тѣ же реплики, зачастую совершенно не припоминая, с кѣм тебя снова столкнул случай. Говорили всѣ одновременно, и слух улавливал только безсвязныя слова и восклицанія.

— Как, и вы здѣсь? Ай да пацифист! Видно позубоскалили и довольно?

— Ну, знаете, разсужденія — одно, а...

— Мобилизація — другое?!

— Нѣтъ, Василій Гаврилович, вам-то хорошо, а у меня четверо дѣтей, больная жена и за душой ни копѣйки...

— А я, знаете, как попаду на фронт, сейчас же справлюсь: гдѣ здѣсь в плѣн сдаются?

— Ну, это старо! — Еврейскій анекдот переиначили.

— Ты, Васька, в плѣн?! Разсказывай другим, а вот, что вшей, как на Перекопѣ, разведешь, так это — будьте увѣрены!!

— А что ж? — нашелся Васька — вошь — животная военная!..

— И никогда я с вами не соглашусь. Раз мы и за Царя воевали, так за Республику...

— Так то же у себя было. И при чем здѣсь республика? Начитались милюковщины... Попугай! А кто у Марьи Петровны, послѣ третьей рюмки, “Боже Царя храни” затягивает?!

— Военное положеніе Франціи — отлично! Генерал Головин, а он и у французов в почетѣ, пишет, что “побѣда Франціи *математически* обезпечена.

— А вы встрѣчали ученаго генерала, который бы *математически* не сѣлъ в лужу? — бѣшено наскочил плюгавый шофер, извѣстный под кличкою “интеллигентшики”. — Военная наука — вздор! Еще Толстой показал...

— Так это когда ж было?

— Человѣкъ — рѣшающая сила, а он все тот же.

— Да заткнись ты! “Человѣкъ”, а пулемета не хочешь?

— Во всяком случаѣ, хотя мы и “грязные иностранцы”, а воевать будем по-свойски — за совѣсть. Неужто же, под старость лѣтъ, осрамимся??!

— Это и говорить нечего...

— Да и бѣжать вперед сподручнѣе — ввернул кто-то.

— А я, господа, по правдѣ, с удовольствіем повоюю. Осточертѣло!! Ругаешься со всѣми — от скуки, а на войнѣ первое дѣло — дружба!

— Вот это, брат, правда. Пора от юбок оторваться — совсѣм обабились...

— Пора-то пора... Да только, что за солдаты из старых “женатиков”?

— А вот увидим!

И в моей памяти, вдруг, встали давно позабытые стихи:

“Проходят годы. Вырастая крѣпнут
Глухія стѣны меж людских сердец.
Владѣніям войны — великолѣпным —
Приходит, изсушающій, конец.

Не таково единство Сѣчвое,
Святое братство рыцарей войны.
Пурги прозрачной смертоносным воем
Согласныя сердца опьянены.

. . . . .
Безпамятство подтачивает души,
В томительном затишьѣ боевом,
Священный огонь, в безвременьи, потушен
И человек не любит никого...”

Неужто снова возвращается это “святое братство”?

А рядом какой-то изступленный голос:

— Подумали ли вы, отставной вояка, что “хорошіе” примѣры заразительны? Сегодня французы, а завтра нѣмцы тоже мобилизуют своих русских эмигрантов! Не всѣ из Берлина, как мы с вами, перебралсь в Париж. Хорошенькое братство! По своим лупить будете?

— Нѣт, ребята! — ворвался развеселый голос, видимо уже подгулявшаго, круглаго, крѣпкаго парня, облаченного в пальто Ситроевских гаражей, — недаром сказано, что караси *любят* жариться в сметанѣ!!!

— А ты что — карась?

— Карась не карась, а видать той же породы — закатился весельчаком хохотом.

Вообще в толпѣ удивительно быстро мѣнялось настроеніе. Казалось, всѣ были пьяны, пьяны духом и легко воспримчивы к любой мысли.

— А меня, господа, то утѣшает, что большевики с Гитлером — стало быть нам — бѣлым — мѣсто здѣсь...

— Наше мѣсто, — говорите? — В музей прошлаго — вот гдѣ оно!!

— Правда, господин хорошій, на музейное чучело вы здорово смахиваете, а других лучше не трогайте — “есть еще порох в пороховницах”!

— Ну вот и попались! От музея отбрыкиваетесь, а Сѣчью бредите, вѣдь это уже и не XIX, а XVIII вѣк!!

У меня закружилась голова и я выбрался на улицу.

И тут все знакомыя лица.

Вот замѣтный, красивый, подчеркнуто аккуратный шофер, флотскій старшій лейтенант в прошлом. Не обращая никакого вниманія на давку и крики, он тщательно полирует ногти своих породистых рук, которым как будто совсѣм не знакома черная работа, хотя среди нас мало таких дѣльных работников и отличных механиков. При всякой неполадкѣ машины у товарищей по работѣ, Сергѣй Иванович неторопливо отстегивает запонки, засучивает рукава и с головой погружается под капот мотора.

И вот, все в порядкѣ.

— Сергѣй Иванович, как умудряешься ты сохранять такія ручки? — спросит, бывало, какой нибудь шофер.

— Как? — Тут нѣтъ никакого секрета — не бойся воды, мыла и щеток, — отвѣтит Уралов и, не без брезгливости, взглянет на сомнительныя “копытца” вопрошающаго.

Недалеко гогочет обросшій кривой рыжей бородой и облаченный в невѣроятно грязный халат громадный дѣтина, его товарищ по морскому корпусу, старшій лейтенант Поганцев.

Рубашка, повидимому, отсутствует, а вокруг шеи замотан шарф цвѣта... уличной пыли.

А, между тѣм, этот грязный оборванец, своего рода, парижская знаменитость.

Каждый Божій день, ранним утром отправляется он в Булони на Сену, сбрасывает халат, шарф, невыразимые и сапоги размѣров невиданных, — хладнокровно бултыхается в рѣку, медленно ее переплы-

вает и, вплавь же, возвращается обратно под удивленными взорами случайных зъвак.

Совершается это круглый год, в любую погоду, при любой температурѣ.

Поганцев всегда участвует в ежегодном зимнем переплываніи Сены, иногда расталкивая носом льдинки, неизмѣнно приходя к финишу послѣдним.

Французскія газеты регулярно отмѣчают: “В рождественском переплываніи Сены участвовало 18 спортсменов, 11 пловцов страшнаго холода и борьбы со льдом не выдержали. Первым к финишу пришел прошлогодній побѣдитель Морис Дюран. Русскій шофер-такси Поганцев, этот бѣлый медвѣдь, как всегда, закончил состязаніе, придя послѣдним. На наш вопрос: замерз ли? — русскій отвѣтил: “Нѣт. Движеніе согрѣвает”...

Пріятели же всегда, послѣ состязанія, посмѣиваются:

— Ты бы с собой и халат с шарфом захватил — вода одежду освѣжает!

— Да ну вас! — отмахивается он красной лапой.

В жизни этого добродушнаго богатыря произошло что-то, рѣзко раздѣлившее ее на двѣ части.

Один из всѣх, Сергѣй Иванович помнит его франтоватым офицером, большим “дамским кавалером” и первоклассным моряком. Но в годы гражданской войны, человѣка этого будто подмѣнило.

Никому не довѣрил он свою тайну. Неожиданно, при эвакуаціи Бѣлой Арміи, он объявил себя на анкетѣ матросом, перестал бриться, облекся в костюм с толкучки и, навсегда, отрекся от прошлаго.

Доброжелательный, сердечный и смѣшливый, Поганцев выходил из себя, если ктонибудь, по долго сохранявшейся в военной эмиграціи привычкѣ, называл его “Старшим лейтенантом”.

Покраснѣет бывало и — “Матрос я, да еще и штрафной!!”.

И когда, случайно присутствующій, старинный друг Уралов протянет: “Ну чего ты врешь, Ваня?” — чудака потупится, но позиціи своей не сдаст.

— Мнѣ с вами, господин офицер, плавать не приходилось...

Сергѣй Иванович только плечами пожмет.

Но все же в бронѣ Вани подмѣчена брешь...

Помолчав, под одобрительныя подмигиванія друзей, Сергѣй Иванович идет с козырей:

— А Танечку, все же, помнишь?

— Танечку! — вырывается из глубины мохнатого сердца, — да ну вас всѣх к лѣшему! И в жизнь такой не знавал...

И замолчит, задумается. Но странно и неожиданно освѣтится, на минуту, его лицо и что-то нѣжное, глубокое и высоко-человѣческое, обнаружив “бывшаго человѣка”, сметет ветошь маскарада...

Недалеко, прислонясь к колоннѣ, стоит, углубившись в газету. сутулый, болѣзненный брѹнет. Его-то уж, конечно, забракуют. На Первой Великой Войнѣ он потерял три пальца правой руки, да и оставшіеся плохо слушаются.

Участник легендарнаго Ледянаго Похода и всей дальнѣйшей кампаніи, пламенный русскій патріот, полный георгіевскій кавалер, молодой полковник граф В...ій, носящій историческое польское имя, отрывается от своего титула не менѣе упорно, чѣм Поганцев от чина.

Но причина другая. В семьѣ В...их произошел раскол, — старшій брат нашего друга, гвардіи полковник, а сейчас польскій штабной генерал, такой же истовый поляк, как Стефан Маврикіевич — русскій.

Братья разошлись, но старшій никак не мог примириться с тѣм, что Стефан упорствовал в своем “донкихотствѣ”, и продолжал звать его на родину, “чтобы занять в арміи соотвѣтствующее чину и славному боевому прошлому мѣсто”.

Стефан Маврикіевич в задушевной бесѣдѣ, с избранными, довѣренными друзьями одновременно и умилялся и возмущался. Братская любовь его трогала, но измѣна Россіи возмущала.

— Вѣдь, — восклицал граф, — Іеремія гвардейским полком командовал, а сейчас “пана-поляка” корчит!

— Помилуй, В...ій! Вѣдь Польша теперь самостоятельна.

— Да... но — не уцѣлѣть ей в одиночку! Вы помните, что сказал Тютчев?

“Тогда лишь в полном торжествѣ
В Славянской міровой громадѣ
Строй вождѣнный водворится,
Как с Русью Польша помирится”.

Так оно и есть! Поляки и русскіе родные братья. Посмотрите на наших баб — одно лицо! Вот вы говорите, я — поляк. Да, по крови. Но русскій язык мой родной, русская школа, полк — вот моя семья и никто, никогда, даже пьяный не ткнул мнѣ в нос — “полячишкой”. Вы это понимаете? — Сила русской великой культуры в том, что в ней нѣтъ национальной ограниченности. А какое истинное “благораствореніе воздушсей” наступит, когда весь славянскій мір соединится водино!!

— Эх, куда хватил! А большевики?

— Да вы не смѣйтесь, маловѣры: Россія большевизм слопает, как татарщину, как опричнину. Неужели же вы хотите оправдать вызов Владислава Ходасевича:

“И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завѣщанный вѣками,
Любовнѣй и ревнивѣй берегу...”

Впрочем, помимо идейных соображеній связавших с нашей бѣженской судьбой графа В...скаго, заманчивыя предложенія “превосходительнаго” брата соблазнить его не могли и по другой причинѣ.

Стефан Маврикіевич недаром считался одним из лучших командиров батарей — математик он был первоклассный и хотя, покамѣст, и пребывал в вошющей бѣдности, но, безошибочно, вычислил, обосновал систему выигрыша на скаковом полѣ.

“Пифагоровы штаны на всѣ стороны равны”, — утверждает школьное остромысліе. Увы, графскіе были “рваны”, рубаха вся в дырах, но зато в его отельной комнатухѣ на кровати, единственном кривом стулѣ и даже на, пренебрегаемом хозяином, умывальникѣ возвышалась гряда специальных скачечных изданій, а на столѣ были в особом, невразумительном для профана, порядкѣ расположены стопки разноцвѣтных карточек, соответствующих лошадям и испещренных многозначительными іероглифами. В...скій посвятил годы изученію міра скачек, на которых, как великій стратег на полях битвы, никогда не появлялся.

И для всѣх нас было ясно, что граф видѣл в конских состязаніях только досадную, несовершенную матеріализацію стройных и безошибочных расчетов. Всѣ данныя: родословная лошадей, их рѣзвость, чередованіе побѣд и пораженій, личныя отношенія между каждым скакуном и каждым жокеем и даже, что очень важно, семейныя обстоятельства всѣх “элементов” скачки были ему извѣстны, учтены, досконально провѣрены и закон выигрыша установлен неопровержимо. Стефан Маврикіевич, — человек выдержанный и хладнокровный, — посвятил другіе годы примѣненію этого закона на практикѣ, довольно регулярно проигрывая и сильно недоѣдая, но духом ничуть не смущаясь.

Эти неудачи — он ясно видѣл это по своим выкладкам — были или случайны, что закон в нѣкоторой пропорціи допускает, или являлись слѣдствіем недобросовѣстности жокеев.

Что же? — Граф только посмѣивался: вѣдь миллионы были *математически* обезпечены.

В...скій *знал*, что он скоро оставит такси, убогій отель, обжорку, изрядно разстроившую его пищевареніе, и, купив в отдаленном, давно облюбованном им пригородѣ Парижа дачку с садиком, займется, наконец, настоящим дѣлом своей жизни.

Дѣло это была задуманная им давно книга о видѣнном и пережитом на полях войны. Покамѣст, он только смутно ее намѣчал, так как слишком был занят вычислениями той скачечной комбинаціи, которая обезпечит нужный ему досуг; но эпитаф был уже облюбован.

Пушкинскій, конечно, послѣ Пушкина в Россіи перевелись геніи...

На титульном листѣ книги “полковника гвардейской конной артиллеріи графа В...скаго” будет значиться:

“...тяжкій млат
Дробя стекло,
Кует булат”.

Мы похоронили, сложившись, графа В...скаго, как он и хотѣл, на русском кладбищѣ в Ste-Geneviève-des-Bois, на втором году войны.

Единственный вѣнок “От боевых друзей” был перевит Георгиевской лентой, а к пиджачку покойнаго, английской булавкой, был приколот офицерскій Георгиевскій крест.

Невдалекѣ от оживленной группы смѣющихся пріятелей, дымит вѣчной папирской в пожелтѣвших пальцах худой, щуплый, сильно засѣдѣвшій шатен, в котором, заверни его хоть в рогожу, невозможно не признать интеллигента, да еще и типично “питерскаго”.

Недоучившійся студент, военный летчик, сбившій с полдюжины сильнѣйших противников, Пудинкевич остался глубоко штатским человеком. Он иронически-благожелательно прислушивается к разговорам.

— Нѣтъ! Что вы там ни говорите, — громко ораторствует высокій брюнет лѣтъ сорока пяти, с пріятным и умным, хотя слегка желчным лицом, — дѣло небывалое! Поневолѣ покоряясь, я не могу признать этого законным. Скоро двадцать лѣтъ, большинство из нас живет во Франціи и *до сих пор* мы, в правах, даже на труд, к гражданам страны не приравнены. А пришла война и нас — “апатридов” — мобилизуют, потому что за нас некому заступиться! И это дѣлают французы, похваляющіеся своей приверженностью к логикѣ. На каждом шагу и слышно: «Nous sommes le pays de Descartes»!!!

— Но, помилуйте! А гдѣ свободнѣе дышится, чѣм во Франціи?

— И почему вы именно сюда пріѣхали?

— Удивительный вопрос! Ни Сербіи и Болгаріи, ни, затѣм, Германіи, а потом и Франціи никто из нас не *выбирал*. Мы всѣ тянулись туда, да и вы как другіе, гдѣ можно было найти работу и куда удавалось раздобыть визу. И если волна бѣженцев переливалась из одной страны в другую, то только поэтому. Что потом у нас создалась привычка и привязанность к странѣ проживания, никто отрицать не станет.

— Но, скажите, почему нас приняла Франція? Может быть потому, что мы, из поколѣнія в поколѣніе, вздыхали о Парижѣ и наши дѣды и отцы прокучивали здѣсь свои наслѣдственныя состоянія? Ничуть не бывало! Франція нуждалась в дешевой рабочей силѣ и нас привезли сюда по контрактам на заводы и фабрики. Да и тѣх, кому удалось пріѣхать самостоятельно, на верхи рабочаго класса все равно не пускали!

— Не возражайте, не возражайте! — замахал брюнет руками, —

были исключенія? Конечно, но сколько их можно насчитать на десятки тысяч наших земляков, из которых было немало способных, талантливых работников, во всѣх областях практической дѣятельности? — *единицы!!!* Я, напримѣр, инженер и, скажу без ложной скромности, мое имя, в кругах специалистов, извѣстно. Однако, мой русскій диплом считается здѣсь, извините, — инженер перекоксился, — “гигиенической бумажкой” и меня посадили на такси, а теперь снимают с облучка чтобы обратить в пушечное мясо.

— Ну, об этом не беспокойтесь! Вас, в вашем возрастѣ, в худшем случаѣ опредѣлят в авто-транспорт, а, всего вѣроятнѣе, в “пасивную оборону”.

— Да я не того боюсь! — взорвался инженер, — я от фронта не бѣгу и был бы рад заплатить долг за гостепріимство, но меня глубоко возмущает самый факт мобилизаціи неподданных, которым было отказано в примѣненіи их знаній и способностей. А вѣдь тут от нас требуют выполненія вышшаго долга гражданина — отдачи жизни за родину!!

— Эх, Петр Петрович! — вступил в разговор невзрачный человек с простым, но вдумчивым лицом, — всегда-то вы так — справедливости ищите! А от этого толку мало, только желчь разливается... По-моему, дѣло проще — тяжело воевать с нѣмцами... Кому, кому, а нам это извѣстно. А припомните, дорогой, и другое, хотя вы, — что и говорить, — первѣющій инженер, и нашей саперной ротой командовали. Я при вас подрывником состоял. А вот как сегодня перед доктором раздѣнетесь, право слово, он на вас диплома инженерскаго не замѣтит, а вот гдѣ вас шпальнель попортила, обнаружит навѣрно... Войнѣ мы всѣ покорны... Так вот теперь, рассуждаю, француз перед страшным врагом, не до прав тут... Вот и за нас даже хватаются. Все, что под руку попало, авось да и пригодится, силенок своих-то не дюже...

— И совсѣм, Сидоров, не в том дѣло! — выскочил сзади какой-то лохмач, — сами виноваты: двадцать лѣт только и кричали, что мы — офицерá, добровольцы, герои!! Обще-воинскіе Союзы всякіе, Галлиполицы, комбатанты из русскаго Экспедиціоннаго Корпуса — фу-ты, ну-ты!! Послѣ третьей рюмки, до сих пор имена забываем, погончики-то сквозь пиджачки проступают — по чинам величаемся! Так вот и докажите, какіе вы “воины”!!!

По лицам пробѣжала туча.

— Брось, брось свои глупости! — не выдержал кто-то. — Обще-Воинскій Союз, по крайности, сохранил в нас остатки самоуваженія.

Но вот вниманіе отвлеклось в другую сторону. Пожилой, кургузый, но коренастый крикун, в заборных колючих огненно-рыжих усах, с угреватым носиком, украшенным волосатой бородавкой, покрывая всѣм голосом, азартно насѣдает на, видимо привычнаго, сонно-равнодушнаго

субъекта. Зато кружок слушателей забавляется всласть, сохраняя самыя серьезные мины: пламенный “кавказец” обидчив и вполне способен к “оскорбленію дѣйствіем”.

Измайловскій или как он произносит — Измаиловскій (“прадѣд, во главѣ своих егерей, первый ворвался в турецкую твердыню Измаил — отсюда и имя родовое” — объясняет он имѣющим уши) таращит желтые глаза с хитринкой, так и брызжущіе нахальством, и раздувается, как басенная лягушка.

— Мобилизовать меня, — кавказскаго капитана — обратить в солдата?! — восклицает он с сильным, забавным акцентом русских, долгіе годы проживавших среди туземцев. — Меня? Которому пришлось в боях командовать славным Апшеронским Полком?!

— Вѣроятно, когда полковой командир по нуждѣ отлучался? — не выдерживает Пуцинкевич.

— Да нѣтъ! Ты, Ярославушка, не смѣйся, а то я тебѣ руки и ноги повыдергаю.

Он сдерживается и переходит на задумевный тон.

— Неужели и вправду я недостойн капитанства? Так вот, послушай, Ярославушка. Ты знаешь, какія у нас были потери? А я только окончил Тифлисское Училище и вышел в полк подпоручиком. Мы занимали позиціи в горах, у Эрзерума. Снѣг, ледяной вѣтер, а солдаты одѣты кое-как, даже папах и перчаток нехватало! А вокруг однѣ скалы — снѣг и камень — даже окопаться, от вѣтра спастись, невозможно. Обмороженных было каждый пятый, а мы оказались на ключевом участкѣ фронта. Прорви здѣсь турок наши линіи, глубокой обход и дивизіям придется уходить из мѣшка с боем. И тут уж никак не миновать гибели цѣлых полков, а для многих позора плѣна... Старый кавказскій орел...

— Уж не ты ли? — прервал Пуцинкевич.

— Ярославушка, послушай, не шути! — Полковой командир, генерал Князь Гегелешвили — его вся Кавказская Армія знала — собрал всѣх командиров рот. И говорит: “Мы должны продержаться двое суток, пока подойдут резервы. И я *приказываю* — хотѣл бы я, чтобы ты слышал, как произнес он это слово! — *приказываю перевал удержатъ лобой црной*!” Первый день прошел спокойно. Турки только подтягивались. Перестрѣлка шла вслѣбую. Потери были, но немного. У меня убитых одиннадцать человек, среди них прапорщик, славный такой мальчик, только что прибывшій, Семенов Третій, и 28 гренадер ранено. Держались ребята хорошо. Особенно унтера и фельдфебель Забубенко... А знаешь гдѣ он теперь? — Красной дивизіей командует, а был вѣрным из вѣрных! Стеннѣло сразу, как в горах бывает. И слышу — дуло со стороны противника — какіе-то у них крики: не то вой, не то пѣнье, ну прямо панихида, ничего не разберешь... Обошел роту, а снѣгу чуть ни по пояс. Тут вплотную не увидишь. А патроны на счету — подвоза нѣтъ. Говорю Забубенко: “Прекратить огонь. Атаку принять залпами, — не видать — услышим, без “Алла!” не ринутся,

а дорвутся — в штыки!!!”. “Слушаю”, — отвѣчает, — “ваше благородіе. Не сумлевайтесь, не подкачаем!”. И чувствую, что правда, с такими не пропадешь...

Измайловскій чуть сапонул носом, слушатели, хотя минуту тому назад ни слову его не вѣрили, сочувственно молчали.

— Смотрю вперед, Забубенко рядом и будто, сквозь снѣг, что-то чериѣет, перебѣгают тѣни, люди? “Видишь?” — шепчу. “Быдто бы... Только дѣло ночное, опять же пурга, туды ее в качель, развѣ разберешь”... И вдруг, совсѣм близко, вопли и густѣют черныя пятна. Чувствую, и Забубенко замер в напряженіи. “Видишь?” — “Вижу! — Неужто “они”, весь снѣг чернотой залило?”. “А нам не чудится?” “Не должно быть: глаз — обманет, ухо — вѣрно докладывает...” Опять голос бурана прорѣзали гортанные крики, жалобы. Чертовщина, да и только. Противник, видимо, накоплялся перед атакой. “Забубенко, передай по цѣпи, по сигналу, стрѣлять залпами, выпѣвливать в черноту, не частить...” “Слушаюсь!”. Связные от взводов быстро распозлились вдоль бруствера. Я все еще выжидал... Вспомнились мать, отец и... одна брюнетка... Ах, и сейчас как подумаешь — огонь дѣвчонка!! И, знаете, в самыя напряженные минуты, будто от самого себя оторвался. Нѣт ни гор, ни стужи, ни турок, — мгновенное забытье... Огонь-дѣвочка!! “Огонь!” — заорал я, очнувшись. Рота грянула. Что поднялось!! — Вопли, визг, вой, “Алла! Алла!!!”. Залп за залпом неся из наших рядов, поражая янычар. Совсѣм близко промелькнуло нѣсколько тѣней, видимо, первой волны атакующих, по до бруствера никто не добѣжал...

Тишина и стоны... Не вѣрилось, что атака лучших турецких частей отбита и наши резервы с каждым часом ближе.

Свѣтало. Все яснѣ виднѣлись тѣла, исполнивших долг, вражеских солдат. Еще немного. И, вдруг, недоумѣвающей голос моего вѣстового Подругина — глаза у шельмы были хоть бы филину!

— Ваше благородіе! Да то ж “чекалки”!!!” — так зовут у нас на Кавказѣ шакалов.

— Врешешь?!

— Да ей же Богу!!!

И, представьте, так и оказалось! На наше ущелье вышли сотни, если не тысячи голодных шакалов и попали под огонь.

Вѣроятно, турки, подошедшіе только к вечеру слѣдующаго дня, подняли все это звѣрье из его диких убѣжищ и оно двинулось, перед их частями, чтобы погибнуть под нашими пулями...

И тут меня осѣнило: мои люди мерзли, а шакальи шкурки?! Рота немедленно обратилась в скорняков и мы построили — папахи, ноговицы и даже теплые жилеты, как тут — в Парижѣ — из кошек фабрикуют...

С тѣх пор мою роту прозвали — *Шакалами!!!*

— А тебя шакальим батькой? Воображаю вонь, когда вы перед

генералом маршировали! С поля не погнали? — добродушно засмѣялся кто-то.

— Но все же до командованія полком ты не добрехался, шакалій батько, — протянул Пуцинкевич.

— Подожди, брат, смѣяться. Звали меня в полку иначе. На слѣдующій день...

— *Monsieur, avancez!* — раздался голос военного врача.

И “командир Апшеронскаго Полка”, выпучив глаза и безперемонно расталкивая толпу, кинулся вперед, не хуже чѣм под Эрзерумом...

Он спѣшил скорѣе пройти комиссію, чтобы... но чужіе “амуры” нас не касаются...

Медицинскій осмотр был крайне поверхностен, по существу, не брали только явных калѣк. Ни состояніе здоровья, ни возраст не мѣшали ставить на мобилизаціонной бумажкѣ штемпель: «*Arte*». Им украсили и мой вызов, что вы, Господин Судебный Слѣдователь, найдете в “досье”. Но фактически, в армію зачисляли только до 36-лѣтняго возраста. А мнѣ только что стукнуло сорок, отчего я и попал в пассивную оборону.

Но среди нас были и кадровые военные, отправившіеся на войну в почтенном возрастѣ. Нѣкоторые из них, выдержав экзамен, были зачислены в “иностранные” полки, но со значительным пониженіем в чинѣ. Так полковники, послѣ двадцатилѣтней “отставки”, обращались в лейтенантов, генералы, — были и такіе, — в капитанов. Что ими руководило? Обобщеніе здѣсь невозможно. Я думаю, что нѣкоторые из них были побуждаемы кастовым военным сознанием.

Но среди этих добровольцев, безусловно, было и немало людей, руководившихся чувством любви и благодарности к Франціи, не забывших Первой Міровой Войны и уже тогда понимавших смертельную опасность, которую гитлеровская Германія составляла для всей міровой культуры, для всего человѣчества и в особенности для русскаго народа.

Наконец, обогатившись новой бумажкой, толпа повалила на улицу. “Новобранцы”, будто помолодѣвшіе на двадцать лѣт, выходя, сбивались в оживленныя группы. Толпой овладѣло нервное веселье, стоял хохот, слышались шутки, и, как полагается, у многих возникло желаніе немедленно “спрыснуть это дѣло”.

Остановившись на тротуарѣ, наши знакомцы заспорили, в какой русскій кабачек закатиться...

Измайловскій, раскуривая черную — видимо побывавшую и под Эрзерумом — трубку, прислонился к крылу санитарнаго военного автомобиля.

Но, вдруг, “кавказец” почувствовал сильнѣйшій толчок в спину. Обернулся. Французскій санитар, вытаращив на него налитые кровью глаза, что-то кричал.

Это было настолько неожиданно и непонятно, что всѣ, на минуту, растерялись.

— Всякій грязный иностранец будет пачкать наше военное имущество! — вопил краснокрестовскій воин.

Измайловскій, — забѣяка по натурѣ, — все же сдержался и попробовал объяснить, но солдат, приведенный в окончательное изступленіе весьма приблизительным французским языком своего “противника” и не находя больше бранных слов, размахнулся и под глазом у “Апшеронца” засвѣтился “фонарь”...

Дѣло принимало оборот серьезный: кавказец присѣл, оттолкнувшись от земли рукою, утробно ухнул и нанес обидчику страшный удар в челюсть. Теперь, блѣднѣя, стал осѣдять солдат и товарищи уже бѣжали к нему на подмогу...

Но и русская возбужденная толпа оцетинилась и окружила своего бойца плотной стѣною.

Война надвинулась раньше времени и в самой неожиданной формѣ...

Положеніе спас пожилой полицейскій, к счастью, оказавшійся неподалеку.

Человѣкъ умный и опытный, он сразу учел обстановку и сумѣл, с добродушной фамиллярностью, разнять драчунов.

Однако, горькое чувство скоро не разсѣялось и в уютном русском кабацкѣ пятнадцатаго аррондисмана, Измайловскій пыхтѣл, возмущался, хвастался, и его не перебивали...

Скверное предзнаменованіе!

Теперь, Господин Судебный Слѣдователь, вспоминая тревожный день явки, волненіе в средѣ русской эмиграціи и различныя реакціи “призывников”, невольно задумываешься о том, как разошлись пути наши, вслѣдствіе независимаго от человѣческой воли фактора: возраста.

Россіяне не достигшіе 36 лѣтъ, были включены в армію, и тѣм самым раздѣлили французскую судьбу.

Старшіе, и среди них пишущій эти строки, оказались за бортом.

Мнѣ кажется, что русскій человѣкъ на войнѣ, — а он глубоко отличен от самого себя в мирной жизни, — как правило, вѣрен соратникам.

И это даже до изумительности.

Во времена русской, свирѣпой и братоубійственной, гражданской войны, первоначально, плѣнных не брали — захваченных разстрѣливали на мѣстѣ. Тогда, ни у наших, ни у красных, немногочисленных

и сплошь состоявших из добровольцев отрядов, организованного тыла не было.

Отпущенный плѣнный немедленно включился бы снова в непріятельскіе ряды: поэтому его уничтоженіе было неизбежно... Но затѣм, при развертываніи сил и принудительных мобилизаціях, — положеніе измѣнилось.

Плѣнных спѣшно направляли в ближайшій тыл — базы боевых частей, наскоро сбивали в роты, вооружали и облачали в свою форму, т. е. попросту нашивали погоны на то обмундированіе, в котором красноармеец был захвачен, и отправляли ввидѣ пополненій в свои полки.

И что же? — Вчерашніе “красные” становились “бѣлыми”, гордились званіем “корниловца”, сражались за совѣсть и случаи измѣны были чрезвычайно рѣдки.

Но зато, зачастую, случалось, что новоиспеченные “марковцы”, попав в окруженіе, снова перекрашивались красными, а затѣм опять — жертвы боевой случайности — “бѣлѣли”...

Однако, своих начальников, которых ожидала нуля, обычно, не выдавали.

(Продолженіе слѣдует)

Н. В. Станюкович.

*
**

Кончится путь мой, хрупкій и ломкій,
На душу ляжет мгла...
Бережно память сложит в котомку
Все, что мнѣ жизнь дала.

Чтобы забрать, уходя без возврата,
В тѣ голубые края,
То, чѣм была на землѣ я богата,
То, чѣм дышала я.

Тут будет все: и рукою тонкой
Скрипки стянутый гриф,
И взгляд любви, и ласка ребенка,
И строчки стихов чужих,

И теплый лист, слетѣвший на шею,
У ног — морская волна,
И та березовая аллея,
Гдѣ шла со мной тишина.

И умиранье рыжаго сада,
Осенняго неба шелк,
И вѣрныя руки друга, что рядом
Со мной всю жизнь прошел.

Навѣки хватит земного счастья —
Дышать им в райском краю...
Словно глоток вина за причастьем —
Так эту жизнь я пью!

---

*
**

*Звѣзды не свѣтят, лѣса не шумят,
Непоправимое... пятьдесят.*

Г. Адамович.

Не пойму я: полдень или ранній
Вечер за моим окном.
Все еще мечты плывут в туманѣ,
Все еще душа моя буйнит,
Все еще мнѣ солнце свѣтит в дом.

Будни словно праздники сіяют,
Сны ничѣм не омрачить.
Руки, что годами обнимают,
Так же, как в началѣ, горячи.

Труд еще мои не клонит плечи,
Словно вѣкъ мнѣ не устать.
Годы! Вам со мной бороться нечѣм!

. . . . .
Но о том, что все же близок вечер,
Говорит серебряная прядь.

*
**

Если Ты, без чьей высокой воли
Волос с головы не упадет,
Если Ты нам все-таки позволил
Райскій свѣтъ увидѣть в этот год,

Если Ты друг к другу нас направил,
Если Ты хранил нас и берег,
Ты не можешь нас теперь оставить
В серединѣ спутанных дорог.

Ты не можешь этот мрак кромѣшный
Опустить на весь грядущій путь,
Ты умѣл быть милостивым к грѣшным,
Ты не смѣешь так нас обмануть.

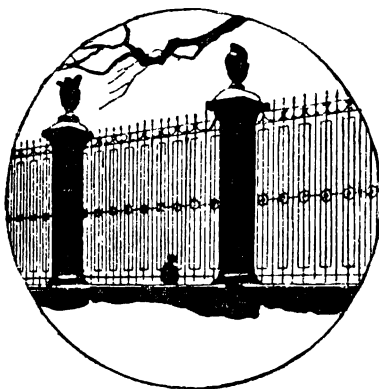
Ты вѣдь сам, дразня нас міром синим,
Без конца подсказывал нам ложь.
Как же нас, измученных, покинешь?
Как же наше счастье отберешь?

Ты вѣдь сам... Вѣдь не единый волос...
Помнишь? От начала бытія...
Значит даром я с собой боролась,
Если воля все равно — Твоя?!

Дай же в справедливость мнѣ повѣрить,
На Тебя надѣяться позволь,
Помоги нам! Научи умѣрить
Эту убивающую боль.

Я не знаю, чѣм теперь залечишь,
Чѣм подаришь бѣдныя сердца...
Подари хотя бы поздній вечер,
Вечер до могилы, до конца.

Нонна Бѣлавина.

ЗЕРКАЛО ВЪЧНОСТИ

(Окончаніе)*)

ДРЕССИРОВКА МОЛЧАНІЯ.

В одиночествѣ я выдрессировал молчаніе. Цѣлыя толпы глухонѣмыхъ тѣней.

И онѣ мало-по-малу выучились говорить. Их слова слышу только я. Эти звуки воспринимаются лишь в разряженном воздухѣ в шалашѣ отшельника на высокомъ утесѣ, они рассказываютъ об очень далекой жизни, не то давно прошедшей, не то еще не наступившей.

Я даже научился перебирать эти слова как четки.

Оны никогда не выпадут из сокровищницы моей памяти как отцвѣтшія розы. Вѣдь это не букеты слов, а охапки моихъ жизней, которыхъ я не могу лишиться. Из них когда-нибудь лѣтотписецъ составит мою біографію — и хорошо если он сумѣетъ рассказать хотя бы об одной из них.

Надѣюсь, что люди повѣрятъ легендамъ, которыя будутъ обо мнѣ созданы.

И развѣ каждая моя книга не сказаніе об одной из моихъ безчисленныхъ жизней?

ПО СЕКРЕТУ.

Я могу преодолѣть все и всѣхъ.

Но только не себя.

Одержав побѣду надъ цѣлымъ міромъ я падаю ницъ передъ собственнымъ ироническимъ лицомъ.

Ни избавленія мнѣ, ни отдыха отъ этого существа, перерастающаго міръ.

Если бы я хотѣлъ славы, денегъ, утѣхъ — но все это мнѣ не нужно. Потому-то я и падаю каждый разъ, что вижу какъ безмѣрна глупость человѣчества, а сдѣлать с нимъ мнѣ ничего не удастся.

Иные довольствуются тѣмъ, что насытятъ чрево человѣчества.

А меня уже заранѣе тошнитъ отъ сытыхъ дураковъ, которые какъ свиньи подъ дубомъ равнодушно поглощаютъ мое безмѣрное сердце.

---

*) См. "Возрожденіе" № 175.

КАРУСЕЛЬ.

Любовь на краю гибели и человечность, приближающаяся к пропасти, избрали его, подняли над убийственным безумием современности, вложили слова в его уста, озарили святом, и, казалось, сама бессмертная душа, зримо для всех, глядела из его широко раскрытых глаз.

Говорю вам: наша эпоха расчета и порядка, эгоизма, денег, власти, насилия, лжи и авторитетов будет внушать только ужас, а потом покажется смехотворной.

Леонардо Франк.

Отчаянія, надежды, ужасы, иллюзии, разочарованія, мечты и припадки тупой покорности как пестро раскрашенная карусель кружились в сердцах под звуки скрипучаго оркестріона, кричавшаго о счастья, утѣхах и славѣ.

Не слѣзая с Россинанта я мчался на сѣвер и на юг, всѣ страны міра кивали мнѣ гордыми митрами Монблана и Килиманджаро, низвергались водопадами, рукоплескали мнѣ морскими приборами, каменными ураганами пустынь, сумасшедшими вѣтрами трамонтана.

Но развѣ это может меня утѣшить?

МОЖЕТ БЫТЬ ЭТО ДѢЙСТВИТЕЛЬНО Я?

Страшная правда заключается в том, что существуют ложные идеалы, их победа означала бы гибель идеалов человечности...

Всѣ мы — и богатые и бѣдные — жестоки как убійцы, жадны как ростовщики — и всѣ мы несчастные рабы.

Леонардо Франк.

Должно быть найдется немало любителей сочинять мою біографію, приписывать мнѣ то, что я не думал, обвинять меня в том, что я не дѣлал, прославлять за то, что я страдал.

Могу себѣ представить, что наворочают эти гробоконатели, пытаясь найти и занести в свои коллекціи, классифицировать то не постижимое, безмѣрное, что можно обозначить великим словом Я.

Но сам я никогда не разставлял капканов для своей души.

Только видѣл порой ея отраженіе в обезумѣвших зеркалах, которыя, потеряв обывательскій разумок, рассказывали мнѣ правду. Отраженія — книги мои станут вѣчными спутниками. Они не сторгят и не расплытятся ни в какомъ космическомъ пространствѣ.

Уже с дѣтства я предвидѣл пришествіе моего добраго генія с ужасавшим меня восторгомъ.

Вѣроятно, предвидѣли и окружающіе, иначе они не старались бы так единодушно погубить меня.

Они усердно заливали мой костер студеной водой из своих пожарных бочек.

Но спасли меня вѣчные спутники, не боявшіеся соперничества.

Эти отцы и учителя мои прелюбодѣйствовали с божественной вакханкой — Мыслью. И я к ней тоже еще в отроческіе годы начал испытывать непомѣрное вожделѣніе.

Учителя мои клали на порог моей души в темныя ночи прекрасных подкидышей, бастардов их противозаконных страстей.

Я любовно их выращивал, а теперь сам подкидываю добрым людям мои грѣховныя дьявольско-прельстительныя творенія.

Я добывал хлѣб свой сторбившись как все изгнанники из рая. Переписывал ноты как Руссо, батрачил как Горькій, ѣл скудный хлѣб как Моцарт и Бетховен, с ужасом глядѣл на убожество лизоблюдов и гордился тѣм, что божественная Мысль отвращала от них свое лицо. Нас, ея избранных осталось лишь нѣсколько человек на землѣ.

Потомки назовут наши имена, и тогда нам засвѣтит солнце мертвых.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ.

Чудеса волшебницы-весны начинаются с удивительных превращеній вербных барашков. По-началу незамѣтные, какого-то невидимаго цвѣта словно брови альбиноса, они наливаются золотистой зеленью и растут неимоვნю чуть не на глазах как надуваемые дѣтскіе шары, превращаясь из комочка в пушистый бугор.

Весеннія метаморфозы происходят у меня на глазах, и цвѣты эти растут на могилах моих надежд — и людям не стыдно ежедневно пакостить чудесный мір своим нечистым дыханіем.

ДАЛЕКІЕ ОСТРОВА.

Душа моя непостижима как вселенная.

Постепенно я открываю небольшіе уголки ея — ближніе острова, не самые глубокіе заливы.

Дѣлаю развѣдки вглубь и вширь, строю рискованныя догадки, рассказываю прозрачные рассказы, нахожу тѣх, кто любит невозможное, в отчаяніи воздвигаю комбинаты наслажденій, создаю тысячи иллюзій и одну дерзкую, придумываю веселенькую жизнь, слагаю сказанія о вѣчных зеркалах, в новых странах убиваю синих мух, дѣлаю взрывчатую смѣсь из красного и черного, и переживая трагическія поэмы сѣдой юности все же созерцаю прекрасное и его тѣнь сквозь кофточки из прозрачнаго шелка.

Я мог бы впасть в послѣднее отчаяніе как странник заблудившійся в непроходимых джунглях міра, ибо нѣт никого рядом, но Титаны, которых люди дружными усилиями выпроводили из этого міра, не покидают и никогда не покинут меня.

Я иду с ними рядом отыскивать далекіе острова, находящіеся на самом краю моей безкрайней души.

ДЕРЗОСТЬ.

Не думайте, что я тѣшился хотя бы с одной из тысячи иллюзій, соблазнявших малых сих.

Я только по инерціи, но без серьезных упованій, разыгрывал всевозможные драмы, комедіи, водевили, разнохарактерные дивертисменты, роли влюбленных, стяжателей, гороховых шутов и арлекинов, беззавѣтных друзей и вѣрующих протагонистов.

Но одна у меня была предерзостная иллюзія — мнѣ хотѣлось поозоровать с правдой, поозоровать серьезно, не на жизнь, а на смерть, — хотя мнѣ хорошо извѣстно, какая участь постигла тѣх, кто пытался это дѣлать.

Конечно, это походило на возстаніе против человѣчества. Посудите сами — нашелся герой, который хочет говорить правду, которую всѣ тщательно скрывают, даже могилу ея прячут. Вѣдь ее уже так давно замѣнила ложь, которая разрослась над ея надгробіем как дремучій лѣс.

Ложь в тысячах форм, выдержавших испытаніе временем на долговѣчность, непогрѣшимость, мастерство.

Но я люблю костры — и если мнѣ даже придется самому на них кончать свою горячую жизнь...

ПО СТОПАМ ЛЮДОВИКА ШЕСТНАДЦАТАГО.

Почти всѣ люди неудачно выбирают профессію.

Вѣроятно, поэтому они и не могут ничего хорошаго сотворить, в том числѣ исторію.

Напримѣр, Людовик Шестнадцатый...

Он был отличным токарем, высшаго разряда, — обтачивать бы ему изящныя бездѣлушки в стилѣ рококо, но он потерял голову и стал королем. Послѣ этого он ее окончательно потерял.

Я тоже мог бы быть отличным танцовщиком и канатоходцем.

Но я — человѣкъ, и предпочел плясать на остріѣ ножа. Того самага ножа, который дожидается на эшафотѣ — когда же на него ляжет моя забубенная головушка.

СЛОВО.

В началѣ было слово, и слово было Бог.

Евангеліе от Іоанна.

Чтобы не утратить цѣльнаго представленія о дѣйствительности надо избѣгать абстракцій.

Абстракція — это ворота, сквозь которыя в сознаніе проникает хаос, водворяя в нем вавилонское столпотвореніе.

Я всегда ненавидѣлъ мертворожденныя слова без вкуса, формы, запаха, цвѣта, отравляющія мѣр своим страшным ядом — единственное, чѣм они обладают.

Я всегда любил слова сильныя, звонкія, ясныя, ароматныя, и в то же время таинственныя и неисчерпаемыя как души женщин, соблазнительных форм, чарующаго звучанія, полныя опьяняющих ароматов, иллюзий, обольщавших мои глаза, руки, сердце.

Не без опасенія заявляю, что слова достающіяся в наслѣдство послѣдующим эпохам и поколѣніям — это только шкатулки, ключ от которых утерян.

Мы взламываем замки, и чтобы не быть окончательно разочарованными, вкладываем в эти пустующія шкатулки совѣм иныя цѣнности, но чаще всего суррогаты, ибо ничего цѣннаго у нас нѣтъ.

Так, вмѣсто великолѣпных богов мы получили ущербныя изображенія. Вмѣсто свободы, чести, счастья, в шкатулках оказались подложенныя дьяволом глиняные черепки, разбитыя скрижали, бумажные идолы, которыми жонглируют попы, балаганные шуты и самозванцы.

Слово — форма и слово — смысл были когда-то закадычными друзьями, единой душой, а сейчас стали врагами и даже трудно повѣрить, что они были знакомы когда-то.

Нѣтъ, я никому не скажу, что открыл этот закон. Я втихомолку буду напештывать свои плѣнительныя слова во всей их первоначальной силѣ. Пусть меня слушают отшельники. Они знают, что мѣр — отраженіе Вѣчности, той вѣчности, которую знали и видѣли наши далекіе предки, когда мѣр был молодым.

Как прекрасна юность слов!

Как безобразна их старость!

ОСИНОВЫЙ ЛИСТ.

Он был низкорослый увертливый и гибкій как тростинка, и не то чтобы вѣтра, а даже бурь не стоило ему опасаться.

Но даже в полное безвѣтріе, когда во всѣх румбах горизонта тишина лежала свернувшись пушистым клубком, он дрожал как основной лист.

Чѣм тише становилось вокруг, тѣм замѣтнѣе вздрагивали его руки и душа, навсегда плѣненная страхом в отшумѣвшіе годы.

Вся эпоха усыпана осиновыми листьями моих друзей отречшихся от меня, ни разу не дрогнувшего.

ПРИЗНАНІЕ.

Я хочу чтобы меч трагедіи вонзился в самое сердце той людской породы, которую он до сих пор слегка царапал.

Шиллер.

Я еще не обрѣлъ себя, и никому не могу принадлежать.

Даже мысли мои кажутся, порой, совсѣм чужими, и только с большим трудом можно уловить родство между ними и моей душой.

И если я принадлежу міру, то не как человекъ, а как бог, который создал только то, чего, может быть, еще не будет.

ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ

В этом благоразуміи столько эпикурейски-сытаго и брюзливо-ипохондрическаго, что оно скорѣе подстрекает искать выхода в противоположном направленіи.

Шиллер.

К вечеру я как дворник сгребая в кучу вороха опавших чувств, увядших мыслей, сор и дребедень страстишек — отбросы дневного бытія изсохших и опустошенных умов и сердец.

Двигаясь в противоположном направленіи, я вовсе не преслѣдую противоположную цѣль — теперь уже ясно, что всѣ пути безцѣльны так же как стремленія, войны и прочія усилія.

Только души великих странников свѣтят мнѣ во тьмѣ как маяки на пути в Никуда.

АТАКИ ИСТОРИИ.

Когда Эпикур увидѣлъ, что смертныя обладают почти всѣм необходимым, и все же терзаются раздорами, он понялъ, что все зло в сосудѣ, обладающем нѣким изъяном и потому портящем самую драгоценную влагу, вливаемую в него.

Монтень.

Всѣ хотят одержать верх над другими.

Многіе непрочь были бы повелѣвать міром.

Само собой разумѣется, что они считают себя вполне способными принести людям счастье. Господин всегда убѣжден, что раб ощущает необычайную сладость, когда его топчет сапог владыки.

Несомнѣнно, в рабствѣ, как и в каждой власти, есть свое сладострастіе. Ему предаются как пьянству и блуду. Чтобы никому не было обидно историки отдают должное и героям, и толпѣ. Похвально распредѣлив свои роли, одни воспѣвают героев, другіе — чернь, убѣждая с пѣной у рта, что тѣ или другіе творят исторію необходимую, великую. Спорят для приличія, но в дѣйствительности хорошо знают, что спорить не о чем. Но не бросить же... За это платят деньги, а иные даже почивают на лаврах.

Но всѣм извѣстно, что эту гнусную исторію творят вкупѣ и массы, и их вожди, и послѣ сотворенных грязных дѣл даже не умывают руки. Они уступают Понтію Пилату, который все же содержал свои руки в чистотѣ.

Даже не разберешь в этой мусорной свалкѣ, кому какое поручено амплуа.

Могу только сказать, что и вожди и массы ведут себя как тот барышник, которому удалось продать слѣпного коня, получив в уплату фальшивыя ассигнаціи.

Секрет заключается в том, что исторія, как справедливо сказал Ренан, не простая игра абстракцій, и люди в ней играют большую роль, чѣм доктрины.

Но есть ли люди, которые дѣйствительно хотят сдѣлать что-нибудь не для позора, а для славы человѣчества? В том-то и бѣда, что всякая власть, в том числѣ и народовластіе, — только маска тирана, — это ужас человѣчества.

С огромной поэтической силой, как никто на свѣтѣ, изобразил это Шиллер. Эти слова надо бы выучить каждому, кто хочет понять, почему так страшно жить на свѣтѣ. Он сказал: Властолюбіе терзается голодом, даже проглотив мірозданіе. Властолюбіе разрушает мір, превращая его в узилище, гдѣ слышится лишь звон цѣпей. Способен ли опутить жалость к людям тот, кому никто из людей не страшен?

Властелины — неудавшійся замысел міра.

Жалкія творенія и еще болѣе жалкіе творцы!

ГЕНІЙ И ТАЛАНТ.

*Это все были натуры болѣе или менѣе даровитыя,
но без всякой искры генія.*

Бѣлинскій.

Талант умѣет изображать жизнь.

Геній ее претворяет, разрушая старые кумиры и формы, созидаая фундамент будущаго.

Талант умѣет зорко наблюдать и спокойно реагировать.

Геній пронизывает мір молніеносным взором и испепеляет его.

Талант — это Прометей, испросившій у Зевса пощаду.

Геній — это Прометей, разорвавшій всѣ цѣпи.

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО.

Наконец-то я понял свою трагедію.

Я ни для кого не приѣмлем.

Вѣдь всѣ они стоят на колѣнях с низко склоненными головами.

И я стоящій прямо кажусь им взобравшимся на ходули.

Им, привыкшим к смиренномудруму лепету, слова мои страшны как гроза.

Чѣм я силен?

Вѣроятно, тѣм, что плачу собственной жизнью за каждую строку, за которую мѣр мнѣ еще ничего не дал.

ДВА ЛИЦА.

Человѣкъ — бог творящій мѣр чудес, радостей, изобилія.

Человѣкъ — кровожадный звѣрь, когда окончив очередной акт творенія, перестает любоваться дѣлом рук своих, и в раскрытую душу его, утомленную и не сопротивляющуюся, врываются снизу звѣрины инстинкты.

Тогда он не знает что дѣлать, и чаще всего тѣми же руками, которыми сотворил чудеса, уничтожает их.

НЕЛЬЗЯ.

Нельзя мириться ни с чѣм настоящим.

Нельзя оправдывать!

Иначе можно проиграть битву за будущее.

Не забывайте, пропагандисты абстрактных истин, что уходя вы забыли такую частность как правда.

Но народ ее подобрал, люди передают ее втихомолку друг другу на храненіе. Она живет уже почти в каждом домѣ.

Настанет час.

МОИ ЗАМЫСЛЫ.

Они всегда смутно вырисовываются в туманах и топах сознанія.

Чуть брезжут как разсвѣтъ в позднюю осень.

И только когда перо касается бумаги и рука в безудержном порывѣ начинает свое неистовство, всходит мое солнце, рождаются мои люди, слова звенят как тимпаны, и совершаются чудеса преображенія мѣра.

Мое творчество настолько выше всего человѣческаго заключеннаго в моем существѣ, что в тишинѣ я слышу и чувствую бога, и знаю — что он моя душа.

Поэтому живу как Робинзон, но мѣр творю не для себя, а для человѣчества.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Но вмѣстѣ с тѣм ощущеніе прожитых лѣтъ было такимъ будто стояло одно и то же утро и до полудня было еще далеко.

Паустовскій.

Онъ всегда глядитъ на міръ широко раскрытыми глазами, но пишетъ зажмурившись, поэтому все представляется ему в радужномъ сіяніи.

Онъ обладаетъ замѣчательною памятью и вѣроятно тратитъ немало усилий, чтобы забыть многое из увидѣннаго.

И только порой страшная тѣнь словно крыло большой птицы ложится на свѣтлыя поля его книгъ.

Я всегда мечталъ писать такія книги — прозрачныя, теплыя, живительныя какъ нескончаемое утро ранней осени, одѣтое в багряный шитый золотомъ уборъ с лазоревой вуалью тумана на лицѣ, но день для меня такъ и не наступилъ.

Все та же ночь тянется, оглушая меня воемъ ненастья и міра, отданнаго во власть бѣсовъ.

ГОВОРIT ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Хорошее правительство должно управлять всѣмъ, сердцами и кошельками, языками и перьями. В хорошемъ государствѣ главное правило — сидѣть молчкомъ, ибо кто говоритъ и печатаетъ, тотъ долженъ иногда думать, а для вѣрноподданныхъ нѣтъ ничего опаснѣе, чѣмъ мысль.

Гейне.

Этотъ простоватый учитель догадался о такихъ вещахъ, которыя и сегодня не доступны нашимъ философамъ.

Ох, ужъ мнѣ эти философы!

Свое убожество они прикрываютъ жалкими лохмотьями до дыръ заношенныхъ системъ. Брюки изъ однѣхъ заплатъ, такъ, что напрасно вы будете искать хоть клочокъ матеріала, изъ котораго они были сшиты, — такого матеріала не было.

Портной шилъ изъ однихъ только лоскутѣвъ.

Въ этомъ ателье мастера выгнанные отовсюду халтурщики.

Сегодня въ его витринахъ та же выставка благодѣяній — мы ничего не знали, кромѣ интригъ соперничающихъ группъ, традиціи рутины, искусства двусмысленныхъ формъ, смѣлыя кумировъ и тому подобнаго государственнаго убожества.

РАЗМАХ.

Художник создает не только характеры, но и обстановку, и обстоятельства для их проявленія.

Ибо жизнь такова, что титанам не размахнуться, и тогда міру не на чем будет учиться.

Поэтому, приходится не только творить титанов, но и разбивать цѣпи, приковывающія их к пустынным скалам, и на скалах этих выращивать сады — эпикурейскіе, гефсиманскіе...

И еще не извѣстно, какія обстоятельства болѣе типичны — придуманныя историками, навязанныя правителями или созданныя великими творцами.

Гете создал для Фауста такое стеченіе обстоятельств, которое обезпечило ему безсмертіе, и хотя оно не типично, тѣм не менѣе человѣчество считает его болѣе реальным, чѣм достоверность фотографов.

Дѣйствительный мір — нѣчто текучее и расплывчатое, хаос разсѣивающихся элементов, из которых художник создает прекрасное.

ДАЙТЕ СОСКУ!

Даже самая геніальная идея — не больше, чѣм крик младенца, воображающаго, что его писк всколыхнет весь мір.

Но большой мір дѣйствует при этом как нянька — шлепает по задку наивнаго младенца, пока он не успокоится, или затыкает ему рот соской.

Обычно даже дѣйствует и тѣм и другим методом. Сначала шлепает, потом — соску — так было, так будет.

Тнто правильно сказал:

Хватит шлепков, дайте соску!

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО.

Серебристая чернь ночи с еле слышным журчаньем растекалась по бурой стернѣ опечаленных и постарѣвших полей, пропѣживаясь в душу мою, вызывая в ней звуки замирающей арфы, грустные и нѣжные как отдаленный крик журавлей.

Близилась полночь, а на западѣ все еще скользили сумеречные діоскуры по розовым закатным панелям, отбрасывая огромныя лиловыя тѣни.

НАДПИСЬ НА МОЕМ ПАМЯТНИКѢ.

Я становлюсь тѣм, чѣм они не смѣют быть.

Генрих Манн.

Только поэтому я поэт.

И пророк.

Вокруг толпятся фари́сеи.

Они приносят вмѣсто хлѣба камни, вмѣсто вина уксус. И на глазах у всѣх становятся тѣм, чѣм бы не хотѣл стать ни один человѣкъ — добровольными рабами.

Толпа даже не побивает их камнями, а сопровождает презрительным молчаніем их шествіе в забвеніе.

Зачѣм убивать тѣх, которые только кажутся живыми?

А мнѣ легко нести свой терновый вѣнец, мнѣ, ставшему тѣм, чѣм они не смѣют быть.

ВО ИМЯ ЧЕГО?

Все великое создано во имя утопій.

Людей невозможно увлечь математически доказанной истиной.

Всѣ общепризнанныя истины, вывернутыя наизнанку, кажутся болѣе убѣдительными.

Появляется множество теорій, претендующих на новое слово в мірѣ.

Но увы! — Вѣрно сказал Леонардо Франк, что всякая теорія появляется на свѣт только для того, чтобы пострадать от фактов, разбухнуть и лопнуть словно воздушный шар.

Поневолѣ приходится согласиться с Ренаном, что здравый смысл — плохой помощник, когда рѣчь идет о больших дѣлах. Чтобы получить от человѣчества немного, надо требовать от него значительно больше.

Валерій ТАРСИС.

ЧЕХОВ В КРИТИКЪ ЗИНАИДЫ ГИППІУС

Извѣстная преимущественно как поэтесса, Зинаида Николаевна Гиппіус писала также романы, пьесы, короткіе рассказы и статьи на политическія, религіозно-философскія и обще-публицистическія темы. С первых лѣтъ двадцатаго столѣтія она играла большую роль и как литературный критик, способный “отличать настоящее искусство от подражанія, совершенство от посредственности” (1)*. В теченіе послѣдних сорока лѣтъ своей жизни Гиппіус была цѣликом поглощена политической, философско-религіозной и литературной полемикой, и в своей автобіографіи она дѣлает слѣдующее неожиданное утвержденіе: “Стихи я всегда писала мало и рѣдко, — только тогда, когда не могла не писать” (2). В своих оригинальных и необычайных по формѣ изложенія статьях, которыя “еще сильнѣе подчеркивают и без того яркую индивидуальность поэта” (3), Гиппіус выражает свои взгляды на литературу, религію, политику, общественность “в особой манерѣ интимнаго разговора” (4).

В русском, западно-европейском и американском литературовѣдѣніи Зинаида Гиппіус часто упоминается как поэтесса, но как литературнаго критика ее почти никто не знает. Предпочтеніе в литературовѣдческих изслѣдованіях отдается ея поэзии и художественному ремеслу. В исторіи русской критики, однако, она занимает свое особое, исключительное мѣсто: ея манера выраженія — юмористически-серьезная, парадоксально-непринужденная, часто полная ироніи и остраго сарказма, но всегда блестящая с художественной точки зрѣнія — не имѣет себѣ предшественников в русской критической литературѣ. Современники Гиппіус, замѣтив ея своеобразную манеру выраженія, не замедлили имитировать ее (5), но лишь нѣкоторым из них удалось приблизиться к ея неподражаемому стилю.

Критическія статьи Зинаиды Гиппіус, говорящія “об общем уровнѣ духа и мысли, об общем движеніи вперед, о ростѣ, — о культурѣ” (6), появились в русских литературных журналах и ведущих газетах Петербурга и Москвы под псевдонимами Романа Аренскаго, Антона Крайняго, Льва Пущина и Товарища Германа. Оригинальныя, остроумныя и “изящно капризныя” (7), онѣ сразу принесли славу Гиппіус и уваженіе современников к ея острому, наблюдательному перу. У нѣкоторых других читателей онѣ вызвали чувство непріязненности и отрицательную критику (8). Русскіе “позитивисты” нападали на ея “клекриализм”, “радикалы” критиковали ея “реакціонные” взгляды на

*) Сноски см. стр. 69-70.

Максима Горькаго и Леонида Андреева; “реакціонеры” и “клерикалы”, с другой стороны, категорически отказывались признать в Зинаидѣ Гиппиус своего приверженца.

Из почитателей ея таланта, как критика и мемуариста, можно указать на Владислава Ходасевича, который в своей статьѣ о *Живых Лицах* Зинаиды Гиппиус отмѣчает, что они “написаны в литературном отношеніи блестяще”. Ходасевич утверждает, что

Это и сейчас уже чтеніе увлекательное, как роман. Люди и событія представлены с замѣчательной живостью, зоркостью, — от общих характеристик до мельчайших частныхей, от описанія важных событій до мельчайших, но характерных сцен... И всё эти люди показаны не в недвижных “портретах”, а в движеніи, в дѣйствіи, в столкновеніях. А сколько событій, кружков, собраний!.. В своих описаніях Гиппиус отнюдь не гонится за безпристрастіем и безстрастіем... Она наблюдает зорко, но “со своей точки зрѣнія”, не скрывая своих симпатій и антипатій, не затушевывая своей заинтересованности в той или иной оцѣнкѣ людей и событій... Перед читателем автоматически возникает нескрываемое, очень “живое лицо” самой Гиппиус... Э. Н. Гиппиус дает обильнѣйшій матеріал для сужденія о ней самой... как о важной участницѣ и видной дѣятельницѣ данной литературной эпохи... Э. Н. Гиппиус мимоходом сообщает ряд драгоцѣнных свѣдѣній о себѣ самой, о своем значеніи и вліяніи в жизни минувшей литературы. Это вліяніе, кстати сказать, мнѣ кажется еще далеко не вполне взвѣшенным нашей критикой. Во всем объемѣ его еще только предстоит обнаружить будущему историку (9).

Как и *Живыя Лица*, критическія статьи Зинаиды Гиппиус полны зорких, живых наблюденій о произведеніях и личности Андрея Бѣлаго, Валерія Брюсова, Александра Блока, Михайла Кузмина, Василя Розанова, Федора Сологуба, Антона Чехова, Максима Горькаго и многих других выдающихся писателей и критиков того времени. Как и в *Живых Лицах*, в своих статьях Гиппиус рисует жизнь литературных салонов и кружков, изображает собранія и событія в Парижѣ, Петербургѣ и Москвѣ. Она также принимает участіе в оживленных спорах и обмѣнѣ мнѣній по поводу важных для эпохи понятій и концепцій с такими вліятельными критиками, как Ходасевич, Адамович, Вишняк и Милюков.

Критическія статьи Гиппиус, не широко извѣстныя в литературном мѣрѣ современности, полностью даже и не собраны. Ея взгляды поэтому, хотя они и выражают важныя взаимоотношенія и вліянія в исторіи литературы минувших дней, недостаточно освѣщены и комментированы в современном литературовѣдѣніи. В данной работѣ автор ограничится изображеніем отношенія Зинаиды Гиппиус к Антону Чехову, именем котораго пестрят ея статьи о русской литературѣ и русском театрѣ 1903-1925 гг.

Одной из ранних ссылок Гиппиус на художественный талант Че-

хова была ея статья 1903 года, “Слово о театрѣ”: “Чехов и Горькій, такіе различно талантливые, оба сильно подвинули русскій театр вперед, к его послѣднему концу” (10). Обезпокоенная быстро портящимся вкусом русскаго зрителя и исчезающим поэтическим воображеніем русскаго писателя в началѣ двадцатаго столѣтія, как Гиппиус это неоднократно подчеркивает в разных своих статьях, она обвиняет санкт-петербургскіе и московскіе театры в дурном воздѣйствіи на зрителя. Московскій Художественный Театр она называет “истинным кладбищем театральнаго искусства”, “погостом”. “Там я был не раз, — пишет Гиппиус, — и досиживал до конца, не в силах сдвинуться с мѣста, как очарованный. С вѣтром сдвигался оливковый занавѣс, а я все сидѣлъ, почти без лихорадки, с ужасом. Каждый вечер там происходит вышнее погребальное торжество при веселых одобреніях зрителей. Толпа давно ждала этого возгласа: “Смерть искусству! Да здравствует сама жизнь!”. Вот она и здравствует, как, впрочем, и раньше, с тою лишь разницей, что раньше ее не считали тупиком, а если и считали, то ужасались этому, — теперь же и считают, и радуются, что сидят в тупикѣ”. Гиппиус особенно порицает режиссеров Московскаго Художественнаго Театра за их экспериментаторство в отождествленіи искусства с жизнью: “Принцип Художественнаго Театра — сдѣлать искусство *тождественным* с жизнью, даже с одним настоящим моментом в жизни, так, чтобы и знака на том мѣстѣ не осталось... Все слилось в одном достигнутом желаніи — желаніи неподвижности, отупѣнія, смерти. Ни прошлаго, ни будущаго, один настоящій миг, навсегда окостѣвшій”, пишет возмущенный критик.

Пьесы Чехова и Горькаго, с их атмосферой, настроеніем, почти без дѣйствія, рисующія жизнь, лишенную страсти, красоты или героических поступков, раздражали Гиппиус. Ея возраженія находят свое выраженіе в парафразѣ ею сюжета “Дяди Вани” Чехова и “На днѣ” Горькаго, поставленных на сценѣ Московскаго Художественнаго Театра:

Что дѣлается у них в “храмѣ искусства”? — Вот что: идет дождик. Падают листья. Люди пьют чай с вареньем. Раскладывают пасьянс. Очень скучают. Поет, и тихо и долго хохочет пьяненькій. Опять скучают. Иногда мужчина, почувствовав половое влеченіе, начинает ухаживать и говорит: “роскошная женщина!”. Потом опять пьют чай, скучают и, наконец, умирают, иногда от болѣзни, иногда застрѣливаются. И как вѣрно, как точно, до геніальности точно, *тождественно* с жизнью! Никакого вымысла!

Содержаніе пьесы “На днѣ” Горькаго Гиппиус, со свойственным ей юмором, формулирует слѣдующим образом:

Бывает и другая картина: у людей нѣтъ денег для чая с вареньем, они лежат на досках и ругаются “разными словами”, или разсуждают длинно-длинно о том, что они — люди, и что это очень хорошо и больше ничего не нужно. Потом бьют друг друга,

обвариваются кипятком, кто-нибудь вѣшается сдуру, а другіе опять лежат на досках и говорят о том, как хорошо, что они люди и могут, если захочется, много и долго драться. И опять — как точно! Совершенно так, вѣроятно, и есть. Никакого вымысла!

В глубоком уныніи от монотонности пьес Чехова и Горькаго и попытки Станиславскаго и Немирович-Данченко “отождествить искусство с жизнью”, Гиппиус, не без логическаго обоснованія, обвиняет их в недостаточности художественнаго вымысла и вкуса. Их театр предпочитает слезы зрителя по поводу существующаго общественнаго зла и несправедливости экстазу поэтической фантазій, художественной иллюзіи. Ни современному драматургу, ни зрителю, жалуется Гиппиус, не нужен больше Пушкин со своим поэтическим кредо в стихотвореніи “Герой” (11). В отличіе от Пушкина, они не склонны вѣрить, что кратковременная, но возвышающая иллюзія должна предпочитаться низмѣнной, лишенной красоты и блеска истинѣ, удовлетворяющей мѣщанскій вкус посредственности. Не без сарказма Гиппиус заявляет, что “современный “интеллигент”, с честными и трудовыми убѣжденіями, сын двадцатаго вѣка, считающій себя кстати и культурным любителем “искусства”, — непременно возразит, что лучше обливаться слезами над существующим общественным злом нежели над вымыслом, и что истинное изображеніе жизни дороже всякаго обмана”. “Если не возразит, — объясняет Гиппиус, — то лишь потому, что хрестоматическія выраженія авторитетов принято оставлять без вниманія. Пушкин! Как это старо! Се, творим все новое!”. Это “служеніе вкусу посредственности”, опасается Зинаида Гиппиус, может привести к концу русской литературы и русскаго театра. В заключеніи ея статьи звучит нескрываемаая иронія: “Да здравствуют... роскошныя женщины, гордые пропойцы, современная “истинная жизнь”! Смерть искусству!”.

Через нѣсколько лѣтъ Гиппиус остроумно замѣчает, что русскіе критики и читатели, утратив в огнѣ социальних страстей всѣ понятія о литературной перспективѣ, перестали понимать Чехова. Они “привыкли восхищаться Чеховым, но его не любят. Он до сердца не доходит, назрѣвших “вопросов” не затрагивает, а если и затрагивает, то все-таки черезчур чисто. Горькій — другое дѣло. Он в самый центр попал” (12).

Зинаида Гиппиус, со своей “позрениѣйшей культурой” (13), воспитанная в лучшей русской традиціи словеснаго искусства, человекъ “ума, вкуса и изысканности”, которые по мнѣнію Андрея Бѣлаго составляют “основу и мощь утонченной культуры” (14), не могла с равнодушіем смотрѣть на исчезновеніе художественнаго критерія и вкуса, характерное для начала двадцатаго столѣтія. Она категорически отвергала тѣ положенія идеологическаго порядка, которыя угрожали наводнить русскую литературу и искусство тѣх времен. Не принимала она и духовно и эмоціоноально опустошенной беллетристики, которая в ея глазах оказывала гибельное воздѣйствіе на читающую публику. Побуждаемая такими мыслями, Гиппиус подвергает рѣзкой критикѣ “Виш-

невый сад” Чехова. Послѣ одного из представлений этой пьесы на сценѣ Московскаго Художественнаго Театра, поясняет Гиппиус, она вернулась домой вообще без всяких впечатлѣній: “Это было — *никакое* впечатлѣніе. Просто — большое Ничего” (15). В этой пьесѣ, продолжает она полудушливо, полураздраженно:

Все великолѣпно, ибо все на своих мѣстах. Все до такой степени на своих мѣстах, что ничего не замѣчаешь. Игры я, во всяком случаѣ, не замѣтил. Были дамы, шуты-конторщики, какія-то фокусницы, почтовые чиновники, и что им полагается — говорили, дѣлали. Не обще-интересное, а им интересное. Иногда, впрочем, прорывались “нарочные” взвизги, смѣх “сценичный”, да бѣгали барышни неестественно, да кукушка за окном дѣланно куковала — тогда вспоминалось, что мы сидим в театрѣ, заплатили деньги, и все это нам “представляют”. Я думаю, что то же самое видѣл много раз всякій из зрителей, — вѣдь всякій живет в своей семьѣ, бывает на журфиксах у знакомых, иной, может быть, ѣздил и к неинтересным деревенским сосѣдям. Только было все еще естественнѣе, и кукушка куковала увлекательно, потому что она была настоящая. Можно, впрочем, надѣяться, что кукованье у Станиславскаго будет уловлено в граммофон, тогда и оно не нарушит иллюзіи. Вообще всѣ жизненные звуки, птицій гам, скрип колес, пѣніе сверчка — слѣдует воспроизводить посредством граммофона. С усовершенствованіем фотографіи... артисты могут отдыхать послѣ перваго представленія, хотя бы представлений была тысяча.

Станиславскій и Немирович-Данченко, сѣтует не без насмѣшки Гиппиус, так жаждут удалить всякое художественное воображеніе из своего театра, что успѣха они могут достигнуть лишь постановкой пьес Чехова и Горькаго, так как в этих пьесах актерам не нужно и играть. Чехов и Горькій удалили с лица жизни ее украшающія маски, показали “истину реальности” во всей ея грубой наготѣ. Темы Тургенева, Толстого и Гончарова, с их глубокими, любвеобильными и прелестными картинками жизни, таким образом, ушли в невозвратное, далекое прошлое. Не будучи в состояніи найти смысл и установить логику реальности, Чехов разсѣкает жизнь на атомы, изучает их детально, тщательно, как бы в микроскопѣ, и затѣм показывает их своему читателю: “Чехов не поэт тонкостей, но поэт мелочей”, отмѣчает Гиппиус. Она охотно признает, что эти маленькія детали у Чехова необычайно выразительны, рельефны, но онѣ никоим образом не связаны друг с другом. Чехов не вѣрит ни в жизнь, ни в людей. “Развѣ есть в нем ясность, свѣтъ, радость, утвержденіе? Он туго томится и стонет, иногда сентиментально, иногда жестоко, всегда с безнадежностью. А эта сѣрая пыль поплости, непретворенной между отдѣльными сіяющими брызгами?” — негодует Гиппиус.

Поскольку всю свою жизнь Гиппиус была поглощена вѣчными вопросами о смыслѣ и пѣли человѣческаго существованія, Бога и Его творенія, физическаго воплощенія духа и духовности плоти и их гар-

монии в человеческой жизни, она не могла не протестовать против недостаточности вѣры Чехова в тайну жизни, против его “болѣзненной чувствительности воспріятія”, “тревожной музыки скорби, жгучаго сладострастія страданія” (16) и против его мѣщанских картин человеческой жизни. Его пессимистическій взгляд на природу человѣка и невѣріе в Бога были далеки от центрального тезиса религиозной философіи Гиппиус, что человѣкъ стремится, и должен всегда стремиться, к Богу для достиженія свободы и любви к жизни. Гиппиус опасалась, что пьесы Чехова — оскорблявшія ея эстетическое чувство, противорѣчившія ея жизнеутверждающей философіи и приближавшія по ея мнѣнію неминуемую гибель русскаго искусства, — лишат человѣка всяческаго желанія жизни и приведут его в концѣ концов к нравственному преступленію, к духовной смерти.

По контрасту с широко распространенным мнѣніем того времени, что Петя Трофимов в “Вишневом саду” призывает к неясному, но лучшему будущему, Гиппиус усматривает в нем комическую фигуру, а в его призывѣ к лучшей жизни — “высокія слова прошлаго столѣтія”: “Студент Петя у него (Чехова) — комическое лицо: недаром он в послѣднем дѣйствіи так занят своими старыми калошами, о них только и заботится. И недаром онѣ у него дѣйствительно такія старыя, рваныя” (17). Петины “высокія слова” по своей природѣ та же пара старых калош, но сам Чехов, увѣряет Гиппиус своего читателя, только “полу-знает” это тождество. Для подтвержденія своего положенія Гиппиус предлагает слѣдующую любопытную аргументацію: если бы Чехов “вовсе не знал, талантом не знал”, что призыв Пети к лучшему будущему и его старыя калоши тождественны по своему значенію, “то и сатиры тут не было бы никакой” во внѣшности вѣчнаго студента, “облѣзлаго барина”, приживальщика. Если бы Чехов, с другой стороны, “вполнѣ знал” “переплелый элемент идеи”, развиваемой “вѣчным студентом” с такими пафосом и краснорѣчіем, он не заставил бы свою добродѣтельную Аню “преподносить матери эти калоши в серьезную, трогательную минуту, как послѣднее утѣшеніе”. “Вѣдь тут уже нѣтъ сатиры, — добавляет Гиппиус, — и Аня отнюдь не смѣшна”. Чехов и не показывает Аню в смѣшном видѣ в этот волнующій момент, но “какой тупик, какую безнадежность, какое удущье” он изображает!

Как и кн. Д. С. Святополк-Мирскій много лѣтъ спустя, Гиппиус увѣрена, что тональность в “Вишневом саду”, как и во всѣх пьесах Чехова, выдержана в настроеніи печали, тоски и безнадежности. Для нѣкоторых из болѣе оптимистических рецензентов, пишет Гиппиус, однако, в пьесах Чехова звенит “мажорный аккорд”, когда, напримѣр, Петя утверждает свои старыя калоши. “Благо публикѣ, — восклицает Гиппиус с пропіей, — которая совѣм ничего не знает, не видит, и хохочет над печальными острогами и над лакеем, “вылакивающим” шампанское” (18). Она убѣждена, что русская “публика до Чехова не доросла”. Русская публика восхищена художественным мастерством Чехова, но она совершенно пропускает сущность его искусства. Иронизи-

руя над этим невѣжеством, Гипшусъ привѣтствуетъ неспособность читателя разслышать меланхолическую тональность в пьесах Чехова. Она привѣтствуетъ ее потому, что читатель, разслышавъ грусть и меланхолю, могъ бы, как и чеховскіе герои, тоже пойти “давиться, стрѣляться и топиться”. “Вѣдь не всякому под силу жить и стонать, жить и тосковать, жить — и чтобъ тебя всегда тошнило! Не всякій хочетъ также жить — и не жить, разрывать мгновенье, существовать “пунктирно”, как эстеты” (19). Поглощенный изображеніемъ мелкихъ деталей жизни человѣка, “Чехов, этотъ пассивный эстетическій страдалецъ, послѣдній поэтъ разлагающихся мелочей”, не могъ указать выхода изъ удушающей атмосферы русскаго мѣщанства 1890-хъ гг., кромѣ своего призыва “в Москву, в Москву!” и знаменитыхъ петиныхъ калашъ. “Неужели выхода нѣтъ — спрашиваетъ требовательный критикъ, — другой жизни нѣтъ и не можетъ быть, неужели Чехов — послѣдняя точка *всего* искусства? А за ним — пустота, неискренность, театр Грамофонъ или петля?”.

Зинаида Гипшусъ отвергаетъ тяжелую, смутную и усталую скуку (20) Чехова, считая ее вредной и заразительной для русскаго читателя. Всѣ произведенія Чехова, которыя она сравниваетъ съ прекрасными, живыми, яркими цвѣтами, проникнуты смертоноснымъ ядомъ: ихъ благоуханіе можетъ вызвать въ человѣческой душѣ лишь сомнѣніе въ правотѣ и темную тоску, вѣрную предвѣстницу грядущей смерти. “Чеховъ самъ ничего не знаетъ, только груститъ и скучаетъ... Онъ слѣпецъ, знающій теплоту солнца, но не знающій солнца, потому что онъ не видитъ, не *понимаетъ* ничего. Что же онъ можетъ *любить*, отравленный чертовскою тошнотой? — и возможенъ ли “рай”, или хоть желаніе, стремленіе къ “раю”?” На свой вопросъ Гипшусъ даетъ отрицательный отвѣтъ: Чеховъ — это “пророкъ небытія”, “пророкъ отрицанія жизни”, “медленнаго, вѣрнаго охлажденія сердца ко всему живому”.

В своемъ крайне интересномъ отвѣтѣ на статью Юрія Череды, “О пошлости” (21), Зинаида Гипшусъ возражаетъ противъ его сравненія художественнаго гения Чехова съ Достоевскимъ. По мнѣнію Гипшусъ, Достоевскій и Чеховъ “не имѣютъ между собой ни одной общей черты, ни какъ люди, ни какъ художники, ни какъ “пророки”.” Достоевскій зналъ дьявола и отважно боролся съ нимъ: онъ любилъ жизнь и считалъ смерть органической частью жизни, онъ вѣрилъ въ вѣчное единство жизни и смерти. Въ душѣ Чехова также поселился дьяволъ, но “Чеховъ даже не подозреваетъ, что чортъ существуетъ”. Его дьяволъ сильно повліялъ на его отношеніе къ жизни и ограничилъ его способность отдѣлять мертвое отъ всего живого. Подлинная любовь Чехова къ жизни, его сила поэтому “костенѣютъ в лапахъ чорта”. Если Достоевскій отчетливо показалъ в своихъ произведеніяхъ, что в жизни возможны высокіе идеалы и божественная любовь, къ которой долженъ вѣчно стремиться человѣкъ, то Чеховъ тянетъ своего читателя по “скользкому, пріятно-половому спуску” (22) въ мягкую дыру. Эта дыра заграждаетъ видъ, мѣшаетъ зрѣнію человѣка такъ же, какъ заключенному в пещерѣ платоновской аллегоріи (23). Все в этой дырѣ черно, тихо, спокойно, тамъ нѣтъ ни любви, ни страха, ни жизни. Сна-

чала читатель, может быть, и старается выбраться из ямы, он может даже стремиться “в Москву, в Москву!”; позже, однако, понимая, что Москва тоже не рай, он неизменно умолкает и в концѣ концов погружается в сладкій сон на днѣ своей темной ямы. Кроме того, продолжает Гишпиус, Достоевскій, находясь под большим впечатлѣніем стихотворенія Пушкина “Пророк”, считал, как и сам Пушкин, что миссія поэта — это видѣть, слышать, любить, зажигать огонь любви и ненависти в сердцах людей, утверждать жизнь во всѣх ея проявленіях. Чехов же был всегда лишь пророком отрицанія всей жизни.

Необходимо, однако, отмѣтить, что, порицая Чехова за атмосферу мрака и крушенія надежд в его произведеніях, изображающих гнетущую “русскую провинцію восьмидесятых годов, бездѣятельную интеллигенцію, тоскующих женщин, полусонных мужиков” (24), Гишпиус отдает ему должное за безпристрастный рисунок жизни послѣдних десятилѣтій прошлаго столѣтія, за его детальный и художественный анализ недалекаго прошлаго Россіи. “Благодаря ему (Чехову) — мы яснѣ увидим, что она (жизнь) — прошлое, что нам в ней тѣсно, как взрослому ребенку в старом платьицѣ” (25).

Гишпиус отказывается вѣрить, что застой и вялость могут восторжествовать в динамическом мірѣ двадцатаго столѣтія. Она увѣрена, что Чехов, “получившій десять талантов, высокое довѣріе” (26), щедро надѣленный “божественной силой”, если даже только неохотно и не вполне сознавая это, слагает также и свои молитвы, возславляющія “вѣчное, Божье”: божественные и вѣчные аспекты человѣческой природы, божественную любовь. Постоянная агонія Чехова и безмѣрная его тоска — по мнѣнію Гишпиус результат его пониманія собственной профанации дарованнаго ему Богом таланта. “Мы любим божественную силу, заключенную в нем, — сознается Гишпиус, — и, глядя на него, соблазненнаго, — страдаем за него”.

Положительный отзыв Гишпиус о талантѣ Чехова может быть найден и в ея статьѣ “Быт и событія” (27), гдѣ она восторгается его тонким мастерством в изображеніи мельчайших деталей повседневной жизни. Тут она также иронически говорит о неспособности всѣх современных ей критиков опредѣлить тенденцію Чехова в качествѣ писателя. Они видят в нем или любителя изображенія скучной жизни со всѣми ея “суетами сует” и мелкими, ничтожными разочарованіями, или писателя “чистой жизни”, со всѣми ея выдающимися событіями и вѣчными вопросами бытія... Гишпиус со своей точки зрѣнія утверждает, что очевидный интерес Чехова к изображенію повседневной жизни и его принципиальное отношеніе к ней двойственны по своей природѣ: он любит и одновременно ненавидит реальность быта. Именно на этой двойственности зиждется дихотомія современнаго критическаго мнѣнія: каждая литературная группа с восторгом провозглашает Чехова своим писателем; но в дѣйствительности “он ничей, свой и Божій”. Настоящая добродѣтель чеховскаго искусства, “если уже нужно искать дѣйствительной пользы в художественных произведеніях Чехова”, содержится,

по словам Гиппіус, в его собственной индивидуальности, в его принадлежности к Богу.

И Гиппіус пользуется еще раз возможностью выразить свое коренное несогласіе с точкой зрѣнія Юрія Череды и его приверженцев, заявлявших, что художественный геній Чехова напоминает Достоевскаго. И еще раз она выражает свое мнѣніе, что Чехов, побуждаемый своею любовью-ненавистью к повседневной жизни, заинтересован лишь изображеніем ея современных, тривіальных сторон. Достоевскій же был всецѣло погружен в “чистую жизнь”, рисуя тѣ вѣчные вопросы, над которыми ломали себѣ голову люди в теченіе нѣскольких столѣтій. Чехов — безстрастный писатель, его связь с Богом становится все болѣе и болѣе безличной, его связь с людьми — все болѣе и болѣе лишенной чувства, все болѣе и болѣе общей, теоретической. В отличіе от этого, для романов Достоевскаго характерно страстное чувство автора по отношенію к Богу, к героям, ко всѣм вопросам, затронутым в романах. Если Чехов и Достоевскій и имѣют что-либо общее, настаивает Гиппіус, то это их чувство жалости к своему страдающему герою. Эта симпатія звенит из *каждой* строчки Достоевскаго; у Чехова же мы слышим ее, как тихій и сострадательный звук, только в произведеніях, написанных в теченіе послѣдних десяти лѣтъ его жизни.

Больше всего Гиппіус у Чехова привлекает легкость его стиля, острога положеній в его рассказах (28) и тонкость линий его “миніатюр” (29). Эти “миніатюры”, говорит она, представляют собою “цѣлую эпоху, цѣлую революцію” в исторіи русской литературы, необходимую для общей эволюціи русскаго искусства. Нѣкоторые русскіе писатели сдѣлали попытку подражать Чехову в созданіи таких “миніатюр”; нѣкоторые из них — Михаил Арцыбашев со своим рельефным рисунком похорон офицера Краузе, и Николай Киселев, который в своих рассказах “Миражи” и “Болѣзнь” “умѣет на одной страницѣ дать столько тонких штрихов, что даже и Чехов удивился бы такой роскоши” — имѣли в этом небольшой успѣх; но всѣ они, включая Арцыбашева и Киселева, не сумѣли овладѣть типично чеховскою художественною манерою экономіи средств, выразительности и вниманія к изображаемым событіям и людям. Послѣдователи Чехова, прямые и косвенные, не могут перенять художественнаго метода своего учителя, так как “Чехов остался позади. Пережит, пройден, хотя не превзойден... Незаконченность... так мила в каждом чеховском “пустячкѣ”, но, помимо Чехова, рѣдко кому вполне удавалась”. Начался второй вѣкъ длиннаго романа, утверждает Гиппіус, — рассказ перестал занимать первое мѣсто в литературѣ.

Много лѣтъ спустя Гиппіус подводит итоги своим взглядам на Чехова в воспоминаніях *Дмитрій Мережковскій* (30). Подчеркивая, что и она, и Мережковскій (ея муж) всегда смотрѣли на Чехова как на самаго талантливаго изо всѣх младших русских писателей, среди его многочисленных, рѣдких, Богом щедрой мѣрой отпущенных талантов самым выдающимся она считает “его геній неподвижности... ста-

тичность... дар — *не двигаться во времени*". У него нѣтъ "мертвого окостенѣнія", объясняет Гиппиус, но он органически неспособен к внутренней эволюціи, неспособен к соединенію своих внѣшних впечатлѣній, времени и описываемых событій в одно живое цѣлое со своим духовным міром. Поскольку всякая эволюція была для него чѣм-то чисто внѣшним, Чехов всегда подавлял ее в самом себѣ, оставаясь навсегда "статичным" писателем: он "родился сорокалѣтним — и умер сорокалѣтним, как бы в собственном зенитѣ". И опять она называет его "писателем момента", неспособным написать "что-нибудь выходящее из рамок нормального рационализма". Когда он хочет нарисовать аномальное умственное состояніе своего героя, безуміе послѣдняго становится нормальным под пером писателя: "У Чехова в таких вещах выходило самое нормальное сумасшествіе, описанное тонко, наблюдательно, даже нѣжно, — и — по-докторски извнѣ. Или же получалась... просто "мрачная олеографія". Чехов "близок и нужен душам, тяготящимся к "нормѣ" и к статикѣ, но безсловесным. Он их выразитель в искусствѣ. Впрочем — не знаю", заключает Гиппиус, "гдѣ теперь эти души: жизнь, движенія, событія все перевернули, и Бог знает, что сдѣлали с понятіем "нормы". Вѣдь и норма — линія передвижная. Чехов был "нормальный человек" и писатель *момента*, т. е. и нормы, взятой в статикѣ". И еще раз Зинаида Гиппиус выражает свое твердое убѣжденіе, что отношеніе Чехова к жизни чуждо тѣм, которые вѣрят во время, перемѣну и прогресс; что его интересует прежде всего изображеніе маленьких деталей, не связанных друг с другом какой-либо положительной философійей; что философія жизни Чехова пугает своею мрачностью, поскольку в ней полностью отсутствуют жизнеутверждающіе идеалы.

Как слѣдует из вышесприведеннаго, Зинаида Гиппиус в своих критических статьях и воспоминаніях постоянно возвращается к Чехову и к его мѣсту в русской литературѣ. Она до конца своей жизни осуждает пессимистическое отношеніе писателя к жизни, в которой, по удачной формулировкѣ Гроссмана, "все одинаково преходяще, случайно, бессмысленно и неважно. Страстная любовь так же смѣняется равнодушіем, как самое безутѣшное горе, безнадежнѣйшее отчаяніе кажется пустяком по истеченіи нѣскольких лѣтъ, и никакая слава не может спасти от мѣщанства в семейной жизни, от непониманія близкими и одинокой смерти. Все неважно, все преходяще и не имѣет смысла" (31). Гиппиус также возражает против эмфазы Чехова на животной природѣ человека, лишеннаго божественнаго подобія; против его подчас прерзительнаго отношенія к женщинѣ, что слѣдует, напримѣр, из его портрета Натальи Ивановны в *Трех сестрах*, Ариадны в рассказѣ "Ариадна" и Анны Петровны в "Аннѣ на шеѣ"; против его чрезмѣрнаго вниманія к изображенію полной неспособности человека организовать свою жизнь на рациональных началах, чтобы таким образом восторжествовать над своими жестокостью, косностью и пороком.

Зинаида Гиппиус была одним из первых критиков, открывших

тайну творчества Чехова: в его произведеніях нѣтъ широко развернутых сюжетов и развязок, вступленій и окончаній; они часто лишены глубокаго философскаго содержанія и даже серьезных тем. Их успѣх можно объяснить их “фрагментарностью и моментальностью”: они дают лишь отрѣзки преходящей реальности жизни и разъединяют отдѣльные моменты в исторіи человѣчества.

Статьи Гиппиус отличаются тонким юмором, зоркостью наблюденія и оригинальностью выраженія — чертами, рѣдко встрѣчающимися в литературных журналах того времени. Ея способность дать формулировку своих литературных наблюденій в живых и точных образах свидѣтельствует о ея художественном мастерствѣ и тонком вкусѣ. Несмотря на подражаніе ей со стороны других русских писателей, литературныя статьи Зинаиды Гиппиус неповторимы в исторіи русской критики. Как однажды о ней выразился кн. Святополк-Мирскій, многіе из них желали бы назвать себя ея учениками в критикѣ, ибо “в свои лучшіе годы.. Антон Крайній был как-то несравненно зорок на различіе подлиннаго от производнаго, и отмиѣннаго от второсортнаго” (32). “С благоговѣйной грустью”, призывает Мирскій своего читателя, “обратимся къ тѣм ея созданіям, которыя дали ей непоколебимое мѣсто в пантеонѣ русскаго творчества” (33).

Зинаида Гиппиус несомнѣнно заслуживает признанія как чуткій и оригинальный критик, стоящій в авангардѣ критической мысли своей эпохи, во многом предсказавшій оцѣнку современности.

Темира Пахмусс.

Иллнойскій Университет.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я :

(1) Кн. Д. Святополк-Мирскій, “Вѣянія в предреволюціонной литературѣ”, **Версты** (Париж, 1927), № 2, стр. 254.

(2) С. А. Венгеров, ред., **Русская литература XX вѣка: 1890-1910** (Москва: Мир, 1914), I, 176.

(3) Модест Гофман, ред., **Книга о русских поэтах послѣдняго десятилѣтія** (СПб, 1909), стр. 181.

(4) **Русская литература XX вѣка: 1890-1910**, ук. соч. I, 186.

(5) См., напримѣр, К. Чуковского, **Лица и маски** (СПб, б. д.), стр. 165-177.

Ю. Каменев, “О робком пламени г.г. Крайних”, **Литературный распад** (СПб: ЕОС, 1909), № 2, стр. 67-85.

В. Львов-Рогачевскій, “Без темы и без героя”, **Современный мір** (СПб, 1913), № 1, стр. 95-121, и “Поворотное время”, там же (1914), № 4, стр. 238-257.

Н. Ашешов, “Из жизни и культуры”, **Образованіе** (СПб, 1904), № 4, стр. 60-74.

В. П. Буренин, “Критическіе очерки. Разговор”, **Новое время** (СПб, 1908), № 11543.

(6) Петр Пильскій, **Критическія статьи** (СПб, 1910), I, 242.

(7) Николай Лернер, “Антон Крайній (З. Гиппиус): **Литературный дневник, 1899-1907**”, **Историческій вѣстник**, IX, (1908), 736.

- (8) См., напрымёр, Андрея Бѣлаго, “Антон Крайній (З. Гиппиус): **Литературный дневник, 1899-1907**”, *Русская мысль* (Москва, 1910), № 8, 88-89.
В. Кранихфельд, “Литературные очерки”, *Современный мир* (СПб, 1908), № 11, стр. 66-83.
Н. Ашешов, “Из жизни и культуры”, *Образование* (СПб, 1904), № 4, 60-74.
А. Абрамович, *В осенних садах* (Москва: Заря, 1909), стр. 27-38.
Евг. Лундберг, “Поэзия З. Н. Гиппиус”, *Русская мысль* (Москва-СПб, 1912), № 12, стр. 55-56.
Н. Кадмин, “Литературныя замѣтки”, *Образование* (СПб, 1908), № 3, стр. 26-38.
М. Невѣдомскій, “80-е годы в нашей литературѣ”, *Исторія Россіи в XIX вѣкѣ* (Москва: Гранат, 1911), IX, 94.
Ю. Каменев, “О робком пламени г.г. Крайних”, ук. соч.
(9) Владислав Ходасевич, “З. Н. Гиппиус. Живыя лица — I и II т.т. Изд. Пламя, Прага, 1925”, *Современныя записки* (Париж, 1925), XXV, 536-537.
(10) Антон Крайній, “Слово о театрѣ”, *Новый путь* (СПб, 1903), VIII, стр. 233-234.
(11) Стихотвореніе “Герой” было написано в 1830 году, напечатано в первый раз в *Телескопѣ* (Москва, 1831), стр. 19.
Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающій обман...
- (12) Зинаида Гиппиус, “Торжество в честь смерти: “Альма”, трагедія Минскаго”, *Мир искусства*, XVII-XVIII, (1900), стр. 86.
(13) Кн. Д. Святополк-Мирскій, “Библиографія”, *Версты* (Париж, 1926), № 1, стр. 208.
(14) А. Бѣлый, “З. Н. Гиппиус. Алый меч. Рассказы (4-ая книга). Изд. М. В. Пирожкова. СПб, 1906”, *Вѣсы* (Москва, 1906), № 9, стр. 57.
(15) Крайній, “Что и как”, *Новый путь*, V, (1904), 251, 253, 254.
(16) Ю. Александрович, *Послѣ Чехова* (Москва, 1908), стр. 245.
(17) Крайній, “Что и как”, ук. соч., стр. 255.
(18) D. S. Mirsky, *A History of Russian Literature* (London, 1949), p. 366.
(19) Крайній, “Что и как”, ук. соч., стр. 255-256.
(20) Крайній, “Еще о пошлости”, *Новый путь*, IV, (1904), 241, 242, 243.
(21) Юрій Черета, “О пошлости”, *Новый путь*, IV, (1904), 228-238.
(22) Крайній, “Еще о пошлости”, ук. соч., 242.
(23) Plato, *The Republic*, tr. F. M. Cornford (Oxford: Clarendon Press, 1948), Ch. XXV, 222-230.
(24) Марк Слоним, “Литературные дневники: замѣтки о Чеховѣ”, *Воля Россіи*, VII, (Прага, 1929), 45.
(25) Крайній, “Что и как”, ук. соч., 256.
(26) Крайній, “Еще о пошлости”, ук. соч., 243.
(27) Крайній, “Быт и событія”, *Новый путь*, IX, (1904), 280-292.
(28) Крайній, “Литературный дневник”, *Русская мысль*, V, (1911), 15.
(29) Крайній, “Литераторы и литература”, *Русская мысль*, V, (1912), стр. 26-28.
(30) Зинаида Гиппиус, *Живыя лица* (Прага, 1925), II, 133-136.
(31) Леонид Гроссман, “Натурализм Чехова”, *Вѣстник Европы*, VII, (1914), 235.
(32) Кн. Д. Святополк-Мирскій, “Вѣяніе смерти в предреволюціонной литературѣ”, ук. соч., 254.
(33) Кн. Д. Святополк-Мирскій, “Годовщины”, *Версты*, III, (Париж, 1928), стр. 141-142.

ЯЗЫК ИДЕЙ И ЯЗЫК ФАКТОВ

II.

(РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ КАК ОБЩАЯ ФОРМУЛА ЗЛА)

В революціи никогда не было радости и не будет. Радость слишком царственное чувство и никогда не упадет в объятія этого лакея.

В. В. Розанов.

Кровь — сок совѣм особеннаго свойства.

Гете. “Фауст” I.

Геній и злодѣйство — двѣ вещи несовѣстныя.

Пушкин. “Моцарт и Сальери”.

Время богословствует. И по мѣрѣ приближенія часа суда и расплаты по поводу всего совершеннаго революціей, все болѣе и болѣе выясняется, что тема революціи есть тема тоталитарнаго антиперсонализма, т. е. отнюдь не политическая, а философская и богословская. Давно пора это понять. Ибо тема революціи есть прежде всего тема антитворчества и антисвободы, тема реакціонной неподвижности, убіенія “космогоническаго Эроса” (говоря языком Людвига Клагеса), которым насыщены первыя главы книги Бытія и “Пѣснь пѣсней” (да и вообще все Св. Писаніе обоих Завѣтов), тема так сказать оскотленія во всѣх его формах, тема о грѣхѣ, — слѣдовательно, тема по преимуществу богословская, если под грѣхом разумѣть все то, что противорѣчит волѣ Божіей и Промыслу Божію. А воля Божія прежде всего называется в нарастаніи творческих энергій и в радостно-блаженном любованіи красотой сотвореннаго во вѣки вѣков — ибо смерти Бог не создал, как учат об этом св. Отцы и Учители Церкви.

Можно смѣло сказать: князь вѣка сего, “дух самоуничтоженія и небытія”, дух хаоса и антитворчества, дух рабства и безличія, всегда найдет повод практиковать свою злобу, черная для этого предлоги в одинаковой степени как “справа”, так и “слѣва”, столько же сверху сколько и снизу, столько же во имя вѣры, сколько и во имя невѣрія — лишь бы только нашел, чтобы в ней угнѣздиться, черную, злую душу, в которой изсякла любовь.

В мемуарах извѣстнаго филантропа И. В. Лопухина (“Записки из нѣкоторых обстоятельств жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго

совѣтника и сенатора И. В. Лопухина составленныя им самим". Лондон, 1860) имѣются свѣдѣнія по дѣлу так наз. "духоборов" — очень интересной мистической секты, отличавшейся необычайной чистотой нравов и огорченной, на подобіе средневѣковых катаров, распущенной и недуховной жизнью духовенства и, вообще, "видимой Церкви". То, что он сообщает, очень характерно и в духѣ дѣйствій "великаго инквизитора", "тайны беззаконія" и "мерзости запустѣнія" душ человѣческих.

Послушаем его краснорѣчивый рассказ об этом и мы убѣдимся в том, что стоит все им изложенное перекрасить в "красный цвѣтъ" революціонных порядков (вѣрнѣе, беспорядков) и революціонной законности (вѣрнѣе, беззаконія), как перед нами встанет картина торжествующаго чекизма.

"Прѣзжая вмѣстѣ с товарищем в Харьков, остановились мы на сутки в Бѣлгородѣ. Обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся в тамошних окрестностях духоборцев, полюбопытствовал я о них обстоятельно узнать от него. Нашед в сем пастырѣ только судью им самаго строгаго, коего и горячность излишняя в разговорах о них мѣшала ему довольствоваться мое любопытство, прервал я разговор. Тут же обѣдал один чиновник, бывшій Земским Исправником во времена розысков над Духоборцами, который помогал хозяину бранить их" (цит. соч. стр. 118).

Здѣсь "нота bene". Вещь хорошо извѣстная: еретики, в большинствѣ случаев, представляют с точки зрѣнія религіозно-творческаго генія *самый драгоценный и интересный, часто самый святой антропологическій матеріал людей вѣры*. (Об этом — блестящій труд Walter Nigg'a: «Buch der Ketzler» — "Книга о еретиках", Цюрих, 1949). Это тѣ, о которых сказано св. ап. Павлом: "должно быть и ересям между вами, дабы открылись искусѣншіе".

Мы также не будем далеки от истины, если скажем, что среди мнимых "святых" найдем не мало злых людей с окаменѣлыми и лишенными признака любви душами и сердцами, подобными сердцам чекистов, — людей с "горячими головами и холодными сердцами", в то время как потребно обратное: *холодная голова и горячее сердце*. Да сверх того, не слѣдует забывать, что Сам Основоположник нашего спасенія был осужден как еретик, и в черных глубинах нѣкоторых "сверхортодоксов" едва ли не считается еретиком и по сей день. Это достаточно хорошо показано у Достоевскаго в "Легендѣ о Великом Инквизиторѣ".

Однако, предоставим опять слово "полицейскому ортодоксу", гонителю ересей — и блюстителю "чистоты риз".

"Послѣ обѣда пошел я по городу прогуливаться с оным чиновником и спрашивал его наединѣ о Духоборцах. Повѣсть его состояла в брани же. "Да изволите ли вы их знать?", спросил он меня. "Нѣтъ" — и подлинно мнѣ не случилось ни одного из них видѣть. "Извольте

же их посмотрѣть — продолжал он: — походят хоть мало на христіан? Кровинки в лицѣ нѣтъ! Они, злодѣи, и в церкви хаживали; да полно что? В церкви стоит, а не то думает. Только, бывало, и отрада душѣ, что оттуда их вытащить, да в однѣх рубашках палочьем дуть”.

“Почему же, — спрашивал я его, — знать было вам, что они думают?” — “Как же-с — это видно”, — отвѣчал он мнѣ.

“Я видѣлъ, что говорить с ним больше нечего — и уже довольно узнал как поступают с этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и с нѣкоторыми из них разговаривать” (там же, стр. 118).

Л. Н. Толстой, который писал на эту же тему болѣе чѣм сто лѣтъ спустя и сам будучи еретиком, назвал это “гоненіем на христіан” — и был совершенно прав. Но самое здѣсь любопытное, что этих людей духовная и свѣтская полиція в трогательном согласіи терзала совсѣм не за то, что они не ходили в господствующую церковь, а именно за то, что они ходили и воздавали ей требуемый почет. И это совершенно, как случилось когда-то с Сократом, а в наше время случается с миллионами христіан терзаемых красной полиціей и нанятым или науськанным, распропагандированным хулиганьем.

Зло не выносит непротивящихся ему и убивает их — такова его внутренняя природа и діалектика. Вот по какой причинѣ злу уготованы вѣчныя мученія, а не по какой либо иной: оно не может насытиться никакими мученіями непротивящихся ему праведников — и кончает тѣм, что оскверняет послѣ смерти их тѣла и изображенія. Таков смысл иконоборчества и надругательства над мощами, иконами и священными предметами.

Опять даем слово И. В. Лопухину:

“Пріѣхавши в Харьков, между прочими вѣдомостями потребовал я особливую вѣдомость о том, что происходило и происходит с Духоборцами живущими в тамошней губерніи.

“Губернатор подал мнѣ вѣдомость. При нем же, читая ее, нашел я, что в царство покойной Императрицы (Екатерины II), нѣкоторые из них были взяты в тѣсныя заточенія и не возвратились; а при государѣ покойном, всякій Генерал-Прокурор, вслѣдствіе Губернских представлений, объявил Именной Указ о ссылкѣ их цѣлыми семействами в разныя мѣста на поселеніе и на каторгу: и сослано их таким образом не одно семейство” (стр. 119, там же).

Еще болѣе краснорѣчиво сообщеніе И. В. Лопухина о том, что амнистія, объявленная в началѣ царствованія имп. Александра I, исполнялась вяло, как бы нехотя и сейчас же, вопреки желанію Государя, смѣнялась новыми гоненіями и терзаніями под какими угодно предлогами, часто добытыми путем *провокаціи* (см. цит. соч., стр. 120 и слѣд.). Провокаторы не погнушались и не побоялись сфабриковать из ничего несуществующій бунт, голько была бы возможность наказыывать, то-есть попросту мучить невинных, и это вопреки прямой волѣ Монарха, как бы возставая на нее. Над этим стоит призадуматься!..

Понятіе революціи придется таким образом значительно расши-

рять. И не только расширить, но и углубить. Для этого существует исчерпывающий термин. св. ап. Павла: “*Тайна беззаконія в дѣйствиі*”. Это выраженіе, интуитивно проникающее в глубину вещей (“последних вещей”), говорит о нѣкоторой глубинной же “порчѣ” или “радикальном злѣ” (das Radikalböse Канта — философскій коррелат “первороднаго грѣха”, термина богословскаго). Оба выраженія — богословское у св. ап. Павла и философское ему эквивалентное у Канта — говорят об упорном стремленіи темной и человѣконенавистнической, человѣкоубійственной силы себя проявить во всей совокупности жизни и духо-угашенія, но, главным образом, в видѣ безбожія и матеріализма. Первое проявляет себя в свѣтских властях, второе — во властях духовных. Нѣтъ народа и нѣтъ государства, гдѣ бы эти два облика темной силы не сказались, равно как и нѣтъ конфессіи, нѣтъ религіозной группировки, гдѣ бы тотчас же не показались “рога” безчеловѣчной и безбожной мерзости, “беззаконія в дѣйствиі”.

Мы взяли примѣръ из борьбы филантропа — истиннаго христіанина И. В. Лопухина, использовавшаго свой высокій сан и близость къ верховной власти для защиты “*высокой и слабой*” (физически) *категоріи духовно алчущих, духовно жаждущих* — против наскока духа тьмы, избравшаго себя в качествѣ орудія іерархически высокопоставленную духовную и государственно-полицейскую власть. Русскій и Западный XVIII вѣкъ особенно богат нарастаніем “дѣйствующаго беззаконія”, которое еще задолго до того как революція передаст ему полноту власти и возможность всѣх и все терзать и мучить, пользуется властями духовными и свѣтскими. Во Франціи, дѣло Каласа, кончившееся колесованіем невиннаго, вызвало пламенную отповѣдь Вольтера и положило начало его міровой славѣ. Но в душѣ самого Вольтера оно же посылало сѣмена “нетерпимости навыворот” — и всходы оказались столь же мерзкими и кровавыми: враг рода человѣческаго умѣет из всего извлекать пользу для себя. Ему как “доброму вору все впору” и все обогащает его многоумѣстительную котомку. И вот — зрѣют недостойныя пасквильныя возраженія Вольтера Паскалю — как будто ему мало того, что враг у них общій и что книгу Паскаля о іезуитах сожгли рукою палача. Вот уже и в Россіи XVIII вѣкъ, под прямым воздѣйствіем Вольтера и прочих “энциклопедистов”, проходит в жестокой, нетерпимой *кровавой* борьбѣ властей против Церкви и всѣх горящих духом Христовым. Один за другим закрываются храмы и монастыри, расхищаются церковныя сокровища, терзаются на дыбах, колесах и колях вѣрующіе — и в каком количествѣ! Скоро остается в царствованіе имп. Екатерины II всего *одна пятая* храмов и монастырей. А до этого, еще в кошмарное царствованіе имп. Анны Іоанновны, гдѣ, по выраженію Ключевскаго, самым темным пятном была сама Императрица, количество замученнаго и сосланнаго духовенства далеко переваливает за 50.000. И это при крайней рѣдкости населенія и недостаточности его воспитывавшаго духовенства. Нам не раз приходилось приводить слова Пушкина, что эта мѣра “нанесла непопра-

вимый удар русскому просвѣщенію” — и, конечно, русской культурѣ. А взрывы и уничтоженія старообрядческих храмов при имп. Николаѣ Павловичѣ со всѣм, что сюда относится... Что это, как не все тот же богоухульно-кощунственный безбожный пафос большевизма — только в его предвареніи, что это, как не “тайна беззаконія в дѣйствиі”? И когда, наконец, дореволюціонная Россія, неустанно совершенствовавшаяся, очистилась от своего недостойства в этой области и в ней окончательно возсіял свѣг вѣротерпимости, — тогда на помощь ослабѣвавшему духу тьмы подоспѣли товарищи марксисты (и не они одни!) и показали свою способность доводить до высшей степени пафос *кощунственной мерзости и идеологического безчестья*.

**

Одна из главных заслуг Н. А. Бердяева та, что он очень расширил понятія “соціализма” и “соціализаціи”, разумѣя под этим всевозможныя формы *антиперсонализма* и *процессов деперсонализаціи*. Такая установка и сдѣлала этого философа, при всем радикализмѣ его мышленія (а может быть именно благодаря радикализму его мышленія) таким опасным врагом коммунизма и соціализма, — несмотря на то, что он был сторонником самых коренных соціально-экономических реформ. На них он смотрѣл как на технику общежитія (“кухню” — по его же выраженію) — и для него онѣ подразумевались сами собой. Врагом всѣх форм “соціализма” и “соціализаціи” сдѣлало Бердяева совѣм не то, что вызывает к этим формам міросозерцація вражду у рядового, и, как правило, пошлаго обывателя-мѣщанина, трусливаго и инертнаго себялюбца.

Как вѣрно замѣтил тот же Н. А. Бердяев, марксистскій соціализм (коммунизм) “хотѣл бы изнасиловать человѣческую совѣсть во имя счастья людей, во имя земнаго рая”. Это — навязчивое желаніе принудить человѣчество “к мыслям и чувствам избавляющим от мученій, связанных с вопросом о смыслѣ и цѣли жизни, о вѣчности, о свободѣ сверхчеловѣческой” (Н. Бердяев “Новое религиозное сознаніе и общечеловѣчность”, СПб, 1907, стр. 73).

Другими словами, основная задача марксистскаго коммунизма — *крайняя степень духовнаго обдѣннія челоѣка*, превращеніе его в “партіиуную вещь”, в “партіиуную собственность”. Это прыжок из неполнаго рабства в рабство окончательное и безповоротное “великаго инквизитора” — идеал соціализма, его “энтелехія”. Под соціализмом мы здѣсь и разумѣем его так сказать “энтелехию” — коммунистическое или націонал-соціалистическое государство.

В атмосферѣ создаваемой тоталитаризмами обоих видов, атмосферѣ душной и ядовитой, во всем преобладает соціально-политическая опѣнка и всюду господствуют соціально-политическія установки, свобода подмѣняется соціально-политическим заказом. Они насильственно занимают мѣсто установок религиозных и вообще духовных, которыя они стремятся вытѣснить и убить или удушить.

Сейчас же за срывом первой попытки большевицко-эсеровской ре-

волюціи 1905 г., когда уже ясно обнаружилась, как впрочем уже и со времени злодѣянія 1-го марта 1881 г., извѣстная истина, что *кровопролитіе для революціонеров есть не средство, а цѣль* и что *чекизм вопль слылся с их міросозерцаніем и политикой*, — сейчас же за обнаруженіем этой сути революціи начался критическій пересмотр идеологіи и тактики “товарищей”. Сначала это совершали в одиночном порядкѣ такіа величины, как Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, потом началось это дѣло и в элитно-групповом порядкѣ свободных ассоціацій, возставших за поправную чекистами человѣческую личность, ея свободу и ея творческіа достижения и за право чтить святыню.

В уже цитированном трудѣ Н. А. Бердяева “Новое религиозное сознание” мы читаем в этом смыслѣ весьма показательныа строки:

“Слишком вѣрит социализм в политику, в единственность и окончательность политическаго пути спасенія, в политическіа формы и формулы. В социал-демократіи завершается давно начатый буржуазіей процесс обоготворенія политики, которая дѣлается все болѣе и болѣе отвлеченной, оторванной от центра жизни и, наконец, сама превращается в единственный центр жизни, в религію” (Бердяев, цит. соч., стр. 99). Т. е., конечно, в лжерелигиозную секту.

Единственная поправка которую время внесло в этот пророческій текст, это то, что нынѣ термин “социал-демократія” стал совсѣм невинным, вполне буржуазным, почти что “вегетеріанским” (если не считать кровавой расправы социал-демократа Носке со “спартаковцами” в началѣ германской революціи). Там, гдѣ в началѣ XX вѣка стоял термин “социал-демократія”, надо, перевалив за средину XX вѣка, примѣнять выраженіе “*тоталитаризм*” — антихристово отрицаніе личности и свободы, сужденіе о человѣкѣ по его политической этикеткѣ, которую, как правило, наклеивают на человѣка совершенно произвольно, “как моя “лѣвая” (или “правая”) нога хочет”, большей частью в связи с требованіями момента, или политической моды, или, вообще, без всякаго смысла, по той лишь причинѣ, что “мозг находится не в головѣ, но приносится вѣтром со стороны Каспійскаго моря” — как говорится у Гоголя в его сюрреалистических “Записках сумасшедшаго”. В этих записках, кстати сказать, нѣтъ ничего “сумасшедшаго”, но рѣчь в них идет совсѣм о другом...

Суть политических расправ совсѣм не в постановленіях “тайнаго”, или “явнаго”, или какаго нибудь там еще другога трибунала, гдѣ засѣдает куча истериков или доктринеров, ненавистников всего живого — от зеленой былинки на лугу, от колокольчика и до могучаго сѣвернаго дуба или южнаго баобаба, от охотника-Нимрода до поэта Тютчева... Суть политических расправ именно в этой ненависти к жизни, в желаніи под каким угодно предлогом пролить живую кровь, “потому что в ней душа”, в злобѣ по адресу этой души, вызванной к жизни любовію и любовію живущей...

Тут любой густопсовый черносотенец самый “древній” подаст руку самому “модерному”, багрово-красному нигилисту и революціонеру. В

поклоненіи грубо малеваному, поддѣльному хламу черные с красными всегда сойдутся... Их вражда фиктивна, хотя они порою и весьма больно покалачивают и истребляют друг друга. В главном, то-есть во враждѣ к Богу, к Софіи, к человѣческой личности, к духоносному началу, к гению, к святому, к пророку, они всегда сойдутся, как сошлись фарисеи и саддукеи, когда надо было распять Христа, как сошлись спартанцы и афиняне на смертельной ненависти к Сократу и, вообще, к философіи... Царство тьмы имѣет свою “симфонію”, хотя и не на любви основанную, хотя и безобразно, какофонично звучащую.

Одно из важнѣйшихъ открытій о. Сергія Булгакова, в молодости блестящаго социолога и политико-эконома то, что есть формальное сходство между монахами-аскетами и революціонно-нигилистической интеллигенціей. Этой же точки зрѣнія придерживался проф. С. Л. Франк, подчеркивавшій ненависть и отвращеніе этой интеллигенціи к продуктивности, к богатству, к достатку, да и вообще ко всякому творчеству, ко всякому благолѣпію и крѣпости. Тѣм и другимъ особенно представлялось опаснымъ всякое кипѣніе крови, всякій эротическій экстаз и на его почвѣ возникающее “порожденіе в красоту” — выражаясь языкомъ Платона. Конечно, здѣсь сошлись противоположности, сошлись именно по той причинѣ, что онѣ противоположности на основаніи формально-діалектической закономерности мыслительнаго и онтологическаго процесса. Средства у обѣихъ аналогичныя — *угашеніе живой, молодой, кипящей и бьющей ключомъ крови*. Цѣли — прямо противоположны. Настоящій аскет признаетъ благомъ и плоть, созданную Богомъ, и кипящую в ней кровь, “в которой душа”; но *во имя лучшаго сдѣлался* так сказать — “врагомъ хорошаго”. Он отказался от любви земной во имя любви небесной...

Совѣмъ другое дѣло интеллигент-нигилист XIX вѣка или его эпигон — нынѣшній тоталитарист-коммунист. Ему тоже глубоко ненавистна всякая эротика и всякое ею вызванное кипѣніе живой и молодой крови и мысли. Ему глубоко ненавистны плоды творчества, вызванные этимъ кипѣніемъ и связанными с нимъ экстазами. Весь этотъ “романтизмъ” кажется ему вреднымъ, “реакціоннымъ”, “буржуазнымъ” вздоромъ, отвлекающимъ отъ “настоящаго дѣла”, то-есть отъ построенія коллектива безполаго и безбожнаго, прѣснаго и безвкуснаго, “тепленькаго” — ни холоднаго, ни горячаго. По этой причинѣ и навязываются женщинамъ мужскія занятія и работы, подчасъ очень тяжелыя и изнурительныя, с медицинской точки зрѣнія истощающія женщину, *дефеминизирующія* ее и превращающія в то, что Н. А. Бердяевъ именуетъ “мужчинами второго или третьяго сорта”. Этотъ типъ женщины менѣе всего можетъ вызвать кипѣніе крови и творческой экстаз, любованіе и эротическую влюбленность. Онъ появился на Руси с середины шестидесятыхъ годов XIX вѣка и к началу XX-го вполне уже выработался. Онъ же нынѣ строитъ прѣсную и безплотную, безбожную и скучную коммуну, гдѣ агитационная истерика замѣняетъ вдохновеніе. Это вполне аналогично Америкѣ, гдѣ царитъ безполая “тетка”, по вѣрному и ядовитому опредѣ-

ленію этого типа Германном Кайзерлингом. Но “товарищ” или “тетка” — это рѣшительно одно и то же. Здѣсь и рѣчи не может быть об эросѣ, об Афродитѣ Небесной — и развѣ что мелькнет иной раз, да и то очень рѣдко, Афродита простонародная, площадная. Конечно, и это — не та любовь, которой мы любуемся в произведениях Данте, Петrarки, в “Исторіи бѣдствій” Абельяра и Элоизы... Это не любовь, вызвавшая к бытію сонаты и симфоніи Бетховена, романсы Шуберта и Шумана, піанистическіе шедевры Шопена, Листа, Скрябина, Тристана и Изольду Вагнера...

По поводу этого подполья и его функций Н. А. Бердяев зло говорит слѣдующее:

“Соціализм очень невинная и элементарная вещь (то-есть должен был бы быть таким по своей сути и по тому, каким он стал на Западѣ. — В. И.), это социальная арифметика, и страстная ненависть и страстная любовь противоположных сторон, буржуазии и пролетаріата, фанатиков капитализма и фанатиков социализма, есть *зло коренящееся в религиозном раздорѣ, в религиозной уже стихіи и религиозном сознаниі*. Соціализм есть вопрос *кухонный*, а плоха та кухарка, которая, вмѣсто кушаній, подает к обѣду плохіе, лишенные поэзіи стихи, как это дѣлают сторонники революціоннаго социализма” (Бердяев, там же, стр. 122).

К этому можно было бы прибавить еще и то, что эта “кухарка”, согласно Ленину ставшая во главѣ государства и даже создавшая самое человѣконеуважительное и культуронеуважительное, богоборческое псевдо-государство, пролила океаны крови, пожрала многіе десятки миллионoв человѣческих жизней, уничтожила безчисленныя культурныя сокровища (стоит вспомнить чеку, индекс 1923 г., разгром Московской Синодальной библиотекы и массовое уничтоженіе классиков, начавшееся уже при Сталинѣ, разбазариваніе Эрмитажа и Публичной Библиотекы, разрушеніе музейных цѣнностей и проч. и проч.).

Во всем безчестные и непослѣдовательные марксо-коммунисты больше всего на свѣтѣ боятся игры и дѣйствія подлинной діалектики. Вѣдь ея основной закон это — переход всякаго понятія (в том числѣ и самого діамата и коммунизма) в свою противоположность. Діалектика нужна “совстрою” на предмет поддѣлки науки с ея законoмѣрностями. Идолопоклоннической псевдооциентизм нужен компартіи на предмет держанія так наз. “масс” в *умственном и духовном рабствѣ*. Тогда в видѣ надстройки над этим рабством возникает и волевое рабство, физическая импотенція, да и просто отсутствіе всякаго желанія возстать. Если кровь болѣе в жилах не кипит, организм во всѣх смыслах оскoплен и понятіе о высших цѣнностях и лучшем образѣ жизни отнято, если люди превращены в двуногих муравьев или термитов, то естественно, что для таких жалких существ “свой” муравейник или “свой” термитник кажется раз навсегда установленным высшим идеалом, одна мысль об улучшеніи котораго или о выходѣ на свободу обязательно покажется безуміем и “реакціей”, подлежащей немедленному упразд-

нению вмѣстѣ с их “крамольным” носителем. Задача совевгеники и совпедагогика состоит именно в том, чтобы истребить всякую возможность чего либо подобного наряду с религіей и образом Божиим, мѣсто котораго занимает образ муравьиный или в лучшем случаѣ — образ Маркса или Ленина. Но это — “боги” и “цари” до которых “далеко” и “высоко”. Да и они тоже раз навсегда заперли сами себя в ими созданный “идеальный” термитник-муравейник, из котораго, ясно, сами не уйдут и хотящим уйти препятствуют — такими они стали еще при жизни. Такою была и вся русская революціонно-соціалистическая интеллигенція, высшим и предѣльным идеалом которой оказалась чекистски оформляемая, корректируемая и постоянно опекаемая муравейно-термитная масса. Но человек все же не насекомое. Марксо-коммунизму совершенно недоступны послѣднія душевно-духовныя глубины человека. Нѣчто подобное тому, как так наз. “потухшіе вулканы” нерѣдко оглушительно взрывались и извергались, — может случиться и с “термитником двуногих”. Возможность такого случая не исключена — она и дѣлает коммунистов столь враждебными современному психоанализу. Согласно их доктринѣ, никаких глубин у человека нѣт и быть не должно. Всякая мысль о глубинах и о “психологіи глубин” всячески замалчивается и искореняется. В этом смыслѣ самое неприятное у ненавидимаго ими Достоевскаго для них, конечно, “Записки из подполья”, гдѣ тайнозритель глубин учел подобного рода возможность и пророчествовал о ней со свойственными ему остротой и блеском. Любопытно, что нѣчто подобное мы находим и в “Исторіи матеріализма” Ланге (в концѣ второго тома). Этот “лѣвый” и соціалистически настроенный неокантіанец полуматеріалист приходит от такой возможности в ужас и в ярость — не меньше товарищей-марксистов, хотя и не дѣлает отсюда чекистских выводов. Впрочем, зачѣм бы это, когда подобного рода “выводы” с практическими “приложеніями” могут сдѣлать за него и уже сдѣлали другіе. В таких случаях залог успѣха — как всюду — раздѣленіе труда.

Про убійцу Пушкина Дантеса Лермонтов хорошо говорит:

Пустое сердце бьется ровно,
В рукѣ не дрогнет пистолет.

Такими были и сердца прямых предшественников нынѣшних комсовмарксистов — Писарева, Чернышевскаго, Добролюбова и тутти кванти. Средство же для такого пониженія темперамента, во исполненіе пророчества Петра Верховскаго — “мы всякаго генія задумим в младенчествѣ”, — тройное: кровопусканіе, т. е. пролитіе морей невинной крови, искусственное пониженіе экономическаго уровня, включая сюда и искусственныя голодовки и искусственныя повышенія цѣн, говоря кратко, — всеобщее обнищаніе и общая депрессія; и, наконец, устраненіе из міра Эроса и вообще *всѣх видов любви* — от самых элементарных видов сексуальности до той таинственной и возвышенной

“Агапы”, которая символизируется голгофским Крестом и евхаристической Чашей. Все это, весь этот неисчерпаемый и, в сущности говоря, единственный источник вдохновения и творчества вытѣснен безполой “товарищеской солидарностью”.

Как уже у Писарева, Чернышевскаго и Добролюбова. Их жизненавистничество проступило и на бездарных страницах их “стихотворных” и “беллетристических” попыток, гдѣ размазана безтемпературная слюнявая импотентность. Все это можно суммировать в двух словах: *безкровная мертвечина*.

Она уже полностью содержится у “бога” народников, бездарнаго Н. К. Михайловскаго, вмѣстѣ с призывами к антитворчеству, національной нищетѣ, к *внутреннему кровопролитію и внешнему пораженческому антинационализму*. Какая мерзость: народничество без национального лика и без национального творчества, гниющее в искусственно созданной нищетѣ, погоками внутренняго самоубійственнаго кровоизліянія борющееся с тѣм, что Михайловскій откровенно прозвал “бѣсом народнаго богатства”. И это отнюдь не во имя духовных богатств, не во имя спасенія души и вѣчных благ. Нѣтъ — все это Михайловскій отрицал во имя, видите ли, “науки”, о которой не имѣл ни малѣйшаго понятія. Отрицалось все это во имя *бѣлокровнои мертвечины, принятой как самоцель*.

В русской революціи есть нѣчто *непрощаемое* и накладывающее на нее клеймо вѣчнаго позора и посмѣянія. Это, говоря языком Н. А. Бердяева (в одну из его минут общаго просвѣтленія и тайновиденія)

“Несосвѣтимаѣ пошлость”.

К этому мы присоединим

неописуемое уродство, —

и еще

лотую бездарность.

И если согласно Эдгару Кинэ главным плодом революціоннаго террора во Франціи было появленіе “благоустроеннаго буржуа и гражданина подлека”, то в Россіи мы видим нѣчто еще гораздо худшее: массовый “демян бѣдный” в поэзіи, массовая шолоховщина и сурковщина в прозѣ и массовая ленинщина в философіи. Не говорим о том, что режим СССР есть режим стабилизированнаго беззаконія и безправія в отношеніи огромнаго большинства “погоняемых” и “вседозволенности” в духѣ деспотическаго самовластия — для “погонщиков”.

Все это уже было явлено в людях шестидесятих годов и предсказано и растолковано в произведеніях большой русской литературы, за

это подвергавшейся шельмованію тѣх бездарностей, которыя именовали себя “литературными критиками”.

В подтвержденіе здѣсь сказаннаго я приведу текст из превосходной книги проф. К. В. Мочульскаго о Вл. Соловьевѣ. Покойный Мочульскій никак не может быть отнесен к так наз. “правому” крылу русской общественности, всегда пользовался симпатіями “лѣвых” и поэтому заподозрѣть его в политическом или социально-политическом пристрастїи никак нельзя. От общей массы лѣвых его отдѣляла “только” (но это “только” очень значительное) — кристалльная честность и безпристрастность мысли и высота вкусов, благодаря чему его надо отнести к мыслителям и философам русскаго “будущаго”. Это он увидѣл в Бѣлинском предшественника *русскаго коммунизма* со всѣми его мерзостями. Это он узрѣл в русской національной душѣ темное пятно — любовь к уродству в сочетанїи с ненавистью к красотѣ.

“До появленія символистов, в Россїи был один только эстет — К. Н. Леонтьев, человекъ эпохи Возрожденія, трагически расплатившійся за свое несвоевременное и неумѣстное рожденіе. Однако, и он никакой эстетической системы не создал. Богатая гениальными художественными произведеніями русская литература всегда стыдилась красоты и искала ей нравственнаго оправданія. Нигилизм в отношенїи к эстетикѣ совсѣм не есть временное явленіе в русской культурѣ, связанное с шестидесятыми годами, это — типичная особенность нашего національнаго характера, своеобразный аскетизм русской души. Достаточно указать на убожество эстетических воззрѣній Толстого” (К. Мочульскій, Владимір Соловьев, стр. 239).

Именно путем отрицанія красоты проникла в русскую революцію пошлость и вмѣстѣ с нею и всѣ другіе виды грѣха, хотя пошлость, казалось, менѣе всего была свойственна русской душѣ. Проникла и жажда пролитія невинной крови и родиноненавистничество.

Маркс любил свою родину Германію горячо — и вряд ли бы рѣшился осуществить свой социал-коммунистическій замысел цѣной гибели своей родины и ея культуры. Россію же и славянство вообще он глубоко ненавидѣл и презирал, дѣлая исключеніе, кажется, только для одного Чернышевскаго (может быть с его ближайшим окруженіем, хотя об отношенїи к послѣднему автору “Капитала” мы ничего опредѣленнаго не знаем). Что же касается самого Чернышевскаго, то о нем можно навѣрное сказать, что лучшаго союзника в дѣлѣ разрушенія ненавидимой им всѣми фибрами Россїи Марксу, конечно, было не найти. В этом смыслѣ все в русской революціи слажено и прилажено на предмет всесторонняго погубленія Россїи, ея народа и ея культуры. Не революція для народа, но народ для революціи — и именно в качествѣ *тищи людодов* и *идіотов*. Это надо раз навсегда затвердить русским людям, а также всѣм, кто любит и цѣнит русскую культуру, считая ее явленіем міровым и духовно окормляющим.

ВОСПОМИНАНІЯ

(Продолженіе) *)

ГЛАВА XIX.

Я говорил о письмѣ Великаго Князя Николая Михайловича адресованном Императору 1 ноября 1916 года.

В теченіе войны Великій Князь нѣсколько раз высказывал Монарху свои соображенія. Великій Князь был научно-образованный и знал основательно исторію: он опасался, что по окончаніи войны, во время обсужденій больших проблем на мирной конференціи, интересы Россіи не будут в достаточной степени ограждены. Он долго обдумывал этот вопрос и поэтому его письма заслуживают быть отмѣченными.

Первое письмо на эту тему помѣчено 22 апрѣля 1916 г.:

“Я вижу необходимость ознакомить тебя с моими мыслями и обратиться к тебѣ с просьбой, которая касается лично меня самого. Вот о чем идет рѣчь. Вскорѣ начнется третій год этой небывалой войны. Думаю, что каждый мѣсяц приближает нас к развязкѣ. Я вѣрю, что мы и наши союзники будут побѣдителями, и в худшем случаѣ, не будет ни побѣдителей, ни побѣжденных и что война прекратится из-за истощенія финансовых ресурсов націй. Я не допускаю плохого конца войны.

“Все же считаю, что уже теперь необходимо подумать о выборѣ лиц, которым будет поручена задача поддержать честь и величіе Россіи на будущей конференціи. Эти избранные (вѣроятно, шесть или семь лиц) не должны быть ни бюрократами, ни *gratte-papier*, ни людьми с душой чиновников. Для такой почетной цѣли нужны люди независимые и имѣющіе хорошее общее и научное образованіе. Люди смѣлые и не боящіеся газетных мнѣній и нашей болотной столицы. На будущей конференціи предстоит завершать большую задачу и необходимо будет держать высоко знамя родины не уступая нашим врагам, ни союзникам в вопросах, которые затрагивают величіе Царя и интересы Россіи.

“Раздумывая часто с тщательностью о проблемах, которыя возникнут с самаго начала на предварительных обсужденіях, я думаю о том, что получится, когда будущая конференція подойдет к вопросу об условіях мира. Поэтому я беру на себя смѣлость привлечь серьезно твое вниманіе на трудный вопрос о выборѣ делегатов для сложной работы не только в Министерствѣ Иностранных Дѣл, но также в Военном, Морском и Финансов.

“Я перехожу к моей личной просьбѣ — я бы хотѣл быть в числѣ этих избранных, несмотря на то что я Великій Князь, я отказываюсь

---

*) См. “Возрожденіе” №№ 157-170, 172-175.

от всѣхъ привилегій связанныхъ съ моимъ званіемъ. Ясно, что нѣтъ еще прецедентовъ, и очень возможно, что моя мечта испугаетъ г-дъ Сазонова и Извольскаго, но все же и эта война необыкновенная и не имѣетъ прецедентовъ.

“Я хорошо знаю мои качества и мои недостатки.

“Языкъ мой свободный, я могу горячиться и сказать рѣзкое слово, но я не боюсь никого и не обращаю вниманія на клевету и достигнувъ зрѣлости я знаю многія вещи, я не ищу для себя ничего, а желаю только быть полезнымъ тебѣ и нашей дорогой Россіи.

“Не одинъ разъ я говорилъ объ этомъ твоей матери и твоей сестрѣ Ксеніи и онѣ обѣ горячо привѣтствуютъ мое стремленіе. Поэтому не откладывалъ это въ долгій ящикъ, я рѣшилъ представить тебѣ откровенно и съ чистой совѣстью мои пожеланія, можетъ быть смѣлая, но искреннія. Есть еще много времени чтобы обдумывать и рѣшать и можетъ быть я смогу въ одинъ день лично поговорить съ тобой по этому вопросу, который не даетъ мнѣ никакого покоя, ни днемъ, ни ночью, въ особенности, когда я, какъ историкъ, переношусь мысленно на всѣ бывшія конференціи — грустной памяти.

“Я прошу тебя принять мои пожеланія по случаю праздника Ея Величества Императрицы,

Весь твой Николай М.”

28 апрѣля Великій Князь пишетъ снова:

“Возвращаюсь къ вопросу, который я возбудилъ въ моемъ письмѣ отъ 22 апрѣля, — я привлекъ твоё вниманіе къ выбору и къ роли будущихъ представителей на конференціи или конгрессѣ, который состоится въ концѣ мировой войны. Если твои избранники будутъ опредѣлены вскорѣ, то они должны не теряя ни одной минуты приступить къ подготовительной работѣ, и вотъ почему. Прежде всего они должны войти въ сношенія одни съ другими. Потомъ, послѣ того какъ они получаютъ указанія отъ тебя и Сазонова, они должны обсудить главные вопросы, по которымъ уже достигнуты соглашенія съ союзниками. Переговоры должны касаться какъ главныхъ вопросовъ, такъ и второстепенныхъ; въ Россіи не только я, но и многіе не имѣютъ вѣры въ мудрость тѣхъ, которые ведутъ нашу иностранную политику. Они не имѣютъ искры Божіей — это рутина, которая господствуетъ у нихъ и тушитъ всякій огонь вдохновенія.

“Доводы о преждевременности выбора лицъ, которымъ будетъ поручено приготовить единство дѣйствій и выработка программы будущей конференціи, несносны и неубѣдительны. Бояться, что это возбудитъ разговоры о мирѣ, нѣтъ основаній. Наоборотъ, если будутъ знать въ окопахъ, что не напрасно умираютъ и страдаютъ и что уже сейчасъ правительство заботится выработать миръ не только почетный, но также и выгодный, — это произведетъ только ободряющее впечатлѣніе.

“Мнѣ кажется, что Сазоновъ, самъ наиболѣе симпатичный, не имѣетъ всегда способности “предвидѣть и рѣшить”, что было бы гарантіей успѣха въ будущемъ арэонагѣ, долженствующемъ судить Германію и состоящемъ изъ ея теперешнихъ враговъ. Необходимо будетъ считаться не

только с европейскими союзниками, но также и с японцами и может быть с американцами, которых часто забывают на Пѣвческом мосту*).

“Если я так настаиваю на важности выбора наших будущих представителей, то оттого, что сомнѣваюсь, что люди с особым духом: В. Н. Коковцов — эта знаменитая канарейка с безконечными трелями, Извольскій, высокопарный и самодовольный сноб, Поливанов — этот язвительный ум — были бы на мѣстѣ в будущих переговорах. Нужны люди дѣла, которые не были бы связаны с прошлым и с ошибками, сдѣланными раньше.

“Просматривая лист Военнаго Министерства, я остановился рѣшительно на имени генерала Головина, смѣлыя идеи котораго испугали нашу Академію Генеральнаго Штаба. Он мог бы выбрать себѣ сотрудников. Что касается адмиралов, ты знаешь лучше меня их способности. Адмирал Канин пользуется хорошей репутаціей, Русин немного менѣе единодушно признан.

“В Министерствѣ Финансов, мнѣ кажется, сам Барк и Покровскій, напримѣр, были бы оба цѣнны по сложным вопросам финансов, которые будут наиболѣе трудными в переговорах с союзниками.

“Я позволяю себѣ дать краткій обзор конгрессов и конференцій, которые имѣли мѣсто в XIX вѣкѣ. В 1815 г. на Вѣнском Конгрессѣ нашими представителями были граф Нессельроде — Министр Иностранных Дѣл, граф Поццо-ди-Борго и Свѣтл. Князь Андрей Разумовскій (который в своей молодости был любовником первой жены Павла Петровича), этот, по крайней мѣрѣ, настоящій русскій, но вялый и женственный. Это тріо не было на высотѣ задачи, и интересы Россіи представлялись оригинально. Несомнѣнно, вліяніе Императора Александра I господствовало, особенно в вопросѣ по устройству Польши, — это устроеніе вызвало у поляков надежды, которыя закончились возстаніем в 1831 г.

“Послѣ Крымской кампаніи конференція была созвана в Парижѣ в 1856 году. Россія была представлена князем Орловым и нѣсколькими сухими чиновниками. Результаты были болѣе чѣм печальные для нашей родины.

“Наконец, в 1878 г. послѣ войны с Турціей — достопамятныи Конгресс в Берлинѣ имѣл мѣсто. Граф Петр Шувалов и граф Убри представляли нашу родину под руководством самого Канцлера князя Горчакова (80 лѣт), большого и потому ослабленнаго, который то появлялся в Берлинѣ и возбуждал на Конгрессѣ насмѣшки всѣх, то уѣзжал в Петербург, гдѣ он играл еще болѣе грустную роль.

“Таковы были наши представители на конгрессах XIX вѣка, и ты знаешь, каких грустных результатов они добились.

“Вѣроятно, на будущем конгрессѣ Сазонов будет главным представителем для защиты наших интересов, так как согласно обычаю союзники назначают своих министров Иностранных Дѣл. И вот, имѣя

---

*) Министерство Иностранных Дѣл.

в виду такое предположеніе, я написал Сергѣю Дмитріевичу (Сазонову), что буду рад работать под его руководством в качествѣ простаго делегата, разумѣется, если ты это одобришь.

“24 апрѣля Сазонов мнѣ отвѣтил в вѣжливой формѣ, что он не сочувствует моим планам. Потом он просил меня по телефону пріѣхать к нему. Мы имѣли очень оживленный разговор в продолженіи часа, но к моему большому сожалѣнію, каждый из нас остался твердо при своем мнѣніи. Сазонов исходит из точки зрѣнія, что для Великаго Князя невозможно быть на вторых ролях, а взять всю отвѣтственность нельзя в настоящее время, когда Великіе Князья не пользуются ни любовью, ни уваженіем в русском обществѣ, кромѣ Николаши (Вел. Кн. Николая Николаевича), популярность котораго все время растет. Я нахожу странным, что Николай Николаевич может нести громадную отвѣтственность, тогда как я не несу никакой. Сазонов пугает меня, что я могу потерять даже свою извѣстность как историк и что кромѣ того иностранцы на конгрессѣ будут на меня смотрѣть косо. Довольно мало логики во всем этом. Говоря о сотрудниках, которых он хочет имѣть, он выдвигает на первый план графа Бенкендорфа. Конечно, послѣдній заслуживает уваженія, но я предполагаю, что его нѣмецкая фамилія и религія (он католик) произведут плохое впечатлѣніе на русских. Как я тебѣ говорил 23-го этого мѣсяца, Шебеко подошел бы лучше, но я думаю, что Сазонов его не примет, так как считает Шебеко возможным преемником себѣ, тогда как Бенкендорф не будет препятствіем для него. Я не скрою, что весь этот длительный разговор меня огорчил, так как я люблю Сазонова и считал, что его горизонты шире и яснѣе”.

В письмѣ от 26 іюля 1916 г. есть слѣдующее:

“Я затрагиваю другой вопрос, который касается плана работ будущей конференціи. Вот: кого надо принизить и расчлениить — Австрію или Германію и каким способом можно добиться, чтобы онѣ были безвредны в будущем? У нас склонны унижать только Австрію и все вниманіе сосредоточено на этой несчастной Имперіи. Газеты полны вожделѣніями насчет раздѣла Австріи в пользу Россіи и Славянских государств, а насчет униженія Германіи я нахожу, что говорят очень мало, настолько силен в нашей прессѣ дух нѣмецкій и еврейскій.

“Мнѣ же кажется, что слѣдует сосредоточить все вниманіе и всѣ усилія на Германіи. Если раздѣлят всю Австрію — получится слѣдующая картина: Венгрія станет независимой, возможно, что Богемія тоже. Галиція и часть Буковины окажется в русских руках. Трансильванія отойдет, вѣроятно, к Румыніи, а Сербія, Черногорія и в особенности Италия раздѣлят оставшееся. Что останется тогда за Австріей? Карніолія, Каринтія, Тироль и Герцогство Австрійское. Конечно, за неимѣніем лучшаго Германія наложит свою руку на эти провинціи чтобы увеличить свои владѣнія за счет своего союзника. Один дипломат XIX столѣтія сказал, что “если бы Австрія не существовала, то слѣдовало бы ее создать”. Мнѣ кажется, что он был прав, так как в центрѣ Евро-

пы выгоднѣ имѣть слабую Австрію, заселенную различными народностями, чѣм сильную Германію. Слѣдует поэтому в случаѣ побѣды уничтожить и расчлениить Германію; дать Шлезвиг Даниі, Франціи — Эльзас-Лотарингію, Бельгіи — Люксембург, Голландіи часть устьев Рейна, Польшѣ Познань, Австріи часть Силезіи (Саксонскую Силезію) и часть Баваріи; заставить Германію уменьшить свой флот до минимума, но не вмѣшиваться во внутренней режим, так как всѣ князья и герцоги будут ссориться сами, так же как и буржуа, социалисты, ученые и пивовары, одним словом всѣ представители «Deutschland über alles».

“Но бумаги и слов недостаточно. Историческіе примѣры иногда полезны через сто лѣт. С 1815 г. оккупационные корпуса русскій, австрійскій, прусскій и англійскій оставались во Франціи до 1818 г., т. е. в продолженіи трех лѣт, пока все не было приведено в порядок и уплотнено. Теперь слѣдует сдѣлать то же и надо стовориться уже теперь. Франція, Россія, Англія, Японія, Сербія, Бельгія должны оставить оккупационные корпуса в Германіи — семь корпусов всего”.

В письмѣ от 27 августа 1916 г. Вел. Кн. Николай Михайлович пишет:

“Я совершенно согласен с тобой, Австрія была зачинщицей войны, в теченіе всѣх послѣдних лѣт ея политика была коварной и подлой и она была на поводу у Германіи. Слѣдовательно, вполне логично, что она заслуживает наказанія и расчлененія как слѣдствіе ея двуличной политики. Но насколько Германія готовилась к войнѣ, учитывая и обдумывая все до мелочей, настолько Австрія застигнута врасплох и могла только слабо поддержать своего мощнаго союзника, в особенности в 1914 г. Когда нѣмцы начали командовать как хозяева в Вѣнѣ и держать в своем подчиненіи всю военную администрацію, Австрія поправилась в 1915 г., а теперь она снова накануне полного разстройства и дезорганизаціи. И это не удивительно, так как было трудно для нѣмцев воскресить труп, который разлагался уже давно.

“Все же, если Австрія и заслуживает быть расчлененной, чего я не оспариваю, из этого не слѣдует, что надо бытьнисходительным к нѣмцам и давать им возможность ловить рыбу в мутной водѣ.

“Прежде всего всѣ союзники должны настаивать всѣми средствами, чтобы ослабить Германію, дабы она не могла в дальнѣйшем угрожать миру в Европѣ. А каким образом достигнуть такого результата, если она сохранит свою территорию, кромѣ Эльзас-Лотарингіи? Вѣрно, что она потеряет свои колоніи, но необходимо добратсья до ея корней, и если нужно развалить Австрію, то не менѣе важно сдѣлать Германію безвредной. Я сомнѣваюсь, чтобы англичанам удалось лишить Германію всего флота и уничтожить заводы Круппа; если это не будет достигнуто, то нужно по моему мнѣнію обрѣзать ея границы. Поэтому, если я допускаю возможность щадить Австрію за счет Германіи, я не допускаю, чтобы нѣмцы имѣли больше преимуществ, чѣм Австрія, уже обципанная”.

21 сентября 1916 г. Великій Князь опять пишет Императору:

“Обдумывая все больше и больше проблему будущих переговоров о мирѣ и в особенности о подготовительных работах, на которых все должно быть взвѣшено и предвидѣно, я позволяю себѣ представить тебѣ слѣдующія соображенія:

“Если война будет продолжаться еще год, то необходимо подготовиться к конференціи уже теперь. Как? Я предполагаю, что было бы хорошо создать комиссію между-министерскую, состоящую из лиц выбранных тобою. Им нужно будет дать точныя указанія; им надо ознакомиться со всѣми условіями и договорами, которые были заключены между союзниками, нужно начать работы не откладывая.

“Эта комиссія должна изучить в то же время всѣ данныя историческія, географическія и в особенности этническія, ознакомиться со всѣми техническими деталями и сложными территоріальными проблемами в будущем. Если бы я был назначен предсѣдателем такой комиссіи, я взял бы на себя обязательство привести эту задачу к благополучному концу, дабы мы не были застигнуты врасплох по окончаніи военных дѣйствій.

“Выбирая членов комиссіи, необходимо принять во вниманіе внутреннее политическое положеніе в Россіи, гдѣ довѣріе к правительству болѣе чѣм подорвано. Поэтому желательно привлечь к этому дѣлу и к работѣ комиссіи лиц, которыя по их общественному положенію пользуются не только твоим уваженіем, но также большей части твоих подданных. Не надо забывать, что отвѣтственность членов комиссіи будет большая перед тобою и перед родиной.

“Такая комиссія должна, это мое убѣжденіе, собираться в закрытых засѣданіях и состоять из ограниченного числа членов.

“Рѣшаюся предложить из членов Госуд. Совѣта Самарина и Наумова — двое бывших министров, людей вполне приличных, безукоризненно честных, которые любят Россію и совершенно независимы; из Думы Шульгина и Н. Н. Львова — они пользуются довѣріем их коллег в Думѣ и обладают благородным характером: первый из них націоналист, второй — группы независимых. Ты знаешь лично всѣх четырех, но я не знаю, насколько они тебѣ симпатичны. Можно прибавить одного военного, одного моряка, одного финансиста и одного дипломата (напримѣр, князя Григорія Трубецкого или Н. Н. Шебеко), девять членов достаточно, чтобы сдѣлать хорошую работу.

“Во Франціи и Англіи такія комиссіи работают уже давно, и французская комиссія, организованная по инициативѣ Бриана и под его руководством, удалась в особенности.

“Теперь я тебѣ скажу в нѣскольких словах, как я представляю ход работ в комиссіи, а также о роли министра иностранных дѣл и об отношеніях с ним. Необходимо стараться объединить работу, а также нужно, чтобы министр иностранных дѣл проникся убѣжденіем, что комиссія есть орган зременный, вспомогательный и не враждебный ему. Только при таких условіях я согласился бы быть членом или предсѣдателем комиссіи.

“Если ты найдешь, что желательно сформировать между-министерскую комиссию, она должна быть секретной, т. е. чтобы не было объявлено в “Правительственном Вѣстникѣ” указа об ея созданіи, она должна быть организована по твоему устному приказанію — данному министру иностранных дѣл.

“Если мысли, которыя я высказал насчет созданія такой комиссіи, заслужат твое одобреніе и ты мнѣ поручишь эту задачу, я попрошу тебя позволить мнѣ имѣть в качествѣ секретаря лицо с которым я привык работать, напริมѣр князя Н. В. Голицына — члена Императорскаго Историческаго Общества или профессора А. С. Лапшo-Данилевскаго.

“Засѣданія комиссіи могут происходить в моем дворцѣ, гдѣ всѣ необходимые для работы комиссіи архивы будут сосредоточены.

“Возможно, что ты найдешь докучливым мои повторяющіяся заботы о созданіи как можно скорѣе какого-либо организма или комиссіи с цѣлью подготовить матеріалы для переговоров о мирѣ. В этом случаѣ прошу тебя простить меня великодушно, так как язык направляется туда, гдѣ зуб болит. Arrivé à l'âge plutôt avancé de presque 58 ans, on change difficilement et j'implore, Sire, Votre indulgence, mais je sais que vous me connaissez assez pour me pardonner mes entraînements pour une cause sacrée, celle de la grandeur et du bien-être de notre chère Patrie.

“Взволнованный я начал писать по-французски, как дипломат времен Александра I и Наполеона.

“Японцы уѣхали унеся с собой наилучшія впечатлѣнія от всего, что они видѣли. Я прибавлю еще кое-какія детали к тому, что я уже написал. Генерал Бѣляев подошел бы прекрасно в качествѣ военного члена комиссіи. Он хорошо освѣдомлен относительно всего, и совершенно свободен в данное время, насчет моряков я не знаю кого ты предпочтешь, адмирала Русина или адмирала Муравьева, что касается финансиста, то Барк будет рекомендовать, вѣроятно, Феодосьева, который сопровождал его за границей. Девять членов должны быть чисто русскими: Самарин, Наумов, Шульгин, Львов, кн. Трубецкой, генерал Бѣляев, адмирал? и Феодосьев. Только у меня единственнаго есть нѣмецкая кровь, но которая начала охлаждаться и ослабляться с колыбели.

“Я прилагаю краткій перечень вопросов, которые комиссія должна будет разсматривать:

“1) Какія территоріальныя пріобрѣтенія в Европѣ и на Ближнем Востоцѣ были бы полезны для Россіи? Какія пріобрѣтенія были бы вредны? Экономическія преимущества, политическія и соціальныя. Способы управленія завоеванных стран.

“2) Какія намѣренія у наших союзников: Франціи, Англии и Японіи насчет территоріальных пріобрѣтеній.

“3) Как содѣйствовать территоріальному возстановленію Сербіи, Черногоріи и Бельгіи.

“4) А Польша?

“5) Поставить армянскій вопрос, связанный с территоріей в Малой Азіи.

“6) Дальнѣйшая участь Персіи?

“7) Что было обѣщано Румыніи?

“8) Как поступить с Болгаріей?

“9) И также с Греціей?

“10) Намѣренія нашего правительства и союзных держав на счет расчлененія Австріи.

“11) Такіе же вопросы относительно Германіи.

“12) Военныя и морскія проблемы.

“13) Будущее Гаагской конференціи, как оградить международное право послѣ “клочка бумаги” Бетман-Гольвега?

“14) Союзныя войска будут ли занимать вражескія страны до тѣх пор, пока всѣ условія мира не будут приведены в исполненіе?

“15) Вопрос о контрибуціях.

“16) Будущая мирная конференція соберет ли только представителей союзных стран или же она допустит представителей вражеских держав — Германіи, Австріи, Болгаріи и Турціи?

“17) Что болѣе выгодно для нас и наших союзников?

“Вот, приблизительно, главные вопросы, которые нужно обсудить в подготовительной комиссіи. Министр Иностраннх Дѣл не будет играть здѣсь роли, но необходимо, чтобы он проникся мыслью, что задача эта полезна, и не считал бы тѣх, кто будет работать, своими врагами.

“Из восьми лиц, которых я намѣтил, я цѣню в особенности сотрудничество трех: Наумова, Н. Е. Львова и кн. Григорія Трубецкого, я не настаиваю на других, но на примѣр генерал Бѣляев человекъ очень знающій, хотя и не очень умный, Самарин тоже не оред, но Москва его уважает. Наумов мнѣ лично симпатичен. Ты видишь, что я вполне откровенен, но теперь, так как энергичных людей не хватает, — надо искать благородных людей в отечествѣ. Настоящих и честных русских, не заинтересованных и не политиканов”.

Из всѣх членов Императорской Фамиліи Вел. Кн. Николай Михайлович был тѣм, с которым я бывал в сношеніях наиболѣе часто. Я был ему представлен его секретарем Мелодовским за много лѣт до войны, когда я был Администратором и управляющим Волжско-Камскаго Банка. Вел. Князь выразил пожеланіе познакомиться со мною и меня принимал от времени до времени, послѣ же того, как я стал министром Финансов, он довольно часто звонил мнѣ по телефону и просил меня к нему заѣзжать.

Он был в прекрасных отношеніях с Вдовствующей Императрицей Маріей Феодоровной и имѣл привычку писать ей длинныя письма, когда она уѣзжала из Петербурга.

Часто он давал мнѣ читать ея письма, спрашивая моего совѣта. По мѣрѣ развитія политическаго кризиса Великій Князь высказывал мнѣ все большія и большія опасенія, так как я оставался на своем посту. Он давал мнѣ понять, что если я буду сохранять свой портфель,

то тѣ, которые имѣютъ голосъ въ рѣшеніяхъ, не простятъ мнѣ и что я скоро почувствую ихъ злопамятность.

Тѣмъ временемъ въ Ставкѣ Государю пришлось потрудиться не только по вопросамъ касающимся русскихъ армій, но обсуждать также вопросы близко соприкасающіеся съ интересами нашихъ союзниковъ.

30 ноября прибылъ въ Ставку, по порученію французскаго правительства, сенаторъ Думеръ.

Послѣ аудіенціи у Императора, онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ генераломъ Алексѣевымъ — Начальникомъ Штаба Верх. Главнокомандующаго. Задачей Думера было добиться послышки русскихъ солдатъ на французскій фронтъ. Думеръ говорилъ о громадныхъ потеряхъ французской арміи — въ количествѣ 140.000 человекъ въ мѣсяцъ, — объ ограниченности новыхъ рекрутскихъ наборовъ, — 15 % населенія было уже подъ ружьемъ, — и о гибельныхъ послѣдствіяхъ, не только для Франціи, но и для союзниковъ, если нѣмцамъ удастся прорвать французскій фронтъ. Дабы помѣшать такому наступленію противника, Франція уже располагаетъ достаточнымъ вооруженіемъ, но имѣетъ недостатокъ въ людяхъ. Думеръ добавилъ, что его правительство сдѣлаетъ все что можетъ для послышки въ Россію ружей и пушекъ со снарядами, которые ей нужны, — въ обмѣнъ на солдатъ. Эта манера ставить вопросъ была скорѣе неудачной и неумѣстной. Она произвела на генерала Алексѣева, который принципиально былъ противъ послышки русскихъ войскъ во Францію, самое неблагоприятное впечатлѣніе.

Онъ отвѣтилъ Думеру, что вопросъ этотъ очень деликатный и что онъ не можетъ сразу на него отвѣтить. С самаго начала онъ считалъ труднымъ пойти навстрѣчу просьбѣ нашихъ союзниковъ французовъ. Его смущала особенно моральная отвѣтственность по отношенію къ людямъ, которые должны будутъ сражаться подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что долженъ снестись по этому вопросу съ Военнымъ министромъ и только переговоривъ съ нимъ сможетъ сообщить Думеру свое рѣшеніе.

Не желая все же давать отрицательный отвѣтъ, онъ добавилъ, что стоитъ за то, чтобы сдѣлать пробу. Отрячь волонтеровъ можетъ быть отправленъ, одинъ или два полка на примѣръ, которые составили бы особую военную часть подъ командой французскихъ офицеровъ. Это не было, конечно, то, что надѣялся получить Думеръ отъ Россіи. Онъ говорилъ о 40.000 человекъ, посылаемыхъ изъ Россіи ежемѣсячно.

Я пріѣхалъ, чтобы сдѣлать свой обычный докладъ Государю, черезъ нѣсколько дней послѣ визита Думера и Его Величество говорилъ мнѣ объ этомъ довольно подробно. Онъ раздѣлялъ опасенія генерала Алексѣева и не хотѣлъ оказывать какое либо давленіе на русскихъ солдатъ, предпочитая, чтобы поѣхали сражаться на французскомъ фронтѣ добровольцы.

Предложеніе Думера все же было частично принято. Нѣсколько партій солдатъ были посланы во Францію. Послѣ революціи они заразились пораженческой пропагандой и французскія власти имѣли не

мало затрудненій с ними, кромѣ одной части, которая составила батальон чести, показавшій примѣръ доблести и храбрости.

В декабрѣ 1915 года специальная миссія, возглавляемая Великим Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, отправилась в Японію. Японскій генералъ Никашима посовѣтовалъ это сдѣлать. Официально миссія Великаго Князя состояла в том, чтобы передать поздравленія Императору Японіи по случаю его коронаціи и поблагодарить за помощь, которую его страна оказываетъ союзникамъ.

Настоящая же цѣль была — укрѣпить дружескія отношенія между Россіей и Японіей — бывшимъ противникомъ и заручиться возможностью помѣстить в Японіи болѣе крупныя военные заказы, в особенности ружей, в которыхъ наша армія такъ пуждалась.

Государю пришлось также заняться нѣкоторыми перемѣнами в высшемъ командованіи. Посовѣтовавшись съ Генераломъ Алексѣевымъ онъ рѣшилъ замѣнить генерала Плеве, который командовалъ одной изъ нашихъ армій, генераломъ Куропаткинымъ. Послѣдній в теченіе продолжительнаго времени былъ военнымъ министромъ до Русско-Японской войны и во время войны былъ назначенъ Главнокомандующимъ нашей дѣйствующей арміей на Дальнемъ Востокѣ. Послѣ неудачъ в Манджурской кампаніи онъ былъ смѣненъ и долгое время оставался не у дѣла. Несмотря на это Государь и генералъ Алексѣевъ рѣшили, что подъ непосредственнымъ контролемъ Ставки онъ будетъ великолѣпнымъ командующимъ арміей. По этому поводу Государь пишетъ Императрицѣ:

“Я знаю, что его назначеніе вызоветъ много толковъ и критики, но что съ Божіей помощью Куропаткинъ будетъ хорошимъ командующимъ. Онъ будетъ непосредственно подчиненъ Ставкѣ и не будетъ имѣть на своихъ плечахъ отвѣтственности, которую имѣлъ в Манджуріи. Можешь быть увѣрена, что армія подъ его командованіемъ будетъ привѣтствовать это назначеніе”.

Императоръ былъ обремененъ большими заботами и для него было большимъ удовлетвореніемъ и радостью узнать о взятіи Эрзерума 2 февраля 1916 года. Это былъ триумфъ Кавказской арміи, которой командовалъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Взятіе Эрзерума послѣ пятинедельной осады позволило русской арміи раздѣлить турецкія силы, которыя отступали, занять Турецкую Арменію и наступать в направленіи Битлиса, Трапезунда, а впослѣдствіи и в направленіи Керманшаха.

Этотъ успѣхъ вызвалъ в Ставкѣ обсужденіе возможности и своевременности начать переговоры съ Турціей о заключеніи сепаратнаго мира. Начальникъ штаба генералъ Алексѣевъ былъ большимъ сторонникомъ этого. Противникомъ, котораго онъ считалъ наиболѣе важнымъ побѣдить, была Германія. Если съ Турціей не надо будетъ считаться, вся наша Кавказская армія можетъ освободиться и быть перекинута в Бессарабію и это движеніе вызоветъ выступленіе на нашей сторонѣ Румыніи. Англія будетъ избавлена отъ большой тревоги в Египтѣ и не будетъ опасаться выступленій мусульманъ. Ея Египетская армія можетъ быть послана на

Балканы чтобы остановить наступление болгар и освободить Сербию. Если турки уже не будут нашими врагами, все положение на Балканах изменится в нашу пользу, мы будем имѣть непосредственный контакт с нашими союзниками и дорога в Европу будет для нас открыта с Юга. Слѣдовательно, сепаратный мир с Турціей будет имѣть чрезвычайно выгодныя для нас послѣдствія и будет способствовать побѣдѣ над Германіей. Но мнѣніе Алексѣева не было в достаточной мѣрѣ оцѣнено и проект сепаратнаго мира с Турціей был отставлен.

В началѣ 1916 г. Государь рѣшился разстаться с Горемыкиным и назначил 18/31 января Пресѣдателем Совѣта Министров Б. В. Штурмера. Причины увольненія Горемыкина были ясны. Несмотря на большое свое желаніе, Монарху не удалось возстановить авторитет Горемыкина в средѣ коллег, утраченный им при возникших серьезных разногласіях в составѣ Совѣта Министров, когда Государь рѣшил отправиться в дѣйствующую армію. Государь пришел к заключенію, что его личная поддержка не оказалась дѣйствительной и что необходима перемѣна. Кромѣ того Государь сознавал, что Горемыкин не может больше встрѣтиться с Думой, а между тѣм Государь хотѣл создать законодательныя учрежденія.

Однако, Государь долго медлил привести свое рѣшеніе в исполненіе. Из переписки с Императрицей видно, что неоднократно происходил обмѣн мнѣній о назначеніи новаго Предсѣдателя Совѣта Министров. Императрица упоминает о Штурмерѣ и совѣтует Государю вызвать его в Ставку. На это Государь отвѣчает, что в Ставку вызываетъ лишь лиц, которыя имѣют отношеніе до военных дѣйствій, и что появленіе Штурмера в Ставкѣ может вызвать разные толки и предположенія, между тѣм преждевременное оглашеніе его намѣреній нежелательно. Поэтому он предпочитает отложить свое окончательное рѣшеніе до своего приѣзда в Царское Село. Так он и поступил.

Это назначеніе, как вообще всякій новый выбор Государя послѣ осенняго политическаго кризиса, вызвало ожесточенную критику. Всякое новое назначеніе приписывалось вліянію темных сил, в данном же случаѣ нѣмецкая фамилія Штурмера дала повод к инсинуаціям, будто Императрица, как нѣмка, желает привести Государя к перемѣнѣ политическаго курса, отдалить его от союзников и подготовить почву для заключенія сепаратнаго мира с Германіей.

Все это было, конечно, клеветой. Из опубликованных нынѣ писем Императрицы, относящихся ко времени заточенія несчастных Царственных мучеников в Тобольскѣ в 1918 г., видно, насколько Императрица опасалась, что большевики могут доставить Государя в Москву для подписанія мирнаго договора с Германіей. Императрица относилась очень отрицательно к Императору Вильгельму и оставалась вѣрною своим союзникам, как и Государь был безукоризненно лоялен по отношенію к ним.

Среди русских сановников было очень много лиц с нѣмецкими фа-

миліями, что не мѣшало им принадлежать к православной Церкви и быть лояльными сынами своей родины.

В выборѣ Штюмера, собственно говоря, не было ничего необычнаго. Встав на путь персональной политики, Государь искалъ в своих новых сотрудниках простых исполнителей его повелѣній и к этой роли болѣе всего подходили люди пассивные и не выдающіеся.

Между тѣм, Штюмер имѣлъ за собой административное прошлое. Он служил в Министерствѣ Внутренних Дѣлъ долгіе годы, был губернатором в Ярославлѣ и состоялъ в правой группѣ Государственнаго Совѣта. Нѣкоторое время он находился во главѣ экспедиціи Церемоніальных Дѣлъ и в этой должности постоянно бывал при дворѣ и был лично извѣстен членам Императорской фамиліи.

Позднѣе мнѣ стало извѣстно из хорошо освѣдомленных источников, что Штюмера рекомендовал Государю Танѣев, начальник Собственной Е.И.В. Канцеляріи, в вѣдѣніи коей находились всѣ дѣла о назначеніи чиновников, их перемѣщеніях и наградах.

Государь был убѣжден, что сдѣлал хорошій выбор. Он пишет Императрицѣ:

“Я уѣзжаю теперь с большим душевным спокойствіем, так как я имѣю безграничное довѣріе к Штюмеру”.

Тотчас по своем назначеніи Штюмер имѣлъ длинный разговор со мной, при чем заявил мнѣ, что Государь поручил ему созвать законодательныя учрежденія для разсмотрѣнія бюджета. Вся работа по бюджету лежала на отвѣтственности министра финансов и поэтому Штюмер рассчитывал и на мою поддержку для установленія нормальных отношеній с Государственной Думой. Он прибавил, что Государь повелѣлъ ему принять всѣ мѣры к тому, чтобы законодательная сессія прошла с успѣхом и чтобы Правительство избѣгло всяких конфликтов с Госуд. Думой.

Полное свое желаніе работать в единеніи с Думой Государь подтвердил 22 февраля, пріѣхав лично на открытіе законодательной сессіи. Со времени учрежденія представительнаго строя это в первый раз, что Император посѣтил Думу. Раньше было наоборот: члены Палат собирались, чтобы привѣтствовать Царя в Зимнем Дворцѣ.

Император присутствовал на молебнѣ, чувство глубокаго волненія охватило всѣх присутствующих. По окончаніи службы Государь обратился к членам Думы с привѣтствіем и призывом к патріотизму и единенію:

“Я счастлив быть среди вас, среди моего народа, представителями котораго вы являетесь, и я призываю Божіе благословеніе на ваши работы. Я твердо вѣрю, что вы приложите к вашим трудам, за которые вы отвѣтственны перед родиной и мною, весь ваш опыт, всѣ ваши знанія мѣстных условій и всю вашу любовь к отечеству, побуждаемые исключительно этой любовью, которал должна стать вашей путеводной звѣздой. Также я от всего сердца желаю Государственной Думѣ плодотворной работы и полнаго успѣха”.

Оглушительное “ура” отвѣтило Государю на это привѣтствіе, а затѣм глубокій и громкій бас Предсѣдателя Думы Родзянко дал на Императорскій призыв слѣдующій отвѣт:

“Ваше Величество,

“Глубоко тронутые мы выслушали Ваши знаменательныя слова. Мы преисполнены радостью видѣть нашего Царя среди нас. В эту тяжелую эпоху Вы укрѣпили сегодня единеніе со своим народом, которое указывает нам дорогу к побѣдѣ. Ура за нашего Царя! Ура!”.

Послѣ этого Государь, сопровождаемый предсѣдателем Государственной Думы и его товарищами, а также всѣми министрами, прошел медленно через зал засѣданій, гдѣ верхнія галереи были заполнены членами дипломатическаго корпуса и публикой. Всѣх присутствующих охватило необычайное волненіе. У многих были слезы на глазах и вся публика громко привѣтствовала Его Величество.

Посѣщеніе Императором Думы вызвало всеобщій энтузіазм и Государь покинул Думу, сопровождаемый неистовыми “ура”.

Дабы завязать болѣе простыя отношенія с Государственной Думой, менѣе официальныя, новый Предсѣдатель Совѣта Министров Штюрмер хотѣлъ устроить у себя вечер для депутатов. Он имѣлъ мысль в бесѣдах с лидерами разных групп сблизиться частным образом с ними и вмѣстѣ с тѣм высказать им особое вниманіе. Однако, чтобы не рисковать бойкотом со стороны депутатов, он через посредство одного из них навел справки о настроеніи Прогрессивнаго блока. Вопрос этот обсуждался в одном из засѣданій блока и послѣ долгих преній большинство склонилось к тому, чтобы от приглашенія на вечер к премьеру уклониться.

Выступленіе Штюрмера в Государственной Думѣ было довольно безцвѣтно. Он не был оратором и ограничился прочтеніем деклараціи правительства, к коей депутаты отнеслись совершенно безразлично.

Занятія в разных подготовительных комиссіях по разсмотрѣнію бюджета начались безотлагательно и проходили в чисто дѣловой атмосферѣ. Никакой обструкціи со стороны депутатов не было. Не лишнее по этому поводу замѣтить, что обыкновенный бюджет представлял небольшой интерес и составлял меньшую часть расходов. Издержки на военныя нужды проходили по бюджету особаго военнаго фонда, который, по закону, не подлежал разсмотрѣнію законодательных палат. Смѣты представлялись отдѣльными министерствами в Совѣт Министров, по провѣркѣ их министерством Финансов и Государственным Контролем, и по одобренію Совѣтом представлялись на утвержденіе Государя.

Нужно замѣтить, что Штюрмеру не повезло, когда он испросил особый кредит из военнаго фонда. Вскорѣ послѣ его назначенія Хвостов убѣдил его, что премьер должен располагать крупными средствами для патріотической пропаганды в прессѣ и другими способами и для полученія надлежащей информаціи. Прежде чѣм войти по этому поводу с официальным представленіем, Штюрмер хотѣлъ узнать частным образом, не встрѣтятся ли к тому возраженій с моей стороны как министра

финансов. Я очень сочувствовал мысли образовать патриотическую пропаганду и развить правильную інформацію по образцу Лондона и Парижа, но относился с нѣкоторым недоувѣріем к способностям Штюмера и Хвостова правильно организовать это дѣло.

Поэтому, когда Штюмер назвал цифру кредита в 5 миллион рублей, добавив, что он имѣл по этому предмету разговор с Государем и что Его Величество сочувствует этому начинанію, я отвѣтил, что не буду возражать против общаго ассигнованія этой суммы из военного фонда, но при условіи, чтобы отдѣльные расходы производились каждый раз по соглашенію с Государственным Контролером.

Вопрос об этом кредитѣ был поднят Штюмером в Совѣтѣ министров весьма неудачно. Его объясненія показались большинству моих коллег весьма неудовлетворительными, у меня же никакого желанія не было особенно поддерживать Штюмера. Однако, министрам было неудобно выразить недоувѣріе новому премьеру и кредит был одобрен единогласно. Тѣм не менѣе у нѣкоторых из моих коллег оставались большія сомнѣнія по этому предмету и по неосторожности нѣкоторых членов Совѣта министров, слухи об этом ассигнованіи распространились в кругах Госуд. Совѣта и Гос. Думы. Понятно, что поднялась страшная критика Штюмера и Хвостова. Со всѣх сторон Штюмеру пришлось слышать отрицательные отзывы по своему адресу и он благоразумно рѣшил совсѣм отказаться от использования полученнаго кредита. Таким образом, этот эпизод закончился en queue de poisson, но значительно повредил авторитету премьера.

Послѣ ухода Хвостова Штюмер сдѣлал Государю представленіе о необходимости соединить в своих руках обязанности премьера и министра Внутренних Дѣл, на что послѣдовало согласіе Его Величества. Таким образом, с начала марта Штюмер посвятил себя спеціально задачам внутренней политики.

Для надлежащей информаціи он пригласил в Петроград многих губернаторов на совѣщаніе и предложил им откровенно высказать свои взгляды на внутреннее положеніе и на тѣ мѣры, которыя надлежит принять для упорядоченія снабженія арміи и для сохраненія надлежащаго порядка внутри страны.

Собралось в столицу пятнадцать губернаторов, которые в своих объясненіях дали картину положенія на мѣстах.

Они отмѣтили, что крестьянское населеніе обладает значительно большим достатком, чѣм перед войной. Объясняется это с одной стороны запрещеніем продажи водки. Средства, которыя в изобиліи шли на потребленіе водки, остаются у населенія и идут в сберегательныя кассы. Другим источником благосостоянія служит паек, который получается семьями призванных в ряды войск.

В ином положеніи находятся всѣ чиновники, которые получают прежнее содержаніе, несмотря на сильное вздорожаніе жизни, вызванное постепенным обезцѣненіем бумажных денег. Волна бѣженцев с фронта, которая вначалѣ была настоящим бѣдствіем, мало по малу

осъждает и устраивается на новых мѣстах. Интересно по этому поводу подчеркнуть, что губернаторы отмѣчали примѣрное поведение бѣженцев из евреев.

Жаловались губернаторы на распоряженія военных властей, не координированныя с таковыми же исходящими от мѣстных гражданских властей, вызывающія напрасныя тренія и зачастую вносящія дезорганизацию.

Отмѣчали также губернаторы пропаганду органов обще-земскаго и городского союзов, направленную против правительства, с цѣлью дискредитировать представителей администраціи в глазах мѣстнаго населенія. Среди крестьян пропаганда стремилась разжечь аппетиты к дальнѣйшему надѣленію крестьян землей, при чем утверждалась мысль о бесплатном увеличеніи крестьянской земельной собственности по окончаніи войны. Журналы совѣщаній губернаторов были представлены Штюрмером в сокращенном докладѣ Государю.

Весной Государю пришлось принимать много серьезных рѣшеній в Ставкѣ. В началѣ марта он получил доклад особой комиссіи, которая была назначена для обслѣдованія дѣятельности Сухомлинова в бытность его военным министром. Несмотря на всю свою личную симпатію к нему, Государь одобрил представленіе комиссіи о преданіи его суду. В письмѣ, которое пишет Императрица по этому поводу своему мужу, упоминается, что она узнала об этом рѣшеніи из газет. Государь ей ничего не сообщил, однако, она пишет, что одобряет его рѣшеніе.

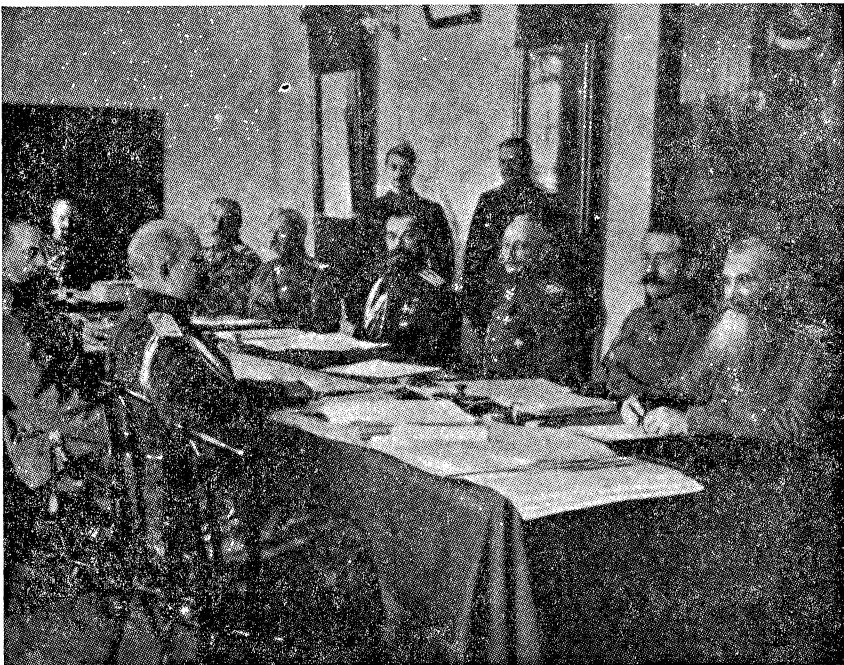
К этому же времени относится перемѣна, произведенная Государем в Военном Министерствѣ. Поливанов был уволен и на его мѣсто был назначен генерал Шуваев. Эта перемѣна была опять приписана вліянію темных сил. Однако, это совершенно не соотвѣтствует дѣйствительности. Правда, что Императрица, в своих письмах, неоднократно напоминает о необходимости уволить Поливанова, но не ея совѣты побудили Государя разстаться с ним. Выбор Шуваева был для Императрицы совершенно неожиданным. Она называла Государю других кандидатов, а Шуваева она совсѣм не знала.

Лѣтом 1915 года Государь неохотно согласился замѣнить Сухомлинова Поливановым, коего выдвигала группа либеральных министров, ходатайствовавших перед ним о созывѣ Государственной Думы, послѣ предварительнаго измѣненія состава Правительства. Государь знал, что Поливанов был в очень интимных отношеніях с Гучковым, председателем военной комиссіи Государственной Думы. Его Величество неоднократно мнѣ говорил, что Гучков его личный враг и понятно, что лица, близкія к нему, не могли внушать Государю полного довѣрія. При назначеніи Поливанова Государь предупредил его, что ожидает полной сдержанности по отношенію к Гучкову, исполненія долга и никакого стремленія к популярности в кругах оппозиціи. За нѣсколько мѣсяцев, что Поливанов был у власти, Государь находил, что Поливанов не выполнил его указаній, в своих выступленіях с трибуны Государственной Думы, что он старался подлаживаться под настроеніе оп-

позиціи и не принимал достаточных мѣр по контролю дѣятельности органов Союза земств и городов. Послѣдніе не только занимались устройством госпиталей и снабженіем арміи, но также усиленной пропагандой против правительства в военной средѣ. Эти причины и побудили Государя разстаться с Поливановым.

Он долго колебался в выборѣ преемника. Остановился на Шуваевѣ, потому что послѣдній безусловно был честный и лояльный солдат, и потому, что он выказал недюжинныя способности в дѣлѣ снабженія арміи. Рѣшив назначить Шуваева, Государь пишет Императрицѣ:

“Я наконец нашел преемника Поливанову — это Шуваев, которому я могу вѣрить всецѣло. Я еще не говорил с ним. Послѣ отставки П. я могу спать спокойно и всѣ министры тоже будут чувствовать себя свободнѣе”.

ГОСУДАРЬ НА ВОЕННОМ СОВѢТѢ В СТАВКѢ В 1916 ГОДУ

В послѣднем, к сожалѣнію, Государь ошибался, потому что многіе министры, и я в том числѣ, — хотя и не питали особенной симпатіи к Поливанову, который был себѣ на умѣ и часто очень язвительным в своей критикѣ других, — все же очень его цѣнили. Он был выдающийся знаток своего дѣла, умный и талантливый распорядитель и был очень любим в Государственной Думѣ, что составляло весьма цѣнный актив во время нараставшаго политическаго кризиса.

О Шуваевѣ Государь дает слѣдующій отзыв Императрицѣ в своем письмѣ от 14 марта:

“Я совершенно увѣрен, что милый старый Шуваев по-настоящему подходящий человек для должности Военнаго Министра. Он честен, безукоризненно лоялен, не боится Думы и знает всѣ недостатки и недомыслия комитетов”.

К этому времени относится первое наступленіе русских войск послѣ продолжительнаго бездѣйствія. Государь по этому поводу пишет слѣдующее своей женѣ:

“Погода перемѣнилась и снѣг быстро тает — это главная причина, что наше наступленіе начнется через нѣсколько дней. Если мы подождем еще недѣлю, то окопы во многих участках нашего фронта будут наполнены водой и войска придется отвести на значительное разстояніе назад. Если это случится, они будут лишены шанса двигаться вперед в продолженіе мѣсяца или даже полутора мѣсяца, пока дороги не подсохнут”.

Однако, это наступленіе продолжалось недолго и 15 марта Государь пишет Императрицѣ слѣдующее:

“Чего я опасался, то и случилось. Такое сильное таяніе произошло на тѣх позиціях, куда двинулись наши войска, — онѣ залиты водою так, что невозможно ни сидѣть, ни лежать в окопах. Дороги быстро ухудшаются; артиллерія и транспорт могут еле двигаться. Даже самыя героическія войска не могут воевать при таких условіях, когда невозможно даже окопаться. Слѣдовательно, наше наступленіе должно быть остановлено, и другой план должен быть выработан. Для того, чтобы обсудить это, я думаю вызвать в Ставку трех Главнокомандующих, это даст мнѣ возможность увидѣть Брусилова перед его новым наступленіем”.

Зато Кавказская армія, под начальством Вел. Князя Николая Николаевича, продолжала продвигаться вперед с полным успѣхом.

В концѣ апрѣля прибыли в Ставку французскіе министры Вивіани и Тома. Первый был Предсѣдателем Совѣта Министров в 1914 г. и сопровождал Пуанкаре во время его поѣздки в Россію, а во время войны занимал должность Министра Юстиціи. Тома принадлежал к партіи социалистов и ему было ввѣрено вновь образованное, по примѣру Англіи, министерство Снабженій.

Их пріѣзду в Россію французское правительство придавало большое значеніе и Пуанкаре обратился со слѣдующим личным письмом к Государю:

“Дорогой и большой друг,

“С начала военных дѣйствій, члены правительства Республики имѣли часто случаи посѣщать Лондон и Рим, также члены британскаго и итальянскаго правительств пріѣзжали в Париж для обсуждения вопросов, которые затрагивают интересы союзных стран. Разстояніе и трудность сообщеній препятствовали до сих пор французским министрам пріѣхать, чтобы выразить Вашему Величеству чувства почитанія

и переговорить с их русскими коллегами. Только г-н Барк мог провести нѣсколько мѣсяцев тому назад нѣкоторое время во Франціи и Англии. Переговоры, которые он вел с кабинетами в Лондонѣ и Парижѣ, многочисленныя встрѣчи с представителями других союзных націй, повторныя конференціи, которыя они имѣли между собою, — дали хорошіе результаты и поэтому, несмотря на длительность путешествія, французское правительство сочло полезным поручить своим двум членам миссію такого же рода перед правительством Вашего Императорскаго Величества. Я благодарю Ваше Величество за одобреніе этого проекта с Вашей обычной благожелательностью.

“Тѣсное сотрудничество союзных правительств составляет, как не прекращало думать Ваше Величество, необходимое условіе для согласованности и общаго метода веденія войны. Мы условились взаимно между собой не полагать оружія без общаго согласія, и только послѣ окончательной побѣды. Мы должны до тѣх пор сосредоточить внимательно наши усилія, согласовать наш взаимный опыт и в возможных размѣрах пополнять взаимно наши средства борьбы. Если Ваше Величество пожелает принять гг. Вивіани и Альбера Тома и дозволить им обсудить с их русскими коллегами проблемы, для коих полезно найти взаимно рѣшенія, — эти переговоры, без сомнѣнія, значительно быстрѣе достигнут практических рѣшеній, чѣм путем переписки почтовой и телеграфной. Ваше Величество знает уже Вивіани, в настоящем он министр Юстиціи и вице-предсѣдатель Совѣта Министров; он был министром Иностранных Дѣлъ и Предсѣдателем Совѣта Министров в 1914 году и в этих должностях сопровождал меня в Россію в то время, когда Ваше Величество и я имѣли еще вѣру в прочность мира в Европѣ, он принимал участіе в обсужденіи, как до войны, так и позже, всѣх больших вопросов политическаго и дипломатическаго характера и он имѣет возможность их рѣшать от имени Правительства Республики, при переговорах с министрами Вашего Величества. Альберт Тома, товарищ министра и министр Вооруженій, руководит во Франціи замѣчательно умѣло и с неутомимым упорством производством орудій и снарядов. Он знает, лучше, чѣм кто либо другой, рѣшающую роль которую в настоящей войнѣ, на ряду с полевой артиллеріей и тяжелой артиллеріей, играют артиллерія большой силы и количество снарядов большого калибра. Он содѣйствовал развитію во Франціи производства, которое к несчастію еще очень ограничено у всѣх союзников. Он собрал для общаго дѣйствія и объединил инициативы Государственной и частной промышленности, он заручился вѣрным содѣйствіем предпринимателей и рабочих; и в теченіе многих мѣсяцев всѣ производительныя силы в странѣ были направлены к тому, чтобы увеличить наше военное вооруженіе; к сожалѣнію, несмотря на это мы все еще не достигли уровня, который нам нужен. Альберт Тома может, как я думаю, дать Вашему Величеству и Императорскому Правительству свѣдѣнія о трудностях, которыя мы встрѣчали, и о том, какими способами мы их превозмогли; и я буду счастлив, если долгое обученіе, которое нам пришлось продѣ-

вать, — дало бы возможность Россіи избѣжать нѣкоторых ошибок, через которыя нам пришлось пройти. В операціи, которую готовятъ Генеральные штабы союзников, успѣх не будетъ зависѣть исключительно от храбрости русскихъ войск, англійскихъ, итальянскихъ, сербскихъ, бельгійскихъ, французскихъ — онъ будетъ зависѣть в значительной степени от силы артиллеріи и мощности оружія. Тѣмъ болѣе необходимо ускорить у всѣхъ союзниковъ изготовленіе орудій и снарядовъ — такъ какъ это единственный способъ уменьшить для Россіи и Франціи испытанія от нашествій и сократить длительность войны и дать послѣдующимъ битвамъ характеръ рѣшающій.

“Франція тоже рѣшилась болѣе чѣмъ когда либо сражаться до конца, но ужасы разрушеній, нагроможденных в подвергнувшихся нашествію провинціяхъ, громадныя финансовыя тяготы, которыя она переносит, кровавыя потери, которыя она несетъ ежедневно, при населеніи сравнительно слабомъ по количеству, постепенная потеря большой части молодежи, прогрессивное истощеніе наиболѣе крѣпкихъ поколѣній — все это тяжелыя жертвы, которыя не уменьшаютъ мужества, но заставляютъ желать, чтобы ничего не было унучено союзниками дабы приблизить часъ побѣды.

“Я вижу, что Ваше Величество само проникнуто убѣжденіемъ, что все должно быть испробовано, чтобы достигнуть этого результата. Поэтому я имѣю твердую надежду, что Ваше Величество окажете благопріятный пріемъ г-дамъ Вивіани и Альберту Тома.

“Я прошу Ваше Величество принять вмѣстѣ с моими горячими пожеланіями величія Россіи и славы ея арміи выраженія моей вѣрной и постоянной дружбы”.

Этимъ письмомъ къ Государю Президентъ Пуанкаре хотѣлъ разсвѣять возможное недоувѣріе Ея Величества по отношенію къ французскимъ министрамъ, в особенности къ Альберту Тома, который принадлежалъ къ партіи социалистовъ, но несомнѣнно былъ выдающимся дѣятелемъ в качествѣ министра Вооруженія.

Эта рекомендація Президента Республики оказалась полезной и пріемъ, оказанный министрамъ, былъ превосходнымъ.

Вотъ цѣль пріѣзда Вивіани и Альберта Тома, какъ она опредѣлена в воспоминаніяхъ Мориса Палеолога (французскаго посла) — и на основаніи того, что говорилъ самъ Вивіани:

1) Опредѣлить военную силу Россіи и постараться помочь ея развитію.

2) Наставлять на присылкѣ 400.000 солдатъ во Францію, послѣдовательными отправками по 40.000, — согласно обѣщанію, котораго, по словамъ Думера, онъ добился в декабрѣ 1915 г.

3) Добиться, чтобы русское правительство подписало твердое и точное обязательство в пользу Польши.

Однако, М. Палеологъ старался убѣдить французскихъ министровъ не затрагивать польскаго вопроса и они какъ будто послѣдовали его совѣту.

Что же касается Румыніи, Вивіани и А. Тома, послѣ ряда переговоров, могли притти к заключенію, что трудности не были слѣдствіем требованій русскаго Генеральнаго Штаба, но вызывались позиціей румынскаго правительства в лицѣ Братіано (премьер-министра), который приобѣгал к всевозможным и безконечным уверткам.

Наконецъ — касательно посылки русскихъ войскъ во Францію, которая, казалось, была первопричиною путешествія французскихъ министровъ, они добились частичнаго удовлетворенія.

В Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, оба министра, послѣ аудіенціи у Императора, имѣли разговоры съ начальникомъ Штаба, генераломъ Алексѣевымъ и съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ, который былъ экспертомъ по вопросамъ артиллеріи. Переговоры коснулись двухъ вопросовъ: посылки русскихъ войскъ во Францію и поставки Россіи артиллеріи изъ Франціи. Что касается перваго вопроса, то министры настаивали очень упорно на посылкѣ русскихъ бригадъ, съ опредѣленными интервалами, если возможно, во Францію. Они доказывали, что численность французской арміи сокращалась все больше и больше и что милліоны рабочихъ, которые работали на заводахъ по изготовленію оружія, дѣлали это не только для одной французской арміи, но и для армій союзниковъ. Они думали, что если, за недостаткомъ оружія, мы не могли использовать на русскомъ фронтѣ всѣхъ солдатъ, которыми мы располагали, мы должны были послать ихъ сражаться въ другихъ мѣстахъ. Послѣ длительныхъ преній, генералъ Алексѣевъ согласился послать нѣсколько новыхъ бригадъ. Ихъ должно было быть семь къ концу года. Каждая бригада была численностью въ десять тысячъ человекъ, такимъ образомъ общее количество должно было составить 70.000. Соглашеніе на этотъ предметъ было подписано двумя французскими министрами и генераломъ Алексѣевымъ. Что касается артиллеріи, то французскіе министры дали понять, что было невозможно увеличить производительность ихъ заводовъ, они говорили о все увеличивающихся потребностяхъ западнаго фронта и поэтому заявили, что они не в состояніи оказать ту помощь, на которую Россія надѣялась. Что касается тяжелой артиллеріи, то министры обязались прислать 24 орудія, которыя кромѣ того уже были обѣщаны генералу Алексѣеву французскими военными властями.

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Л. Барк.

ПЕРЕД ТРУДНЫМ РѢШЕНИЕМ

(Окончаніе*)

“Комсомольская правда” от 7 августа минувшаго года, в корреспонденціи из Алтайскаго края, содержит и слѣдующія строки:

“Чтобы звену на землѣ быть дѣйствительнымъ хозяиномъ, *необходимо закрѣпленіе земли не условное, а юридическое* (курсив мой — Б. С.). Звено должно на первыхъ порахъ состоять изъ 4-6 человекъ. Такіе добровольно объединенные люди больше надѣются другъ на друга”.

Тутъ уже нѣтъ ни слова ни о марксизмѣ, ни о социализмѣ или коммунизмѣ, ни о партіи и ея контролѣ на поляхъ. И это, конечно, начало конца всему “строительству коммунизма”.

И вот, несмотря на такую трудность положенія, “Комсомольская правда” удѣляетъ ему очень много мѣста и вниманія, защищая нововведенія. В то же самое время “Правда”, самая старшая по рангу партійная газета, о нововведеніяхъ молчитъ.

За послѣднюю декаду декабря прошлаго года и первую половину января, она помѣстила пять редакціонныхъ статей, относящихся къ сельскому хозяйству. Всѣ онѣ написаны по многолѣтнему партійному трафарету. Ни в одной изъ нихъ нѣтъ и намека на вопросъ, которому такъ много удѣляетъ вниманія “Комсомольская правда” вмѣстѣ с какимъ-то неназваннымъ, но огромнымъ количествомъ населяющихъ страну людей, стремящихся, наконецъ, избавиться отъ постоянныхъ затрудненій с питаніемъ.

“Главное — повседневная работа с людьми, с кадрами, — пишетъ “Правда”. — Надо воспитывать кадры в духѣ высокой идейности, честности, строгаго соблюденія партійной и государственной дисциплины, высокой отвѣтственности за исполненіе директив партіи и правительства”.

Создается впечатлѣніе, что ЦК КПСС вопросами продовольствія страны совершенно не интересуется. Но это, конечно, не такъ. Только рѣшеніе ихъ настолько трудно, что партія должна вести какіе-то обходные маневры, оставлять для себя открытыя двери къ возвращенію в прошлое. Проводить аналогію сегодня еще невозможно за недостаткомъ данныхъ, но невольно вспоминаются тѣ дни, когда велась борьба противъ партійнаго академика Лысенко. Тогда “Правда” тоже молчала какъ и теперь, а всю работу по “развѣнчанію” провела тоже “Комсомольская правда”.

Однако, в чемъ же причина, заставившая партію приступить къ об-

---

*) См. “Возрожденіе” № 175.

сужденію мѣр, способныхъ устранить сельскохозяйственный кризисъ? Намъ доподлинно извѣстно, что партіи пришлось закупать зерно за границами страны, оплачивая его золотомъ в размѣрахъ, превышающихъ его добычу. Понятно, что такое положеніе нельзя выдерживать длительное время. Слѣдовательно, сельскохозяйственный кризисъ грозитъ крупными финансовыми затрудненіями. Но партія располагаетъ еще средствами, если не устранить ихъ, то во всякомъ случаѣ — смягчить. Тѣмъ же рачіонированіемъ продуктовъ. Это, конечно, сказалось бы на репутаціи власти, но вѣдь и закупки в “капиталистическом” мѣрѣ зерна — не к чести коммунистической системы.

Причину, повидимому, слѣдуетъ искать в томъ, что в данномъ случаѣ выявляются обстоятельства не только матеріальнаго, но и моральнаго порядка. С тѣхъ пор, какъ власть больше не примѣняетъ террористическихъ мѣр в сталинскихъ размѣрахъ, и особенно послѣ того, какъ в сельскохозяйственной практикѣ появились безнравныя звенья, работающія “на хозрасчетъ”, порочность колхозной системы не только стала совершенно очевидной, но появилась возможность обсуждать эту порочность. Именно это вытекаетъ в извѣстной степени и из отчета о “Ленинскомъ урокѣ”, а кромѣ того и из ряда корреспонденцій, в разное время напечатанныхъ в “Комсомольской правдѣ”.

У насъ нѣтъ возможности цитировать весь этотъ обильный матеріалъ. Замѣтимъ только, что однородныя свѣдѣнія идутъ со всѣхъ концовъ страны. Положеніе ясно, и каждый день промедленія в его устраненіи вызываетъ дальнѣйшее нарастаніе народнаго недовольства.

Формальной стороной дѣла партія безъ крайней нужды не пренебрегаетъ. В этомъ отношеніи и теперь уже дѣлается кое что. “Комсомольская правда” (23.12.65) опять на первой страницѣ (!) помѣстила явно пропагандную замѣтку “Тѣлогрѣйку с поля вон!”. Принимая во вниманіе современное матеріальное положеніе колхозниковъ, вопросы, на которые тутъ отвѣчалъ замѣститель министра сельскаго хозяйства, ничего кромѣ удивленія вызвать не могутъ. Начинается замѣтка слѣдующимъ образомъ:

“Модѣ всѣ возрасты покорны. От бабушки до внучки... И только на селѣ тотъ же универсальный набор... Наканунѣ новаго года пришло радостное извѣстіе: старая спецодежда отживаетъ свой вѣкъ на селѣ”...

Дѣло в томъ, что “Центральный Комитетъ комсомола совместно с министерствомъ сельскаго хозяйства и легкой промышленности, объединеніемъ “Сельхозтехники” и профсоюзомъ рабочихъ и служащихъ сельскаго хозяйства уже объявилъ всесоюзный конкурсъ по созданію лучшихъ моделей одежды для работниковъ сельскаго хозяйства”.

Слѣдовательно, в какомъ-то болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ модели появятся, но будутъ ли к тому времени колхозники располагать нужными средствами для ихъ покупки — пока что неизвѣстно.

Та же газета от 25 декабря дала уже существенно иное сообщеніе: “ЦК КПСС и совѣтъ министровъ СССР приняли постановленіе “Объ оптовыхъ цѣнахъ на автомобили, тракторы сельскохозяйственнаго назначенія

и запасныя части к автомобилям, тракторам и сельскохозяйственным машинам”.

Постановленіе написано таким языком, что лучше сразу обратиться к комментарию, который приводится вслѣд за текстом постановленія.

“Как извѣстно, — сказал начальник отдѣла “Союзсельхозтехника”, — в 1958 году были введены единыя оптовыя цѣны на машины и запасныя части. Колхозы и совхозы стали платить на 18-25 процентов дороже, чѣм несельскохозяйственныя предприятия, покупающія ту же технику. А самая ходовая из легковых машин “ГАЗ-69” отпускалась им даже по розничной цѣнѣ — 5.500 рублей.

“Теперь будет по-другому. За “ГАЗ-69” колхозам и совхозам придется платить не 5.500 рублей, а 1.900, за грузовик “ГАЗ-51” — не 1.390, а 1.085, за трактор “ДТ-20” не 1.200, а 1.000, за хлопковый комбайн — не 2.725, а 2.500. И так по всѣм машинам, запасным частям, издѣліям из резины”.

Эту семилѣтнюю практику “дальнѣйшаго развитія сельскаго хозяйства” трудно комментировать без выраженій, выходящих за рамки благопристойности, но колхозники ими-то безусловно и пользовались в достаточной мѣрѣ. Партія начинает выдавать авансы. Остается ждать, удовлетворятся ли ими земледѣльцы, или нѣт.

*

**

Послѣдніе дни прошлаго года слѣдует считать временем, когда наступили какія-то тактическія измѣненія в партійном поведеніи по земельному вопросу.

“Правда” — лидер партійных газет — по каким-то причинам нарушила длительное и упорное молчаніе по колхозным вопросам. Нѣт, она не стала писать в унисон “Комсомольской правдѣ”. Она старается сохранить неприкосновенной колхозную внѣшность, что, нужно сказать, удается ей плохо.

24 декабря в “Правдѣ” появилась новая рубрика: “Новь нашей деревни”. Корреспонденція из Барнаула, помѣщенной в ней, предпослана редакціонная замѣтка, в которой говорится:

“Много примѣчательных перемен происходит сейчас на селѣ. Мѣры экономического поощренія хозяйственной инициативы, разработанныя мартовским пленумом ЦК КПСС, открыли широкіе горизонты перед тружениками деревни. Совершенствуется руководство хозяйством, улучшается организациія труда, вводятся в дѣйствіе резервы производства”.

Редакциія общаает под этой рубрикой давать матеріалы “о современной жизни села”. Примѣчательно, что, для перваго раза, дается корреспонденція из колхоза “Красное знамя” Алтайскаго края, организациія работ в котором сильно напоминает современное положеніе в колхозѣ “Ленинскій путь” со звеньями, введенными в нем, во главѣ со знаменитым в СССР механизатором Свѣтличным.

Но корреспонденція написана очень осторожным языком, а на первый план выставляется нововведеніе, по меньшей мѣрѣ, второстепеннаго значенія.

“Экономист — по существу новая профессія в колхозной деревнѣ. Потребность в ней стала особенно настоятельной послѣ мартовскаго Пленума”.

В соотвѣтствіи со своим началом корреспонденція и заканчивается:

“Скоро экономист придет в каждое село. Он крайнѣ необходим здѣсь. Экономическія знанія помогут лучше хозяйствовать в полѣ и на фермѣ, быстрѣ поставитъ на службу наши резервы”.

Вот за таким фасадом кроется изложеніе дѣйствительно существенных перемѣн, которыя партійная газета совершенно открыто помѣстить не может. Марксизм-ленинизм не позволяет.

“Да, в “Красном знамени” не полагаются на милость природы, здѣсь настойчиво ищут резервы, опираются на достиженія науки, передовой практики. И надежным союзником в этой борьбѣ у них стал хозяйственный расчет”.

Именно в этом, для партіи вся тяжесть вопроса, все неудобство введенія необходимых перемѣн. Хозяйственный расчет возможен только при полном устраненіи, до сих пор практиковавшагося, голаго администрированія. А при его устраненіи, неминуемо устраняется и партійное вліяніе на сельскохозяйственные дѣла. При этом нельзя забывать и о положеніи (при измѣненных порядках) довольно большого количества партійных начальников в колхозах, понятія не имѣющих о сельском хозяйствѣ, но “администрирующих” там только по признаку своей партійной принадлежности.

“До этого — продолжают корреспонденты — была обычная уравниловка — та самая, что и понынѣ бытует в нѣкоторых артелях... работали артели в одинаковых условіях, а урожай получали разные... Но, когда приходило время расчетов, о разницѣ в урожаях забывали: всѣ получали поровну.

“Теперь у нас эти “ножницы” устранены. Вся работа и учет организованы иначе. За бригадами закрѣплены земля и техника, учитываются всѣ затраты, производительность труда и себѣстоимость продукции”.

На Кубани, в колхозѣ “Ленинскій путь”, этот вопрос был поставлен гораздо шире, с обсужденіем не только хозяйственнаго, но и социальнаго и политическаго значенія по существу уже происходящих перемѣн. Главный партійный орган, естественно, обо всем этом говорить пока что не может. Но тѣм не менѣе...

“Высокая трудовая активность, горячая заинтересованность” тѣх, кто работает в этих, по новому обставленных бригадах, конечно же, обусловлена не появленіем в колхозѣ экономиста. Дѣло в том, что:

“Разработана стройная система дополнительной оплаты и премій за хороший труд во всѣх отраслях”.

И дальше:

“Теперь, когда бригады перешли на хозрасчет, сама жизнь потребовала, чтобы планирование начиналось снизу — от бригад... Производственный план разрабатывается на мѣстѣ”.

“Планирование начинается снизу”! Но в таком случаѣ, что же остается удѣлом Госплана СССР!? Если из его круга обязанностей выпадает планирование сельского хозяйства, то непременно должно выпасть и планирование всѣх смежных и обслуживающих предприятий транспорта, химической и машиностроительной индустрии и т. д. и т. п. А вслѣд за ними и почти все народное хозяйство должно выпасть из поля партійнаго зрѣнія.

Этого партія допустить ни в коем случаѣ не сможет, даже в условиях еще болѣе обостренного кризиса в сельском хозяйствѣ, даже при дальнѣйшей необходимости заграничных закупок зерна. (Не имѣет ли внутренней связи с этой возможностью не так давно появившаяся коротенькая замѣтка о том, что найдены пластовыя мѣсторожденія золота, запасы котораго неограниченны?).

Но теперь партія полагает сохранить за собой контроль тѣм, что планы, выработанные в бригадах, “представляются в правленіе колхоза”, — корреспонденція не говорит, в каких цѣлях; но прежняя практика не оставляет сомнѣній: для их утвержденія.

В заключительной части своей корреспонденці авторы говорят о том, что

“сами бригады, как самостоятельныя хозрасчетныя подраздѣленія, стремятся избавиться от излишней регламентаціи и отчетности”.

О такой же точно практикѣ писала и “Комсомольская правда”, говоря о работѣ звеньев на Кубани. Там это было только высказано гораздо откровеннѣе.

Но в нѣкотором отношеніи “Правда” пошла на большую откровенность, чѣм “Комсомольская правда” (или на Кубани еще не ввели в практику того, о чем пишется дальше в разбираемой корреспонденці?).

Рабочіе из так организованных бригад “сейчас пользуются выходными днями и отпусками, им оплачиваются бюллетени по болѣзни”. И это привело к тому, что “люди как бы другими глазами стали смотрѣть на производство, с новыми мѣрами подходить к оцѣнкѣ своей работы. Теперь внутрихозяйственный расчет виѣдряется и в других алтайских селах — не случайно усилился поток пытливых людей в колхоз “Красное знамя”.

Это признаніе чрезвычайно важно. В двух противоположных концах страны совершенно одинаково развивается явочным порядком то же самое движеніе за освобожденіе колхозника от партійнаго командованія. Это так важно, что заслуживает повторенія.

Партія по всѣм признакам старается как-то задержать этот процесс. Остановить его уже нельзя.

“Совѣт министров СССР, в цѣлях улучшенія кредитованія колхозов, созданія необходимых условий для их финансово-хозяйственной

дѣятельности и обезпеченія своевременныхъ расчетовъ с колхозниками по оплатѣ труда, принялъ рѣшеніе осуществить *в ближайшіе годы* (курсив мой. — В. С.) перевод колхозовъ на прямое банковское кредитованіе” (“Ком. пр.”, 5.1.66).

Всего два слова выдали пропагандное назначеніе замѣтки, помѣщенной на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ звонкимъ заголовкомъ: “Для вас, труженники села”.

Наконецъ, 14 января “Правда” опубликовала большую, на двойной подвал, статью, неподписанную, явно “спущенную сверху” и названную: “Экономическая политика и борьба за коммунизм”.

Статья эта написана с явнымъ намѣреніемъ отразить всяческія нападенія с весьма многочисленныхъ и различныхъ сторонъ, для того, чтобы попытаться провести самыя необходимыя мѣры, неотложно диктуемыя создавшимся положеніемъ, вопреки партійному ученію.

“Партія указываетъ, что в нынѣшнихъ условіяхъ главнымъ направленіемъ, основнымъ звеномъ ея дѣятельности должны являться рѣшительное повышеніе социалистическаго производства, выявленіе и полное использование преимуществъ экономической системы социализма путемъ всесторонняго совершенствованія методовъ хозяйствованія, поднятіе инициативы и творчества масс”.

Если из этой фразы устранить партійно-политическую декорацию, — останется совершенно обнаженной причина появленія этой статьи. Причина эта сводится къ тому, что “эффективность социалистическаго производства” сильно упала. И случилось это потому, что партія не смогла за все это время выработать дѣйствительно эффективныхъ методовъ хозяйствованія, а теперь признала необходимымъ “поднятіе инициативы”, которую до сихъ поръ всемѣрно подавляла.

Одновременно статья совершенно ясно указываетъ и на тѣ группы, противъ которыхъ партійному возглавленію теперь предстоитъ продолжать борьбу.

“Трудящіея Совѣтской страны горячо поддерживаютъ политику своей родной партіи... Они с негодованіемъ отвергаютъ завѣдомо клеветническія заявленія идеологовъ буржуазіи о томъ, что мѣры по улучшенію методовъ хозяйствованія, осуществляемыя в СССР, будто бы ведутъ къ возстановленію капиталистическихъ отношеній. У совѣтскихъ людей вызываетъ удивленіе, что в такомъ же духѣ оцѣниваетъ политику нашей партіи и руководство компартіи Китая. Какъ уже сообщалось в “Правдѣ”, газета “Женьминьжибао” и журналъ “Хунци” заявили, что рѣшенія мартовскаго пленума ЦК КПКСС будто бы означаютъ “развитіе капитализма в деревнѣ”, а рѣшенія сентябрьскаго пленума — “возстановленіе капитализма” в СССР. Трудящіея нашей страны не могутъ расцѣплять эти заявленія иначе, какъ провокаціонные вымыслы”.

Послѣ такого категорическаго заявленія главенствующаго партійнаго органа, стало уже совершенно яснымъ, что о реформахъ в сельскомъ хозяйствѣ на партсъѣздѣ разговора не должно быть.

Однако, партійному руководству необходимо найти такія тропинки

для своей экономически-реформаторской дѣятельности, которыя бы удовлетворили несравненно болѣе настоятельныя и неустрашимыя требованія сельскаго населенія собственной страны. Поэтому:

“Осуществляемые экономическія преобразованія означают:

— созданіе необходимыхъ условийъ для болѣе послѣдовательнаго проведенія социалистическихъ принциповъ всесторонней матеріальной заинтересованности за результаты ихъ дѣятельности”.

Если эту фразу пересказать простымъ и понятнымъ языкомъ, то получится именно то, о чемъ шелъ разговоръ на “Ленинскомъ урокъ” на Кубани. Однако, формулировка “Правды” даетъ партіи возможность толковать сказанное, какъ ей понадобится.

И все-таки, повидимому, главныя усилія партіи направлены на успокоеніе крестьянства, что вытекаетъ изъ слѣдующихъ строкъ:

“Разсматривать бѣдность какъ неизбежный слутникъ трудящихся на весь періодъ социализма, возводить бѣдность чуть ли не въ благо — значитъ грубо извращать цѣли социалистическаго строительства, отдавать прогрессъ матеріальной культуры на откупъ капитализму. Коммунисты борются не за то, чтобы осчастливить грядущія поколѣнія путемъ аскетическаго самоограниченія нынѣ живущихъ, они призываютъ готовить лучшее будущее потомкамъ, дѣлая все для того, чтобы жизнь становилась радостнѣе и богаче и сегодня, для современниковъ”.

Много векселей населенію выдала до сихъ поръ партія, но не было ни одного такого крупнаго, какъ этотъ. Правда, она ввела въ обычай свои векселя не погашать, но что можно было продѣлывать вчера, то дѣлать сегодня или завтра много труднѣе. А налицо, кромѣ того, и постоянное и довольно замѣтное ослабленіе партіи вообще, въ особенности же ея положенія на селѣ. Только что цитированное мѣсто изъ разбираемой статьи — лучшее доказательство того, что колхозники, своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ колхознымъ работамъ, посадили, такъ сказать, саму партію на голодный паекъ, и трудно теперь ожидать, что они измѣнятъ свое отношеніе къ земледѣлію раньше, чѣмъ ихъ требованія — вопль законныя — не будутъ удовлетворены полностью.

Партийное руководство попало подъ перекрестный огонь. Крестьянство не желаетъ больше для него растить хлѣбъ, а “китайскіе товарищи” (и не только они) противодействуютъ нужнымъ реформамъ. На что же рѣшится руководство?

Скорѣе всего — постарается избѣжать рѣшеній. Руководство не изъ сильныхъ, не изъ авторитативныхъ. Этого ему не преодолѣть.

Въ самой партіи несомнѣнный разладъ, также и въ вопросѣ о колхозахъ. Догматики несомнѣнно противодействуютъ реформамъ. И наличіе этой борьбы отражается даже и на страницахъ “Правды”.

Прошло двѣ недѣли послѣ только что разобранный статьи, какъ въ той же газетѣ появилась вторая редакціонная статья (по старой терминологіи: передовица) подъ хлесткимъ заголовкомъ “Могучая сила колхознаго строя”. Содержаніе ея ничѣмъ не напоминаетъ того, что было

всего на четырнадцать дней раньше. Это видно и из заголовка. Цитировать нѣтъ надобности.

15 февраля (опять в “Правдѣ”) новая передовица: “Отчетныя собранія в колхозах”. Через десять дней слѣдующая — “Пятилѣтка сельских тружеников”. И так каждые пять-семь дней, вплоть до партсѣзда. Всѣ онѣ написаны по партійному образцу многолѣтней давности. Много слов о сѣменах, о химических удобрениях, о машинах, навозѣ... О людях, которые должны все это превращать в урожай. — ни слова.

Одна из этих передовиц заканчивается так:

“Каждый колхоз и совхоз располагает большими возможностями для увеличенія производства зерна. Однако, используются онѣ в полную мѣру далеко не вездѣ... Напримѣр... в нѣкоторых районах допущено неоправданное сокращеніе посѣвов зерновых культур. Нельзя согласиться с тѣм, что в рядѣ хозяйств планируются завѣдомо низкіе урожаи. Партійные, совѣтскіе и сельскохозяйственные органы обязаны помочь земледѣльцам четко опредѣлить, за счет каких реальных источников они могут увеличить сборы зерна... каждое хозяйство должно ежегодно не только выполнять твердые планы, но и во все возрастающих количествах продавать странѣ сверх плана зерно по повышенным цѣнам”.

Вся передовица (передавать ее полностью нѣтъ мѣста) приводит к заключенію: колхозники не желают довольствоваться только одними партійными обѣщаніями, продолжают свое пассивное сопротивленіе, а партія — тоже по старинкѣ — не находит ничего иного, как старые методы понужденія и принужденія, чтобы заставить людей работать. Что все это именно так, свидѣтельствует содержаніе очередной передовицы (“Правда” 23 марта 1966 г.), всего за недѣлю до партсѣзда. Там говорится:

“...Многія хозяйства еще не готовы к выходу в поле. Далеко не всѣ тракторы приведены в рабочее состояніе, не полностью отсортированы сѣмена, мало вывезено на поля органических удобрений, кое гдѣ не хватает механизаторских кадров. Время не терпит. Нужны рѣшительныя мѣры, чтобы без промедленія устранить неполадки и повсемѣстно встрѣтить сѣв в полной готовности... Примѣненіе экономических стимулов в колхозах и совхозах активизирует людей, поднимает их на большія дѣла. Но это не означает, что можно ослабить организаторскую работу в деревнѣ. Партійные комитеты, сельскіе коммунисты обязаны усилить”... и т. д. Все как и раньше. Докматики имѣют достаточно сил на верхах партіи.

Однако, не сдаются и их противники. “Комсомольская правда”, хотя и не так часто, как раньше, и не так рѣзко, продолжает писать о необходимости коренного пересмотра партійнаго отношенія к колхозам и совхозам.

“Не секрет, что до сих пор не мало людей, которые дѣйствуют с убѣжденіем, что давать полную самостоятельность в планированіи и

специализации производства колхозам и совхозам нельзя, так как они, мол, могут войти в противоречие с народнохозяйственными интересами” (читай: с интересами партийными) (“Ком. правда” 17 марта 1966 г.). При этом заслуживает внимания то обстоятельство, что статьи и корреспонденции такого порядка носят подписи, например, “начальника районного сельскохозяйственного управления” или “доктора экономических наук”, или “секретаря ЦК ВЛКСМ”, в заголовках которого читаем:

“...В дѣлѣ Свѣтличнаго и Первицкаго технология — только одна сторона. А вторая, главная сторона — социально-экономическая. Рѣчь идет о принципах, на которых существуют звенья Свѣтличнаго и Первицкаго. Полный хозяйственный расчет. Оплата только за конечный продукт. Автономность, предѣльная самостоятельность в рѣшеніи хозяйственных и иных вопросов, которыми пользуются механизаторы, объединенные в звеньѣ. Все это сдѣлало звенья Свѣтличнаго и Первицкаго образцами, эталонами того, каким должно быть в сельском хозяйствѣ современное первичное подраздѣленіе. Вот о какой сторонѣ забывали говорить раньше, чѣм, безусловно, снижали значеніе и звучаніе этого опыта” (“Ком. правда” 23 марта 1966 г.).

Несмотря на то, что и на верхах партіи имѣются явно высказывающіеся сторонники реформы, таковая еще не назрѣла окончательно, или, во всяком случаѣ, еще нѣтъ возможности открыто, юридически зафиксировать ее.

26 января текущего года во всѣх центральных газетах и в “Сельской жизни” было опубликовано постановление о сформированіи комиссіи для выработки новаго устава сельскохозяйственной артели и ея состав.

В комиссію назначено ни больше, ни меньше, как 149 человек. Это значит, что она предназначена не для дѣлового и быстрого обсуждения проекта, а для чего-то совсѣм иного. Увѣренность в этом крѣпнет, когда мы узнаем, что в ея составѣ: семь человек бригадиров, звеньевых, бухгалтеров колхозов, доярок, затѣм 41 председатель колхозов (обязательно партийцев) и наконец остальные 101 человек — “вышестоящіе номенклатурные товарищи”, секретари всяческих рангов, академики, экономисты, профессора, инженеры...

Нужно ли теперь говорить, что новый устав будет выработываться опять не для колхозников, а для интересов партіи?

Уже этот документ в значительной степени предопредѣлил исход партсъезда по колхозным дѣлам. А “директивы XXIII съезда КПСС по пятилѣтнему плану развитія народнаго хозяйства СССР на 1966-1970 годы” и окончательныо закрѣпили его. Вѣдь рѣшенія и теперь выносятся не на партийных съездах, а задолго до того на партийном Олимпѣ. Съезд должен был собраться еще только через пять недѣль, а директивы уже были выработаны (“Правда”, 20 февраля 1966 г.). Конечно, онѣ “выносятся для всенароднаго обсуждения”!

В раздѣлѣ о сельском хозяйствѣ двадцать пунктов. Девятнадцать из них относятся к проектным улучшениям колхозной и совхозной ра-

боты. Здѣсь — как и всегда: “расширить”, “улучшить”, “укрѣпить”, “увеличить” и т. д. Какими силами и средствами все это сдѣлать — о том ни слова.

И только в пунктѣ пятнадцатом сказано слѣдующее:

“Всемирно развивать хозяйственно-оперативную самостоятельность в совхозах и демократическіе принципы управленія колхозным производством.

“Повысить матеріальную заинтересованность работников сельскаго хозяйства в лучшем использованіи основных средств производства продукціи, в болѣе высокой производительности труда, в экономичном использованіи матеріально-технических и денежных средств”.

Такая, весьма обтекаемая формулировка заставляет предполагать, что в партійной верхушкѣ по этому вопросу ревизионисты еще не получили рѣшающаго перевѣса над догматиками, а потому оставляют открытыми двери в их сторону. В то же время они не могут отказаться от каких-то авансов и для “тружеников села”, но формулируют их крайне осторожно, чтобы имѣть возможность свободно лавировать в любом направленіи. Расчет, видимо, в том, чтобы существенныя уступки сдѣлать не раньше, чѣм уже на грани катастрофы. И этот расчет достаточно вѣрен. Населеніе, приученное ко многим лишениям и недостаткам, может быть, будет оставаться пассивным еще нѣкоторое время, прежде чѣм перейдет к активным дѣйствіям, а проведение реформ так, как того требовали и требуют через “Комсомольскую правду”, грозит самыми неприятыми послѣдствіями для партіи почти незамедлительно, как внутри самой страны, так и в иностранной политикѣ, особенно же в отношеніях с “братским Китаем”.

Газеты с описаніем партсѣзда подтвердили полностью такой прогноз.

Самое крупное рѣшеніе сѣзда сводится к тому, что возрождено Политбюро, вмѣстѣ с титулом “Генсека”!

О сельском же хозяйствѣ, в основном, сказано слѣдующее, немногое:

“Принято рѣшеніе о созывѣ Третьяго всесоюзнаго сѣзда колхозников, который рассмотрит новый Устав сельскохозяйственной артели”;

“хотѣлось бы посоветоваться, не стоил ли нам образовать выборные колхозно-кооперативные органы”;

“партія отдает себѣ отчет о том, что подъем сельско-хозяйственнаго производства является не простым дѣлом”;

“выполненіе намѣченных планов будет зависѣть от творческой инициативы и энергіи сельских тружеников”;

и, наконец: “Обкомы, крайкомы и райкомы партіи должны постоянно заботиться об укрѣпленіи всѣх участков производства квалифицированными кадрами, оказывать им больше практической помощи. Требуется улучшить организаторскую и воспитательную работу с людьми, активизировать дѣятельность партійных организаций колхозов и совхозов, поднять их боевитость”.

В этом все наиболее существенное, сказанное Брежневым в его докладѣ, относительно будущаго устройства колхозов и положенія сельскохозяйственных рабочих.

Впечатлѣніе таково, что доклад дѣлался для того, чтобы сказать как можно меньше. Во всяком случаѣ, от того, за что ратовала “Комсомольская правда” и что признавала необходимым “Правда”, не осталось и слѣда. “Руководство” не может рѣшиться на необходимые мѣры. А что онѣ неизбежны, видно и из вступленія Брежнева в раздѣлѣ его доклада о сельском хозяйствѣ.

Здѣсь он дал цифры, повидимому, очень близкія к дѣйствительности. Это — таблица производства важнѣйших видов с.-х. продуктов за истекшую и предыдущую пятилѣтки. Из нея берем только “процент прироста по сравненію с предыдущим пятилѣтіем, в расчетѣ на год”. По выработкѣ зерна в 1956-1960 гг. он выразился в 6,5 %, а в послѣдней пятилеткѣ — 1,4 %. Сахарная свекла соответственно 13,7 и 5,2, овощи — 6,1 и 2,2, картофель — 4,9 и “сниженіе на 1,6 %”. Мясо — 6,8 и 3,4 %, молоко 8,6 и 2,5, яйца 8,3 и 4,1, шерсть 7,0 и 2,7 %.

И только по хлопку-сырцу прирост увеличился на 0,4 %.

Эти цифры на страницах “Правды” (30 марта 1966) свидѣтельствуют о том, что руководству партіи прекрасно извѣстно почти катастрофическое положеніе в сельском хозяйствѣ. Именно из-за нежеланія колхозников работать. “Рѣшенія”, принятые слѣздом, показывают, что на радикальные шаги партія тоже рѣшиться не смѣет.

Однако, слѣдует особо подчеркнуть одно довольно важное обстоятельство. Ни на слѣздѣ, ни ранѣе в партійной печати не сказано ни одного слова осужденія нововведеній Свѣтличнаго на Кубани и практики колхоза “Красное знамя” на Алтаѣ.

Это обстоятельство, в связи со всѣм уже изложенным, позволяет слѣдующее предположеніе.

Звенья, своим существованіем разрушающія колхозную систему, ведущія к восстановленію частной собственности на землю, и совершенно необходимы для предотвращенія в странѣ голодных бунтов и даже революціи, существуют, с молчаливаго попустительства партіи, уже нѣсколько лѣтъ. Еще при Хрущевѣ ходили темные слухи, что в Кремль разрабатываются какіе-то проекты по этому вопросу. Значит, земельный вопрос — предмет долготѣтных забот партіи. Однако, смѣлости на радикальные мѣры у нея не хватает. Возможно, что нынѣшнее руководство все еще сознает большую долю собственной ответственности за всѣ ужасы еще недавняго террора, а к этому, несомнѣнно, примѣшиваются и соображенія внѣшнелитическія. Проведеніе такой реформы дало бы очень большой козырь в руки китайской пропаганды, уже и теперь утверждающей, что КПСС ведет страну к капитализму.

Партійные вожди “потеряли зрѣніе, но сохранили точку зрѣнія”. А между тѣм, единственный путь к примиренію со страной — радикальный отход от призрака коммунизма.

Партійные вожди, по всей вѣроятности, рѣшили дѣлать вид, что им неизвѣстно существованіе и непрекращающееся увеличеніе числа звеньев, и молчаливо наблюдать их еще не слишком быстрое разрушительное дѣйствіе на колхозную систему, в надеждѣ, что время принесет партіи какія-то облегчающія условія существованія.

Потому что положеніе в сельском хозяйствѣ неразрывно связано с ея собственным положеніем: быть или не быть.

**

От партсъзда не приходилось ожидать радикальных рѣшеній по сельскому хозяйству. Так оно и случилось.

Нашлось, однако, слово, которым партія вновь старается “втирать очки”, если не населенію, то самой себѣ.

Эта политическая валерьянка называется теперь — меліораціей. Как в Хрущевскія времена, она призывается совершить чудо в совѣтском колхозѣ и совхозѣ. И как в Хрущевскія времена, все свелось к пропагандной трескотнѣ в теченіе нѣскольких недѣль. Меліорацію и склоняли, и чуть ли не спрягали на страницах партійной печати, а все закончилось примѣрно так:

Уже 24 мая “Правда” помѣстила большим подвалом статью “завѣдующаго отдѣлом сельскаго хозяйства Комитета народнаго контроля СССР”, озаглавленную “Гарантія урожая”. Но не столько значителен заголовок, как подзаголовок, гласящій: “Поднять отвѣтственность за качество меліоративных работ”.

Этим, в сущности, уже сказано все, что нам интересно знать. Однако, содержаніе статьи настолько “коммунистично”, что кое что все-таки нужно пересказать. Положив узаконенное “начало”, в славословящих выраженіях, автор продолжает:

“Однако, как показала проведенная недавно органами народнаго хозяйства провѣрка, во многих районах, колхозах, совхозах меліорированныя земли используются плохо. Зачастую на поливных землях собираются низкіе урожаи, особенно зерновых и кормовых культур. В 1964 году средній урожай зерна с посѣвов на орошаемых площадях в Казахской ССР составил 14,8 центнера с гектара, а в 1965 — еще ниже — всего 11,1 центнера, в том числѣ пшеницы — 8,8 центнера.

“Все это — слѣдствіе неудовлетворительнаго технического состоянія оросительных систем, нарушенія элементарных условій воздѣлыванія сельскохозяйственных культур на орошаемых землях, запущенности сѣменоводства, отсутствія правильных сѣвооборотов”.

Дальше читаем, что меліоративныя сооружеія не поддерживаются в должном порядкѣ. “Ежегодно значительныя площади орошаемых земель выпадают из сельскохозяйственнаго оборота”

“В Казахстанѣ за пятилѣтіе введено в эксплуатацію 64 тысячи гектаров новых орошаемых площадей, а выбыло из оборота 131 тысяча гектаров”.

“Фильтрация воды в оросительной системѣ достигает 50-55 процентов, что приводит к подъему грунтовых вод, разрушенію производственных и жилых зданій... Введенныя в оборот новыя земли быстро засоляются, заболачиваются и через 2-3 года выходят из сельскохозяйственного оборота. В колхозѣ им. Чапаева... из-за подъема грунтовых вод разрушено около 80 процентов строеній и выбыло из оборота 480 гектаров орошаемых земель.

“В Каракалпакской АССР намѣчалось в 1962-1965 гг. ввести в оборот 45,5 тысяч гектаров новых орошаемых земель, фактически введено только 19,5 тысяч гектаров. Между тѣм капитальныя вложенія на эту цѣль освоены на 92 процента”.

Короче говоря, все идет так, как только может идти в социалистическом государствѣ и нигдѣ больше.

“Комсомольская правда” на своей первой полосѣ помѣстила замѣтку “Воду на хозрасчет”. Означает этот заголовок не меньше и не больше, как то, что теперь уже и воды не хватает. Это, конечно, не вездѣ, но тѣм не менѣе в газетах промелькнул саркастически-озабоченный вопрос: сколько стоит литр воды?

Так обстоит дѣло с меліораціей.

В то же время ЦК партіи не знает, на каком стулѣ усѣться. “Правда” все еще дует в старую дудку: “Правильно поступают тѣ партійныя организациі, которыя перенесли сейчас центр своей дѣятельности в поле, к людям. Здѣсь работают агитаторы и пропагандисты, выступают коллективы художественной самодѣятельности”.

Удивительный способ интенсификациі полевых работ! Пока пропагандисты “работают”, очевидно, что машины стоят, а рабочіе или сидят, или — если можно — то и лежат. В колхозных условіях никто из работающих руками не погонит прочь “работающих” языками! И все это в то самое время, когда — по той же передовицѣ “Правды” —

“К сожалѣнію, и в этих зонах (включившихся в соревнованіе) есть еще примѣры нерадиваго отношенія к дѣлу... в нѣкоторых колхозах (Кустаная) не подготовили во-время посѣвной матеріал, мало запасли сортовых сѣмян. Во многих хозяйствах (трех названных поименованных районов) плохо борются с засоренностью полей”.

А в другой редакціонной статьѣ той же газеты весьма “раціонально предлагается” присужденіе красных знамен, почетных званій, грамот и т. д. То-есть всего того, что партіи ничего не стоит, а колхознику ни на что не годно.

Это один из тѣх двух стульев, о которых мы говорили, — стул ортодоксальный, на котором бы очень хотѣлось сидѣть каким-то партійным товарищам.

Однако, самим ѣсть и страну кормить тоже надобно. И вот “Правда” (8.5.1966) помѣщает статью своих корреспондентов “Что нужно картофелю?”. Оказывается, что ему очень многое нужно. Одного в большей, иного в меньшей мѣрѣ. Начиная с сѣмян и кончая машинами и

удобрениями. Но это уж так всегда ведется; зато вот нѣчто для названной газеты новое.

“Установлено, что механизированныя *звенья* (курсив мой. — Б. С.) повсемѣстно получили урожай значительно выше, чѣм в среднем по хозяйствам”. Тут слѣдует добавить: по социалистическим хозяйствам.

Дальше автор описывает нѣкоторые поистинѣ из ряда вон выходящіе примѣры абсурдных положеній, вызванных “авторитетными” распоряженіями “товарищей из райцентра”.

Их приводить мы не станем. Это все то же самое. Единственная между ними разница в том, что одни менѣе, а другіе болѣе абсурдны.

Одновременно слѣдует предполагать, что дѣла в сельском хозяйствѣ не поправились, и не проявляют тенденции к улучшенію.

На это имѣются такія основанія: механизаторам увеличена плата, колхозники переведены на “гарантированную оплату”. Означает ли это нѣкоторое матеріальное высвобожденіе их из колхозной неволи, или это первый шаг ко всеобщему переводу колхозов в совхозы, сказать сегодня нельзя. Но что это какая-то подготовка к очередному плохому или, во всяком случаѣ, неудовлетворительному урожаю, слѣдует и из того, что по приглашенію совѣтских властей в Москву вылетѣл представитель крупной англійской аукціонной фирмы для подписанія соглашения о продажѣ с аукціона предметов искусства, в первую очередь — картин.

Для чего партіи так понадобились деньги?! Колоссальныя закупки заграничнаго зерна, уже возобновленныя в Канадѣ, дают на этот вопрос достаточно ясный отвѣтъ...

Б. Сибирскій.

Многонаціональное единство Россійскаго государства

Долгое пребываніе за границей неизбѣжно отражается на нашем отношеніи к россійским проблемам. Издали — буквально и по времени — онѣ менѣ ясны и менѣ реальны, а потому легко подмѣняются всякими теоретическими конструкціями. В частности, проблема россійской многонаціональности трактуется в эмиграціи не только западно-европейскими терминами, но и исходя из западно-европейской исторической почвы.

Интересно отмѣтить, что такое отчужденіе от россійской реальности характерно для русских ничуть не в меньшей степени, чѣм для так называемых сепаратистов. Напримѣр, русскіе и украинскіе эмигранты спорят о “колонизаціи” или “деколонизаціи”, но ни тѣ, ни другіе не задались вопросом: а когда вообще Россія была единонаціональна? или что есть общаго у Россіи и ея народностей?

Если обратиться к памятнику 1237 года, “Слову о погибели Русскія Земли”, то там сказано так:

“Отсель до угор и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвизи и от ятвизи до литвы, до нѣмец, от нѣмец до карелы, от карелы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоимицы погани и за дышючим морем (Бѣлое море), от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы — то все покорено было Богом крестьянскому языку поганьскыя страны великому князю Всеволоду и отцу его Юрюю князю Киевскому”.

Получается, в сущности, почти современная нам картина европейской Россіи.

В тѣ времена, всѣ теперешнія великія державы были многонародны. И каждый из теперь преобладающих народов разрѣшил ставившуюся этим проблему по-своему: либо поголовным истребленіем инородцев, как нѣмцы — поморян и пруссов, либо нормандским методом “освоенія” англо-и саксов, и т. д. Но так или иначе, к концу XIX вѣка вопрос этот на Западѣ был рѣшен или, вѣрнѣе, “ликвидирован”. Россія же, послѣ почти десятивѣкового властвованія князей, царей и императоров и полстолѣтія совѣтов, послѣ всѣх экспериментов руссификаціи, интернаціонала, расчлененія и пр., по сей день и едина. и многонаціональна.

Обратимся к данным переписи.

	1897 г.	1959 г.
Великороссов	43,5 %	54,8 %
Малороссов	17,5	17,7
Бѣлоруссов	4,6	3,8
Всего славян	65,6	76,3
Других національностей	34,4 %	23,7 %

Численность отдѣльных національностей представляется так:

1926 г. 1939 г. 1939 г. 1959 г.

В новых границах

М и л л и о н о в д у ш % говорящих
на своем національном языкѣ

Русскіе	78	99	100,4	114	99,8
Украинцы	31,3	28	35,6	37	87,6
Бѣлоруссы	4,7	5,3	8,3	7,8	84,1
Эстонцы			1,1	1,0	95
Латыши			1,6	1,4	95,1
Литовцы			2,0	2,3	97,8
Молдаване			2,0	2,2	95,2
Азербайджанцы	1,7	2,3	2,3	2,9	97,2
Грузины	1,8	2,2		2,6	98,6
Армяне	1,6	2,1	2,1	2,8	89,9
Казахи	4,0	3,1	3,1	3,6	98,4
Узбеки	3,9	4,8		6,0	98
Туркмены	0,8	0,8	0,8	1,0	98
Таджики	1,0	1,2	1,2	1,4	98,1
Киргизы	0,8	0,9	0,9	1,0	98,7
Евреи	2,6	3,0	4,7	2,3	20,8
Татары	2,9	4,3	4,3	5,0	92,1
Поляки	0,9	0,6	1,3	1,4	45,8
Мордовцы	1,3	1,5	1,4	1,3	79,1
Нѣмцы	1,2	1,4	1,5	1,6	75
Чуваши	1,1	1,4	1,4	1,5	90,8
Бакширы	0,7	0,8	0,8	1	63,7
Удмурты		0,6	0,6	0,6	89,1

(Остальные національности насчитывают менѣе полумиліона душ каждая).

Добавим к этому данныя о числѣ лиц получивших образованіе (на 1.000 человек):

	Среднее и неполное среднее	Высшее
СССР в цѣлом	263	18
Россійская СФСР	263	19
Эстонская ССР	304	21
Латвійская	344	21
Литовская	175	13
Бѣлорусская	225	12
Украинская	286	17
Молдавская	186	10
Азербайджанская	261	21
Грузинская	315	38
Армянская	289	28
Казахская	239	12
Узбекская	234	13
Туркменская	256	13
Таджикская	214	10
Киргизская	227	13

Таким образом, о многонациональности Россійскаго государства спорить не приходится. И явление это настолько своеобразно, что до сих пор остается непонятным для Западной Европы, а тѣм болѣе для далекой Америки.

Как могло это получиться? Оставим в сторонѣ всѣ теоріи об особо облагораживающем влияніи на славян православія. Остается тот факт, что значеніе православія как связующаго начала восточных славян признается всѣми (даже совѣтскими) историками. И этот же общепризнанный факт послужил началом расхожденія между Западом и Востоком Европы в XII-XIII вѣках. Я имѣю в виду крестовые походы — настоящую религиозную катастрофу, постигшую христіанскій мір, — именно религиозную, ибо руководство западной Церкви взяло на себя организацію военных — и нерѣдко разбойничьих — экспедицій, направленных как против мусульман, так и против православных. Их религиозныя, идеологическія и даже политическія послѣдствія не изжиты до сих пор. Славяне и государства Малой Азіи, Арменія и Грузія, оказались жертвами этих экспедицій и одновременно попали под удары монголов.

Святой князь Александр Невскій столкнулся с трагической проблемой: против кого воевать? Смертельная опасность грозила с обѣих сторон: еще свѣжо в памяти было поголовное уничтоженіе пруссов нѣмцами, а в то же время со всѣх концов Земли Русской и из Грузіи и Арменіи идут сообщенія о гибели населенія и цвѣтущих городов (Ани 1223, Кіев 1240). Но побѣда разбойников с Запада (“носителей креста”) могла бы поколебать вѣру у собственного народа (еще не так давно принявшаго христіанство), а тѣм самым и всякую надежду на спасеніе. Слова Александра Невскаго: “Не в силѣ Бог, а в Правдѣ” приобретают особое значеніе. Они не только помогли разгромить кре-

стопосцев, но и опредѣлили судьбу Россійскаго государства. Началось трехсотлѣтнее собираніе сил чтобы сбросить татарское иго, совершенно аналогично тому, что нѣсколько позже происходило у православных народов, подпавших под иго турецкое. На современном языкѣ, это можно назвать глубокой подпольной работой. Монастыри, скиты отшельников распространяются в лѣсах, вдали от дорог, и становятся центрами сопротивленія, — и против католическаго Запада, и против мусульманскаго Юга и Юго-Востока. Вот гдѣ основная и прочнѣйшая ткань, соединившая сначала всѣ православныя народности Россіи.

Вслѣд за Куликовской побѣдой 1380 г. над татарами, разгром Тевтонскаго ордена в Грюнвальдском сраженіи 1410 г. — в котором против нѣмцев бились и поляки, и литовцы, и русскіе, и теперешніе украинцы, и бѣлорусы, и чехи, и два полка (хоругви) армянских ополченцев, — надолго пріостановил пыл нѣмцев. Но скоро Запад нашел новых носителей “культуры”. Поляки, принявшіе католичество, рѣшили продолжать “миссію”. Докатались до Кіева, а в 1610 г. и до Москвы.

И вот, новое явленіе, как бы прообраз будущаго подлинно Россійскаго государства. Благодаря Патріарху Гермогену, Кузьмѣ Минину и князю Пожарскому, Москва освобождается народным ополченіем. Рим и Сорбонна отмѣтили это событіе как побѣду варваров над авангардом западной культуры, а специалисты военных кабинетов заявляли: было бы достаточно пушек, средств транспорта и денег — и это “культурное завоеваніе” удержалось бы. Дѣло в том, что в то время весь Запад был охвачен колониальной лихорадкой. В эпоху великих открытій, часто уже без всяких “христіанских” или “культурных” предлогов, всѣ средства были годны для обезпеченія добычи. Считалось вполне нормальным относиться к народам американскаго или индійскаго или африканскаго материка приблизительно так, как мы сегодня относимся к болѣе или менѣе полезным или вредным животным.

Так, напримѣр, в 1643 г., голландцы, в один заранѣе назначенный день и час, истребили все населеніе полуострова Манхаттан — в теперешнем Нью-Йоркѣ, — включая и женщин, и дѣтей, и стариков. Охота на индѣйцев была своего рода спортом. Англичане методично спаивали алкоголем цѣлыя племена. Болѣе полезных негров захватывали десятками тысяч: высаживаясь на берегах Африки, оцѣпляли деревни, оставшихся в живых забирали, грузили их на корабли и доставляли в Америку для продажи в качествѣ рабов. Торговья экспедиціи — общества на паях с наемными вооруженными силами осваивали цѣлыя континенты. Без преувеличенія можно сказать, что всѣ флоты западных держав возникли из пиратскаго ремесла, в этой безпрестанной борьбѣ за добычу. И горе народу, попадавшему на пути этих, как принято теперь говорить, “теченіи экономической необходимости”.

Точно такими же методами дѣйствовали турки, — правда, не имѣя за собой академій наук или памятников искусства. Но на добычу они смотрѣли так же трезво, как и западные европейцы. Неудивительно,

что очень скоро западныя европейскія страны преисполнились к туркам родственными чувствами. Я далек от мысли, будто русскіе люди были лучше или добрѣ своих западныхъ современников: подъ верхнимъ слоемъ и такъ ужъ не очень обтесаннаго средняго русскаго человѣка, будь онъ князь родовитый или холопъ, нерѣдко скрывается и хищникъ, и хамъ, и дикарь. Но такъ сложились обстоятельства, что в течение болѣе чѣмъ пятисотъ лѣтъ, в то время какъ западныя государства боролись за добычу, русскій народъ велъ борьбу за *свое существованіе*. Это не могло не оставить своеобразнаго отпечатка на всемъ его духѣ и характерѣ: собираніе земли русской сопровождалось освобожденіемъ своихъ братьевъ — не могло быть рѣчи о поголовной рѣзнѣ или забираніи в полон на продажу.

Но вотъ появился Петръ Великій. Начавъ благодаря ему осваивать западную технику, далекая Московія изъ объекта колоніальныхъ или “просвѣтительныхъ” экспедицій вдругъ превратилась въ могущественную Россійскую имперію. И всѣ народы подвластные туркамъ или полякамъ или нѣмцамъ стали смотрѣть на это новое явленіе какъ на свою единственную надежду на спасеніе. В наше время, когда такъ много говорится о свободѣ, культурѣ, демократіи и т. д., своего рода откровеніемъ звучатъ слова пѣсни-молитвы предковъ теперешнихъ украинцевъ:

“Дай намъ, Боже, дай изъ небу,
Дай чего наибольша намъ треба —
Дай намъ миру и покою
Пид могутною рукою”.

Именно это и давала Россія. Правда, правовыя учрежденія были в ней еще только в зачаткѣ, еще не было университетовъ, народъ еще долгое время оставался неграмотнымъ. Но каждая присоединенная къ Россіи народность становилась такими же подданными Россійскаго Государя, какъ москвичи или туляки. Служба в арміи и вообще государева служба открывала всѣмъ доступъ къ высшимъ должностямъ. Бывало, что завоеванныя народы получали даже больше правъ, чѣмъ сами русскіе (Финляндія, поляки). Всюду высшія сословія приравнивались в правахъ къ русскому дворянству. Такъ, напримѣр, в Грузіи или в Польшѣ, гдѣ в послѣднія десятилѣтія передъ присоединеніемъ къ Россіи титула раздавались безъ счета и поэтому ничего больше не значили, они получили реальное значеніе руссійскаго дворянства.

Неудивительно, что продвиженіе Россійской имперіи на Дальній Востокъ произошло такъ быстро. Продвиженіе на югъ протекало в кровопролитной борьбѣ с турками, обычно поддерживаемыми Западомъ, смотрѣвшимъ на нихъ какъ на свой “авангардъ”. Нашествіе двенадцати языкъ Наполеона было отброшено единодушнымъ усиліемъ народовъ Россіи, несмотря на то, что и онъ шелъ с “освободительной культурной миссіей” и со своимъ Кодексомъ. Когда в 1812 г. вѣсть о паденіи Москвы дошла до Нахичевани подъ Ростовомъ, армянскій магистратъ города (ибо городъ

был армянскій) сдѣлал то, чего, кажется, не было нигдѣ в чисто русских областях, — объявил указом траур:

“Писали всему народу и строго предупреждали так: знайте, что магистрат нам строго предупредил, чтобы в эти дни не играли бы на кяманчѣ и на дайрѣ (армянскіе народные инструменты) ни на свадьбах, ни на весельях и кутежах и ни гдѣ либо нельзя играть на кяманчѣ и дайрѣ, ибо нынѣ не есть дни радости”.

Но уже в XVIII, а в особенности в XIX вѣкѣ нам пришлось столкнуться с новой и очень опасной формой “культуртрегерства”. Ея первая волна появилась, послѣ Петра Великаго, с Анной Иоанновной, с ея нѣмецкими приказчиками, конюхами и парикмахерами. С их легкой руки стали появляться и онѣмеченные или офранцузенные русскіе дворяне, родовитые и неродовитые. На Западѣ стали брать с налета то, что лежало на поверхности, — моды, взгляды, рѣчи, и сравнительно мало науки. Читая сейчас программы декабристов, можно только удивляться их наивности и незрѣлости: никаких элементов російской традиціи, ни російской почвы. Очень часто дѣло обстояло не иначе и в правых кругах. Поверхностнаго увлеченія Западом не избѣжала и Церковь. Внѣдреніе “Православія, Самодержавія и Народности” по министру Народнаго просвѣщенія Уварову дорого обошлось и Православію, и Самодержавію, и Народности. Увлеченный примѣром успѣшной германизациі поляков в Силезіи, гр. Д. А. Толстой рѣшил примѣнить насильственную руссификацію в странѣ, гдѣ было 35 проц. инородцев. Запрещено было, напримѣр, изученіе армянскаго языка. Православный кн. Голицын стал проводить полицейскими и воинскими силами операцію изъятія церковнаго имущества во всѣх армянских церквах — при покорном молчаніи Синода. “Культуртрегерством” такого рода заразились и инородцы и, характерным образом, столь же беспочвенно, как и русскіе. Появилось немало и армян, и грузин, и евреев, переставших считаться с интересами своей народности.

Перечисленіе разрушительных фактов из исторіи внутренней политики Россіи можно было бы продолжить. И тѣм не менѣе, ни один армянин, или грузин, или эстонец, или еврей не может отрицать той безспорной истины, что національная литература и вообще національная культура каждаго из них воспрянула с момента их вхожденія в состав Россійской имперіи.

Один из крупнѣйших російских государственных умов, гр. С. Ю. Витте писал:

“Вся ошибка нашей многodesятилѣтней политики это то, что мы до сих пор еще не осознали, что со времен Петра Великаго и Екатерины Второй нѣтъ Россіи, а есть Россійская Имперія. Когда 35 % населенія инородцев, а русскіе раздѣляются на малороссов и бѣлороссов, то невозможно в XIX и XX вѣках вести политику игнорируя этот исторически капиталной важности факт, игнорируя національное свойство других національностей вошедших в состав Россійской Имперіи, их религію, их язык” и т. д.

Теперь в национальном вопросе произошел сдвиг. Если раньше на вопрос: кто вы такой? — предпочитали отвечать: “я русский осетинского происхождения”, то нынче ответ звучит так: “я осетин, советский гражданин”. И если осетин этот добился известности, то им гордится вся Россия. И она права, ибо он полноправный гражданин Российской государственности. В эпоху общей технической, социальной и бытовой уравниловки, многонациональность России приобретает особое значение, она составляет особое богатство. Западная Европа придет к тому же лет через пятьдесят, а может быть через сто, — тогда, когда западноевропейский ученый, или инженер, или учитель приобретет способность думать, творить и учить, имея в виду не только общее количество населения, но и его многонациональный состав. Общий Рынок, технические, финансовые связи и пр. говорят о развитии в этом направлении. Но у России этот опыт уже есть.

Между тем, по отношению к России Западная Европа и Америка остались на уровне мышления Вильгельма II, Гитлера и Розенберга. Да и не говоря о них, — российская эмиграция до многого тоже еще не додумалась. Будь то в Париже, будь то в Нью-Йорке, мы, воспитывая своих детей, часто так и не идем дальше Киевской Руси.

Если чемпион мира на сто метров — американский негр, то вся Америка его величает и гордится им. А вот недавно Виктор Амбарцумян, член Академии Наук СССР, председатель Академии Наук Армении, председатель Международного Общества Астрономов, приезжал во Францию получать звание доктора “гонорис кауза” Парижского университета. Ни одна эмигрантская русская газета этого события не отменила: мол, дело армянское и русских не касается.

В заключение и в заострение темы, я предложу следующее размышление. Во всех странах, в социальных группировках, в школах, в армии, лица, принадлежащие к каким либо меньшинствам (национальным, религиозным или всяким иным), по всеобщим наблюдениям работают, учатся, продвигаются... выше среднего уровня большинства. Если 10 протестантов учатся среди 100 католиков, или 10 французов среди 100 англичан, то средний уровень достижений у протестантов или у французов оказывается выше, чем у католиков или у англичан. По-видимому, это правило — всеобщее, также и в национальном масштабе. Меньшинства стимулируются как на поприще учения, так и в хозяйственной деятельности и во всякой иной.

Во всех достижениях России, меньшинства принимали участие, не пропорциональное их численности. Это дает им право на общероссийское государство больше даже, чем самим русским. И это свое право они предъявляют.

В. Нерсисян.

ЗАМѢТКИ НАТУРАЛИСТА В АВСТРАЛИИ

Мой австралийскій пріятель давно уже обѣщалъ познакомить меня с интересной птицей — “жаборотом”, если такъ можно перевести дословно ея мѣстное названіе. Птица обладаетъ огромнымъ ртомъ, дѣйствительную величину котораго можно увидѣть только раздвинувши хорошенько перья.

Она, по его словамъ, часто посѣщаетъ его садикъ при домѣ. Однажды онъ вошелъ ко мнѣ и сказалъ, что его дѣвочки только-что сообщили по телефону о появленіи жаборота, который сидитъ в саду. Черезъ 10 минутъ мы стояли передъ птицей и разглядывали ее.

Это ночная птица, похожая на сову, принадлежитъ къ особому семейству Podargidae. Величиной она с крупнаго сына, сѣраго цвѣта и внѣшне ничего особеннаго собою не представляетъ. Жаборотъ спокойно сидѣлъ на суку, немного выше человѣческаго роста и, видимо, грѣлся на солнцѣ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія. Пріятель мой направился къ дому.

— Куда вы? — спросилъ я.

— Хочу сфотографировать!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся с дѣтскимъ фотоаппаратомъ, висѣвшимъ на шеѣ, и стремянкой. При такомъ объективѣ, конечно, снимокъ на большомъ разстояніи ничего дасть не могъ. Нужно было фотографировать с близкаго разстоянія.

Пріятель сталъ на стремянку прямо противъ птицы и навелъ аппаратъ. Я затаилъ дыханіе. Пріятель издалъ звукъ досады.

— Что такое? — спросилъ я.

— Да, вѣдь, глаза закрыты, что это за снимокъ безъ глазъ! Потревожьте ее осторожно!

Я хлопнулъ в ладоши. Птица открыла одинъ глазъ, посмотрѣла на насъ; то ли она узнала моего пріятеля, то ли вообще рѣшила на такую дрянную вниманія не обращать, но осталась с почти закрытыми глазами.

Я хлопнулъ еще разъ. Жаборотъ открылъ другой глазъ, посмотрѣлъ и закрылъ и его. Тыфу! Чортова птица! Я хлопнулъ и даже крикнулъ, — ни малѣйшаго вниманія.

Вы представляете себѣ всю нелѣпость положенія: среди бѣла дня, в центрѣ города, который какъ бы то ни было насчитываетъ 63.000 жителей, двое взрослыхъ мужчинъ вынуждены тревожить чуть ли не руками совершенно дикую птицу, чтобы заставить ее открыть глаза. Пріятель могъ достать птицу рукой, но не могъ в то же время только одной рукой орудовать с фотоаппаратомъ. Вдвоемъ на стремянкѣ мы помѣститься не могли.

Я вспомнил, что у меня есть газета, свернул ее в трубку по длинной оси и получил что-то вроде бумажной палки. Я осторожно пихнул жаборота газетой в хвост, — он открыл оба глаза и, видимо, рассердился, приоткрывши рот. Клик! снимок был сдѣлан. Затѣм мы удалились, унося вещественное доказательство безобязненности нѣкоторых австралийских птиц. Это было в солнечный день и не в чащѣ густого лѣса, а на открытом мѣстѣ.

Жаборот (*Podargus strigoides*) днем дремлет, а ночью собирает на землѣ насѣкомых, скорпионов, улиток, при случаѣ схватит и мышшь. Часто становится жертвой хищных птиц и лисиц, но распространен в Австраліи повсемѣстно.

Безобязненность — характерная черта многих мѣстных птиц. Мнѣ, напримѣр, случалось ловить энтомолгическим сачком прелестную птичку (величиной с самую малую нашу синичку), которую здѣсь называют “серебряный глазок”, — так близко она к себѣ подпускает.

Называется она так потому, что вокруг глаза имѣется узкая, снѣжно-бѣлая бахромка. Живость, подвижность этой пичужки изумительная и не может не вызвать восхищенія у зрителя. Зато мѣстные садоводы ненавидят ее всѣми силами души. Даже во всей области Кэнбры (Австралийская Столичная Территорія), объявленной заповѣдником, “серебряный глазок” разрѣшается истреблять как и чѣм угодно.

Секрет прост: во время цвѣтєнія садовых деревьев, “серебряные глазки”, обычно всегда летающіе стайками в 10-12 штук, занимаются исключительно тѣм, что выѣдают крошечную завязь у цвѣтков; в нѣсколько минут они могут уничтожить сотни будущих яблок и нанести вреда больше, чѣм сотни гусениц.

Что такое “заповѣдник” в Австраліи, показал мнѣ случай у озера около селенія Волка, недалеко от границы с южным Квинслендом. Я был в изслѣдовательской поѣздкѣ с коллегой. Неожиданно мы наткнулись на небольшое озеро.

Нужно сказать, что в восточной Австраліи, преимущественно холмистой и лѣсистой, озера очень рѣдки. Здѣсь перед нами среди эвкалиптоваго лѣса было почти круглое озеро в 300-400 метров в діаметрѣ. Одна часть его заросла густым камышом, но большая часть оставалась открытой. Озеро кишѣло разными птицами: утки, чирки, лыски, водяныя курочки, нырки нѣскольких видов, цапли разных пород густо покрывали воду и берега. В камышах кричали камышевки, в воздухѣ носились крачки и какіе-то кулики. Картина была прекрасная, настоящая идиллія.

На деревьях, окружавших озеро, я насчитал до 30 хищных птиц, отдохавших, очевидно, послѣ сытной охоты. Но мое особое вниманіе привлекла пара черных лебедей, сидѣвшая у самой воды, не дальше 4-х метров от дороги. Один спокойно чистил перья, другой спал, спрятавши голову под крыло.

Я тихонько коснулся плеча коллеги, тот остановил авто. Лебедь посмотрѣл-посмотрѣл и вновь занялся чисткой перьев. Мы простояли

так с четверть часа, любясь жизнью озера. Особенно удивили меня своей численностью хищники. Увидѣть в Австраліи парящаго хищника случай рѣдкій. У нас, в Европѣ, достаточно подойти к лѣсу, чтобы увидѣть не одного и не двух парящих хищников. Здѣсь можно пробыть в лѣсу цѣлый день и не встрѣтить ни одного.

При нашем появленіи, ни одна птица не взлетѣла; видно было, что присутствіе человѣка им не в диковинку и что человѣка онѣ здѣсь не боятся. Как я узнал от коллеги, озеро это объявлено заповѣдником, но нигдѣ ни намекъ ни на объявленіе, ни на изгородь, ни на сторожа. Да вряд ли мѣстные жители знают, что с полсотни лѣтъ тому назад в протоколах парламента это озеро было внесено в число заповѣдников.

Получается само собой, что существует заповѣдник; жители поселка в 5-6 км. заняты каждый своим дѣлом: овцами, лошадьми, рогатым скотом, садоводством, земледѣіем и т. д., шалопаев и разгильдяев нѣтъ, проѣзжих мало. И получается, что авто останавливается в 4-х метрах от пары диких лебедей: один из них спит, а другой чистит перья. Вот это настоящая культура, без сторожей, полицейских и тюремных заключеній!

Вспомнил я мои изслѣдовательскія поѣздки по Арменіи. Как-то рано утром я ѣхал поѣздом гдѣ-то около Александрополя: передо мной было селеніе и на первом планѣ небольшое озеро. Женщины уже поло-скали бѣлье, дѣти болтались в водѣ, домашніе гуси и утки цѣлыми десятками были тут же.

В шагах 10-15 от женщин у самага урѣза воды сидѣло, составляя общую компанію, четверо здоровенных пеликанов. Двое из них не двигались, а двое других, распустив крылья на подобіе имперских орлов, трепыхали ими, суша их на солнцѣ.

И женщины, и гуси, и пеликаны, и озеро представляли собой идиллическую картину спокойствія и счастья. И я понял, что в Арменіи любят и диких птиц. Если пеликаны людей не трогают, зачѣм трогать пеликанов?!

*
**

Мой австралійскій пріятель занимался изученіем психологіи птиц. Один из его опытов заслуживает особаго вниманія. Напротив окна из столовой, в садикѣ, он соорудил столик так, что за опытами могли слѣдить поочередно члены его семьи и он сам, не пугая птиц. Эта непрерывность наблюденія обезпечила полный успѣх.

Сначала пища клалась прямо на столик, чтобы привлечь вниманіе птиц, зачѣм ее стали подвѣшивать, но на высотѣ, доступной птицам; наконец, ее стали подвѣшивать высоко и совсѣм над краем, что значительно затрудняло птиц, так как подскакивать было почти невозможно.

Для опытов служила птица "карравонг". Она похожа немного на ворону или галку, что-то среднее между ними. Лѣтом она совершенно

отсутствует в окрестностях Кэнбры, но зимой сотни карравонгов спускаются с гор в город и питаются там ягодами разных кустарников, начиная с боярышника и кончая диким виноградом “ампелопсисом”. Появление их означает наступление холодов.

Обыкновенно к столику прилетало немного птиц, самое большее 5-6. Но, как только был поставлен окончательный опыт, их слетѣлись десятки. Было совершенно очевидно, что дѣло не в пицѣ (ея вокруг было в изобилии), а в том, *как ее достать* со столика.

С раннего утра весь столик покрывался птицами, желающими попытаться достать приманку. Их было так много, что онѣ покрывали весь столик, а другія сидѣли рядом на кустах в ожиданіи уловить момент и попробовать ухватить добычу самим, когда мѣсто на столикѣ случайно освободится.

Сначала птицы выказывали нѣкоторые признаки осторожности, но затѣм, охваченныя азартом, совершенно отбросили ее и не обращали вниманія на открывавшееся окно, на людей, оттуда выглядывавших, на их разговоры и движенія.

Все вниманіе их было устремлено на одно: как добыть приманку? Чего только птицы ни дѣлали! Во-первых, онѣ прыгали вверх, пытались достать до приманки, но она висѣла слишком высоко; надо отмѣтить, что нѣкоторые и тут проявили сообразительность: вспрыгивали на спины товаров, но и это не давало желаемаго. Во-вторых, многія пытались достать приманку сверху, держась ногами за вѣтку и шнурок, к которому была она привѣшена, но и тут разстояніе оказывалось слишком большим. Третьи пытались схватить добычу слету, но и тут не оказывалось достаточно мѣста для маневрированія: с одной стороны была стѣна дома, с другой кусты и деревья, а сама добыча раскачивалась вѣтром.

Как только птицы замѣтили препятствіе, их охватило невѣроятное возбужденіе: обычно онѣ изрѣдка и негромко покрикивают, теперь голоса их стали громкими, отрывистыми, возбужденными. Кричали всѣ, галдеж был невѣроятный, с утра и до вечера.

Столик кишѣл птицами, каждая старалась сдѣлать то, что не удалось другим. Толкались и дрались из-за мѣста, сталкивали друг друга со столика. На освободившіяся мѣста немедленно садились тѣ, которыя выжидали момента на кустах. Однѣ смѣняли других. Тихій уголок сада превратился в пандемоніум.

Зрѣлище захватило не только птиц, но и людей: всѣ с интересом просиживали не только часы своего дежурства, но и много других, захваченные быстрой смѣной происходившаго и видом птиц, уже не стѣснявшихся ни громкаго говора или смѣха, ни быстрых движеній рук людей в окнѣ.

Было очевидно, что птицы пришли в азарт, что их всѣх обуюло желаніе во что бы то ни стало достать приманку. Поражали их настойчивость и невѣроятное терпѣніе. Птицы страшно мѣшались одна другой

и на долю каждой доставалось очень мало времени для попытки рѣшить задачу.

Если бы их было меньше, она была бы рѣшена гораздо скорѣе. Но рѣшеніе было найдено: одна из птиц, держась ногами за шнур, на котором висѣла приманка, схватила его клювом и, подбросив его вверх, успѣла схватить ее, пока та падала вниз. Через 10 минут все стало тихо: птицы улетѣли. Новая приманка уже не привлекла такого вниманія, как прежде: рѣшеніе было найдено и интерес исчез.

Этот опыт показал многое: 1) сообразительность карравонга, настоящую “интеллигентность” его, 2) способность заинтересовываться не только добычей, а и способом добыванія ея, т. е. проявленіе настоящей изобрѣтательности, 3) высокую эмоціональность птицы: всѣ онѣ были явно возбуждены и заинтересованы чѣм-то совѣм новым. Опыт показал, что птицы — это не только летающія машины с условными рефlekсами, каковыми многіе біологи склонны их считать, но и существа, способныя к абстрактному мышленію и изобрѣтательности.

Многія птицы любопытны, многія имѣют досуг, который онѣ и наполняют занятіями в мѣру своих сил и возможностей, многія склонны к играм, — все это показывает, что птицы весьма далеки от той “машинизаціи”, которую им приписывают: у них есть зачатки и разума, и фантазіи, и извѣстных чувств. Бѣда только в том, что человек слишком уж переоцѣнивает свои способности и склонен видѣть их только у себя.

Конечно, очеловѣчиванье животных не даст вѣрной картины дѣйствительности, но еще дальше от истины принимать животных за живые аппараты. Между человеком и животными (в особенности собакой) нѣтъ непреодолимой бездны.

Карравонгов в Австраліи 6 видов, принадлежат они к двум родам: *Strepera* и *Cracticus*, из того же семейства *Cracticidae*, что и “мэг-пай”, о котором мы уже говорили однажды; родственно оно вороновым, семейству, отличающемуся умом. Держатся они главным образом (на счастье садоводов) в горах. Там же, гдѣ сады расположены высоко, и яблоки, и всѣ косточковые фруkты немедленно становятся их добычей. Зимой они собираются в огромныя стаи.

Раз я насчитал их болѣе 700 и бросил считать. Птицы перелетали по 5-6, одна за другой все в одном направленіи, покрикивая на лету. К вечеру онѣ собрались на искусственной плантаціи сосен и долго кричали до самой темноты.

Лѣтом в лѣсу, в горах карравонги очень осторожны, но с холодами спускаются в долины, охотно посѣщая города и поселенія, заглядывая в каждый двор и присматривая, нѣтъ ли гдѣ-нибудь кустов с ягодами или плодами. В это время они довольно безстрашны и подпускают к себѣ на разстояніе в нѣсколько шагов, посматривая своими зоркими золотистыми глазами. Опереніе их черное или сѣрое с вкрапленіем бѣлых перьев. Они очень интересны для опытов и забавы человека и могут быть приручены. Птица, так сказать, с “соображеніем”.

С. Я. Парамонов.

ПО «ТУ» СТОРОНУ

Скучное занятіе — читать совѣтскія, значит, партійныя газеты. Всѣ онѣ перепѣваютъ сказанное или продиктованное в ЦК партіи — “ума, совѣсти и чести эпохи”. И это самая полная гарантія того, что не найти в них ни чести, ни совѣсти, ни ума, хотя хитрости и всего остального присущаго людям без чести и совѣсти в них вполне достаточно. Много спеси, еще больше самовосхваленія, а затѣм головотяпство, глухость и подлость — неотъемлемыя качества партіи и весьма многих ея членов.

От всего этого “соціализма”, хотѣлось бы отдохнуть...

Не заглянуть ли в “Крокодил”?

Заглянул и не раскаялся. В нем оказалось новостей — не обобрался! Прежде всего: еще в декабрѣ прошлаго года тираж этого журнала был 2 милл. 900 тысяч, а в этом году сразу 4 милл. 300 тысяч. Мировой рекорд по прыжкам!

Такой “успѣх” и “Правдѣ” не дается. Ея тираж нарастает, но не миллионными же цифрами в одну новогоднюю ночь!

Но эта новость — не единственная. Слѣдующая — еще сенсационнѣй. “Крокодил” начинает принимать облик дѣйствительно юмористическаго журнала! Темы, перекладывающія отвѣтственность за порочность доктрины на спины и головы ея служителей-партійцев, такія животрепещущія как промышленность и сельское хозяйство, исчезли почти совершенно с его страниц.

Не станем портить себѣ кровь анализом таких чудес, невиданных и неслыханных. Лучше посмѣемся вмѣстѣ с нашими соотечественниками на родной землѣ, для которых и “сатирической” журнал начали передѣлывать в юмористической, и тираж значительно увеличили. Тѣм болѣе, что сотрудники у “Крокодила”, в большинствѣ случаев, просто блестящіе. Особенно, когда дѣло касается всяческих “огрѣхов”, за которыми скрывается партійная харя.

Итак, попробуем посмѣяться, пользуясь юмористикой, разрѣшенной к печати КПСС! Будем пользоваться при этом тѣм, что под руку попадется. Вот, для начала.

ХОТѢЛОСЬ КРИКНУТЬ “УРА”!

“Три года назад... на Черкапчинѣ приступили к постройкѣ бани... Конечно, баня — это не гидроэлектростанція, но и проект будущей бани

полагается гдѣ нужно и с кѣм нужно согласовать. А предсѣдатель колхоза Гиндич ни с чѣм не посчитался и баню начал строить совсѣм рядом, почти вплитык с хатой Опанаса Боднюка. А у того хата крыта соломой. Достаточно искорки, и...”

“Ясное дѣло, что товарищ Опанас запротестовал. Но предколхоза и разговаривать не стал”.

Тогда Боднюк начал жаловаться: а) в район, б) санитарному инспектору, в) пожарному инспектору, г) в область, д) в Кіев...

“Райком партіи по предложенію из Кіева спеціально занимался жалобой Боднюка и отвѣтил: “Баню построить в другом мѣстѣ”.

“Областной врач отвѣтил примѣрно то же самое... Прокурор и замѣститель предсѣдателя райисполкома были единодушны”.

Администраторы ожесточенно переписывались, а предколхоза потихоньку баньку строил, да строил. Наконец, Боднюк написал в Москву!

Что случилось в результатѣ, фельетонист не пишет. Не напишем и мы. А смѣяться будем?

“ТОВАРИЩ ДИРЕКТОР”

Этот фельетон из Липецка автор размазал на всю страницу, а смѣшного-то в нем — с Гулькин нос.

В СССР, генсек и колхозник, говорят, — товарищи, но директора все-таки бывают очень разные. Общаго между ними — титул, да то, что всѣх их очень часто вызывают на совѣщанія. Там всѣ слушают, а один докладывает.

“Доклад был зачитан на активѣ. На таких активах обстоятельно и длинно, *отлая сравненія с 1913 годом* (курсив мой. — Б. Б.), докладывают о текущем моментѣ и не порядках на заводѣ”... Это удѣл директоров понкрянистѣй, а о иных сказано: “То, что директор нацѣлился сказать, он выговаривает развѣ что дома, в кругу семьи”.

“Я уважаю законы! — сѣтует Вайнман, — но зачѣм меня толкают в лапы частника? В парикмахерской № 26 лопнула канализація. Я ходил в домуправленіе — там меня отшили. Меня отшил Водоканалтрест. В горисполкомѣ меня отшили. Тогда я дал частнику 12 рублей, он сдѣлал все в полчаса”.

“Александр Лазаревич, как всякій скромный директор, живет трудной, суровой жизнью. Производственные вопросы он выходит рѣшать в коридор. В самой конторѣ (одна чумазая комната с дырявым потолком) вопрос не рѣшить. Тут все время толпа и шум. Вопросы надо рѣшать быстро: во-первых, коридор холодный, во-вторых, пора на совѣщаніе”.

Это, как будто бы, нѣсколько смѣшнѣе?!

“ВСЕ МИМО, МИМО”

Это — коротенькое сообщеніе о том, как непрерывным потоком на “Нефтяные камни” (в Каспійском морѣ) ѣдут всевозможные ансамбли, труппы, оркестры и т. д.:

“Все было у каспійских нефтяняков для интереснаго, культурнаго, полезнаго досуга посреди моря. И только самого досуга посреди моря не было. Почти не было. На Нефтяных Камнях нефтяняки работали. Недѣля работы на Камнях, а потом недѣля отдыха дома, на берегу. Цѣлая недѣля сплошнаго досуга. Так что в морѣ “свидѣтелями вдохновенной игры артистов” являлись не столько добытчики нефти, сколько мѣстная администрація, заѣзжіе экскурсанты”.

“А добытчики нефти в это время либо спали послѣ смѣны, либо работали, либо мыкались по берегам Апшеронскаго полуострова и острова Артема. Поскольку: а) звѣзды искусств на берег не навѣдывались, б) фильмы на берегу шли старые, в) спасительный “козел” давно пріѣлся. Берег дѣятелей искусств почему-то совсѣм не манил... Развѣ можно в таких комнатных условиях “наглядно продемонстрировать крѣпнущую связь нашего искусства с рабочим классом”?”

Так дословно и сказано: с “классом”. Это в безклассовом-то обществѣ!!!

“ВИЛЫ В БОК”

Кому именно — не сказано: догадывайтесь, дескать, сами. Попробуем.

Под этой шапкой цѣлое гнѣздо — как грибов-боровиков — фактивов.

Первый из них обозначен: собраніе дефектов. “Человѣк купил “мотоцикл М-104” производства Минскаго мототелозавода”.

“Правда, в неподвижном состояніи мотоцикл вел себя вполне прилично”. Но как только его завели, “одна часть за другой стала недвусмысленно требовать замѣны”.

“В инструкціи, приложенной к заводскому паспорту, контролер ОТК, испытавшій мотоцикл, *перечислил нѣсколько дефектов, подлежащих устраненію на мѣсть* (курсив мой. — Б. Б.). Проставлены и фамиліи тѣх, кто должен был этим заняться”...

“Заняться”, однако, пришлось купившему!

“ЗАБОТЯСЬ О ПЬЯНЧУГАХ”

Извѣстно, что совѣтская власть ведет непримиримую и неустанную борьбу с пьянством. Дальше журнал передает рассказанное одной из покинутых жен-матерей.

— Прихожу за алиментами на одиннадцатилѣтнюю дочь. Дают мнѣ на 15 рублей меньше, чѣм полагается.

— Удержала в пользу вырезвителя, гдѣ отдыхал ваш бывшій супруг...

— Но при чем тут дѣвочка?

— Так не могла же я оставить ея папу без денег"(!!!).

“ПЕРЕКЛИЧКА ХИМИКОВ”

“На нѣкоторых предприятиях химической промышленности началась борьба с красными уголками...”

(На всякій случай напоминаем: это такой уголок, в котором должна непрестанно и неуспешно вестись пропаганда в пользу партіи).

“Начальник цеха Краснодарскаго химзавода (имярек) издал слѣдующее директивное указаніе:

1. Категорически запретить работу краснаго уголка перед началом смѣны;

2. Охранѣ завода открывать красный уголок с 12.00 и закрывать в 13.00”.

Актюбинскій же химзавод рѣшил, видимо — в порядкѣ соревнования, поступить болѣе рѣшительно.

“Быстренько выбросив из краснаго уголка литературу, игры и шахматы, Ткаченко (начальник центрального склада) втащил туда свой письменный стол, телефон и портфель”.

С нашей точки зрѣнія Ткаченко поступил правильно. На заводѣ положено и начальнику центрального склада заниматься дѣлом, значит, и рабочее мѣсто имѣть, а не в шахматы играть.

А вот “Крокодил”, видимо, остался этим не очень доволен.

“НОРМА ОПОХМЕЛКИ”

Послѣ планетарнаго перепоя рабочій подал своему директору “заявленіе” с просьбой выдать ему авансом на похмелье шесть рублей.

Директор, — видимо, тоже знаток этого дѣла, — послѣ недолгаго размышленія наложил резолюцію: “Бухгалтерія. На похмелье хватит и трех рублей. Выдать”.

“Крокодил” заканчивает: “Лучше не напишешь”. Согласны!

“ЗАЧѢМ РИСКОВАТЬ?”

Дѣло было так. В 1953 году “руководителям Волгоградской ТЭЦ-3 понадобилось поднять процент выполненія плана строительных работ”.

Послѣ недолгаго раздумья рѣшено было купить ни на что им не нужный экскаватор.

“Есть на примѣтѣ здоровенный экскаватор. Продают по случаю. И цѣна подходящая: 250 тысяч рублей... Только вот бѣда: он нам вродѣ бы ни к чему!

“Это четверть миллиона ни к чему? Очень даже к чему. Немедленно купить!

“Купили... Но весной 1962 года о нем вспомнили в Нижне-Волжском совнархозѣ. И ТЭЦ получила указаніе: продать экскаватор химическому заводу”.

Сколько лѣт ржавѣл он на этом заводѣ, неизвѣстно (вѣроятноѣ всего — до настоящего года), а затѣм его разобрали и сдали в металлолом.

“А если подумать как слѣдует, — продолжает “Крокодил”, — надо было выждать. А вдруг кому нибудь снова понадобится поднять процент выполнения плана или освоения средств?”.

Вот вам, читатель, и вся страница журнала в сокращенном изложеніи, без “водички”. Очень смѣшно!? Кажется, и “Крокодил” смѣется не во всѣх случаях.

“РАЗВОД ПО-КРАСНОДАРСКИ”

Жили-были супруги: Алексѣй Антонович и Валентина Прокофьевна Кузнецовы. Но вот мужа призвали в армию, а через короткое время жену... в городской суд. И сообщили, “что нѣкто Кузнецов Виктор Федорович, проживающій в Горячем Ключѣ... требует от нея развода”.

“— Но позвольте, мой муж живет не в Горячем Ключѣ, а служит в армии, и зовут его не Виктором Федоровичем, а Алексѣем Антоновичем.

— Странно, — удивились работники городского суда. — Но в дѣлѣ, которое нам прислали, фигурирует именно Кузнецова Валентина Прокофьевна, а другой такой в Новороссійскѣ нѣт. Мы в паспортном столѣ провѣряли”.

В городском судѣ на этом дѣло и кончилось, но вот прошло сколько-то времени и Валентина Прокофьевна получает “выписку из рѣшенія краевого суда”.

“Именем Россійской Совѣтской Федеративной Республики судебная коллегія по гражданским дѣлам... рассмотрѣвъ дѣло в открытом судебном засѣданіи рѣшила *брак между Кузнецовым Виктором Федоровичем и Кузнецовой Валентиной Прокофьевной расторгнуть*”.

Что ж: тут замѣтен немалый прогресс в дѣлах правосудія. Лѣт сорок пять тому назад, в Бѣлой Церкви, вмѣсто Ивана Ивановича осудили за кражу жеребенка Ивана Николаевича, но признали за ним облегчающее вину обстоятельство и снизили ему срок тюремнаго заключенія на нѣсколько мѣсяцев, так как он утверждал, что он не Иванович, а Николаевич.

Впрочем, удивляться здѣсь не нужно. Лучше почитаем тѣ перлы юридически точнаго, “заостреннаго” изложенія фактов, которыми и сегодня, как и встарь, блещет, видимо, не мало служителей совѣтской Фемиды.

Пользуемся опять “Крокодилом”.

“Возвращаясь с мельницы, мы подъѣхали к столовой. Трактор Скворцова стоял уже около столовой и пил водку. Сколько он выпил водки в этот раз, я не знаю, но он был сильно пьян”.

“Василій пояснил, что он видѣл, как неопознанное им лицо, стоявшее около лѣстницы, ударило рукой лицо, поднимавшееся по лѣстницѣ, но этих лиц Василій не опознал. (Из показаній свидѣтеля)”.

Но свидѣтельскія показанія записываются под диктовку самого судьи — кѣм-то из судейских служащих!

Чтобы не ввести кого либо в сомнѣніе, будто это единичные случаи, приведем еще нѣсколько образцов.

“Внѣшность ея была обманчивой, потому что она работала в парикмахерской”.

“Гайворонскій по состоянію на 20 сентября 1965 года от материальных цѣнностей отстранен, кромѣ капусты квашеной”.

“К дѣлу приобщены вещественныя доказательства: 35 рублей и три кубометра дров”.

“Около клуба стояли машины с картошкой. Харлампій с ними разговаривал, а я их не знаю”.

“Сначала они заняли столик и все было тихо-мирно, а потом началась драка на пять персон”.

“Очевидцы и очеслышцы происшествія подтверждают показанія моего подзащитнаго”.

Этой выдержкой из рѣчи совѣтскаго адвоката мы тут и закончим. Хорошенькаго понемножку!

“ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ”

Женщины, конечно, совѣтской.

“У нас народ трудовой, особенно женщины”.

Что и говорить! Женщины “особенно”. Это извѣстно всему міру. Доказывать здѣсь и нечего, и некому.

“Вот, представьте, сидит женщина в учрежденіи на своем трудовом мѣстѣ. А против нея начальник. Он подписывает наряды и между прочим говорит женщинѣ:

— К сожалѣнію, Евгенія Петровна, мы не сможем вам оплатить тот час, который вы использовали для кормленія грудного ребенка.

— Это почему? — удивляется та.

— Нужна справка о том, что вы дѣйствительно кормите грудью.

— А больше вам ничего не надо?

— Надо. Вторую справку, завѣренную горисполкомом, что у вас на иждивеніи четверо дѣтей...”

“Справка — это такая вещь, которая должна быть, хоть лопни. Поэтому, без долгих разсужденій, она пускается в бѣга”.

Бѣдная женщина, работающая сдѣльно и содержащая четверо дѣтей, бѣгает за этими справками цѣлых два дня и получает их только благодаря счастливому стеченію обстоятельств. Фельетонист на описаніе ея хожденій по мукам потратил болѣе полустраницы журнала, очевидно, только для того, чтобы смѣшнѣй выглядѣло. У нас столько мѣста нѣтъ. Поэтому скажем коротко. Самое смѣшное в этом дѣлѣ то, что справки — по закону — вообще оказались ненужными, а кромѣ того — года три тому назад, партией и правительством, было издано строжайшее распоряженіе сократить количество требуемых справок до предѣльнаго минимума.

Послушались!

“ОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА”

В началѣ этого обзора мы упомянули о том, что со страниц “Крокодила” исчезли матеріалы о промышленности и сельском хозяйствѣ, но к этому слѣдует внести поправку.

Исчезли нападкы на колхозников, зато иногда появляются нападкы и издѣвательства... над системой.

“В колхозѣ имени Суворова Винницкой области произошла странная бѣда.

— Нам запланировано засадить капустой шесть гектаров. А вытянем ли?

— Вытянем. Народ у нас сознательный, работающій.

— Насчет этого я спокоен, — продолжает бригадир. — Что будем дѣлать, если дожди во-время пойдут, да урожай нагрянет?

— Тогда, конечно, бѣда”.

В прошлом году, как выясняется из дальнѣйшаго, земля под капусту была приготовлена — не надо лучше. вмѣсто ожидавшихся с гектара 200 центнеров получили по 800!

“Но, оказывается, легче добиться рекорднаго урожая, чѣм продать его. Заготовительные органы наотрѣз отказались закупить всю предложенную продукцію. Они свой план уже выполнили и баста!”.

По сосѣдству, собрав хорошій урожай прекрасной украинской вишни, не получили вагона для отправки ея в Москву. Повезли ее на плодозавод. Не приняли ягоду и там.

“Повезли ягоды назад. А солнце печет. А машина трясет. А вишня все-таки не швеллерное желѣзо. Вечером на шоссе выбѣжали собаки. Онѣ жадно лизали густой вишневый сок, струившійся по гудрону”.

Дальше — подзаголовок: “Все как положено”. А под ним красочное описаніе того, как “районный уполномоченный” довольно хамовато

располагается подготовкой “семинара председателей колхозов”. “Всё приготовления сводятся к тому, чтобы из семинара сдѣлать самую неподдѣльную *показуху*”.

Затѣмъ разсказывается о том, как в колхозах кузнецы из бывших крестьян, теперь именуемые умѣльцами, мастерят из чего Бог послал “бороны и другія простѣйшія орудія обработки почвы, которых пока явно не хватает”.

Этот фельетон напечатан в мартовском номерѣ журнала. И может быть именно по этой причинѣ самаго “смѣшного” фельетонист не мог написать.

Оно в том, что по сообщенію американскаго агентства ЮПИ в Москвѣ недавно заключено соглашеніе между СССР и Франціей на поставку в нашу страну французской пшеницы в количествѣ 400.000 тонн.

Вот это, дѣйствительно, “смѣшно”. До слез.

“ОХОТНИКИ-ГАЗОЛОВЫ”

“С нѣкоторых пор у одесской организациі охотников и рыболовов буквально отбоя нѣтъ от желающих влиться в мощные ряды членов общества. И что примѣчательно: особое рвеніе проявляют, как ни странно, женщины. Онѣ требуют, чтобы их приняли в члены общества незамедлительно, без всяких проволочек... “Примите нас в члены общества, иначе семьи будут голодать”.”

Ничего таинственнаго в этом нѣтъ.

“Женщинам хочется поскорѣе обзавестись всемогущей книжицей члена общества. Ибо лишь по предъявленіи этой книжицы одесситам предоставляется право зарядить обычную портативную газовую плитку. И то, надо учесть: даже при наличіи удостовѣренія заправить плитку можно лишь в одном — единственном на всю Одессу — мѣстѣ. ...Правда, чтобы покончить с этим безобразіем, можно и газовыя плитки отнынѣ продавать исключительно организованным охотникам и рыболовам”.

“РОМАНТИКА ПРЕОДОЛѢНІЯ”

“Проявляя неустанную заботу о людях, руководство совхоза (имярек, адрес) создает всѣ условія, чтобы дать им возможность даже в быту не отвлекаться от преодоленія трудностей. К услугам рабочих, живущих в общежитіи, полное отсутствіе тумбочек, зеркал, утюгов и вѣшалок для одежды. Казалось бы — мелочь. А все же пріятно: создает трудности. Есть что преодолевать”.

Мы бы тоже могли “преодолевать”, перечисляя все то, чего еще в общежитіи нѣтъ, да у нас на это мѣста не хватит.

“С КИСТОЧКОЙ”

Письмо из Рязани так коротко и так содержательно, что мы его приведем почти без сокращений и совсем без комментариев.

“Мы прочитали на твоей доскѣ объявленій такое сообщеніе:

“Пятигорскій машиностроительный завод приглашает на работу *инженеров-конструкторов*, имѣющих опыт работы *маляров*”.

“Мы, конечно, понимаем, что авторы этого объявленія просто неудачно выразились. Зато нашим станкостроительным заводом накоплен солидный опыт использования инженеров-конструкторов на малярных работах.

“Четыре года подряд, особенно в концѣ мѣсяца, техники и инженеры, смѣнив карандаш на наждачную шкурку и малярную кисть, драят и красят станки”.

Подписано: “Инженеры-конструкторы-маляры Рязанскаго станкостроительнаго завода (всего 61 подпись)”.

“КУРАМ НА СМѢХ”

Замѣтка, присланная из Краснодара, начинается так:

“К ночи дождь усилился, шел сплошной стѣной, холодный, нескончаемый... по улицѣ Мира не стѣша катила поливочно-моечная машина. Мощныя струи воды, вырываясь из сопла, широким вѣером перекрывали проѣзжую часть, смѣшиваясь с дождем. Ночной город поливался и с неба, и с земли. В ту же минуту, пересѣкая улицу Мира, двигалась вторая автоцистерна, которая так же фонтанировала на всю проѣзжую часть улицы. Под хохот прохожих водитель кричал своему собрату:

— Хватит, Николай, народ смѣшить, айда по домам, глянь, какой ливень шпарит.

— Ты что, прогрессивки хочешь лишиться? Завтра же получка. Нѣт, давай, друг, валяй дальше”.

Оказывается: заведен такой “порядок”. В любую погоду: в дождь, снѣг, град, улицы приказано поливать. А спрошенный по этому поводу соответствующій “директор” заявил:

— Конечно, мы вполне можем измѣнить существующіе порядки в автохозяйствѣ. Но только надо, чтобы горисполком вынес свое рѣшеніе”.

Хороши “порядки”, хорош и “директор”, не имѣющій права или, может быть, желанія замѣнить одну директиву иной...

“МНОГОЛѢТНИЙ ОТСТОЙ”

Вы хотите знать, дорогой читатель, что такое социалистическое хозяйство? Пожалуйста. Вот для вас специальное и авторитетное разъясненіе партійнаго “Крокодила”.

“В Цѣлинном краѣ не хватало пива. Поэтому в 1961 году было вынесено рѣшеніе построить в краѣ пять заводов”.

Запомнили, читатель? В 1961 году! А в 1966 “Крокодил” помѣщает фельетон, названіе котораго нами приведено выше. Вот что в нем написано.

“Дивныя бумаги с горячими завѣреніями тѣм временем пришли в республиканскій потребсоюз. И там рѣшили, что раз имѣются завѣренія, значит есть и завод. Тут же недостроенному пивгиганту спустили планы реализаціи продукціи на сумму в 1,2 милліона рублей. Распредѣлили, какіе районы в 1965 году переводятся на новое пивное довольствіе, куда и на что пойдут пивные доходы.

“А доходов не было. Потому что не было пива. А оно отсутствовало потому, что не существовало завода. Были убытки и было шесть пивоваров...”

“НЕ К НОЧИ БУДЬ СКАЗАНО”

Раз уж ознакомились с хозяйством, ознакомимся и с хозяйственниками. Для этого тот же номер “Крокодила” предподносит нам готовый матеріал.

“Гуманисты мы, или, извините за рѣзкость, не гуманисты? — воскликнул предколхоза”. (Имя, отчество, фамилію, должность и почтовый адрес, нас не интересующіе, опускаем).

Возглас этот, по свидѣтельству фельетониста, раздался на колхозном собраніи. — “Гуманисты! — единогласно подтвердили колхозники, хотя значеніе слова и не было очень чтобы уж понятным. А потому оратор пустился в поясненія.

— Коли так, нужно нам, в концѣ концов, рѣшить вопрос о дебиторах. Дебиторы — это, попросту говоря, должники. То-есть люди, которые в разное время и по разным поводам брали у нас деньги, и до сих пор не возвратили. Так вот, среди наших дебиторов есть люди престарѣлые, есть вышедшіе на пенсію, а есть даже умершіе. Так неужели мы, гуманисты, будем взыскивать с них долги?! Не знаю, как у вас, а у меня рука не поднимается”.

Ни у кого тоже не поднялась. Списали! А когда списывали, то и вѣдомость, понятное дѣло, составили. А в вѣдомости на роли дебиторов оказались и сам предколхоза (821 рублишко списано), а наряду с ним и еще нѣсколько “власть имущих” в колхозѣ.

Дальнѣйшее содержаніе фельетона еще куда смѣшнѣе. Тут описано, как другое колхозное собраніе было занято рассмотрѣніем вопроса о своем предсѣдателѣ, который

“из-за проклятущей разсѣянности, путем различных махинацій растратил 1934 колхозных рубля. Из-за нея же скрыл в государственной отчетности падеж 232 свиней. Опять же из-за нея допустил хищеніе 4771 рубля, за что бухгалтер, бригадир и кассир привлечены к уго-

ловной ответственности. Сессия сельского совета и должна была дать свое согласие на то, чтобы депутату (он же предколхоза) была представлена возможность занять вполне заслуженное место рядом со своими бывшими подчиненными”.

“Вот тогда-то Григорий Семенович и нанес коронный удар собственным кулаком в собственную грудную клетку. Раздался спасительный треск... В результатъ: “Отказать в дачѣ согласія на привлеченіе к судебной ответственности Козуба”. Создалась забавная ситуация, при которой нельзя судить и остальных расхищителей: вѣдь все дѣлалось при прямом попустительствѣ Козуба”.

Фельетон продолжается все в том же духѣ, только с новыми героями воровских подвигов.

Но нам придется теперь отказаться от утвержденія, что в “лагерѣ социализма” царит беззаконіе. Есть законы, да еще какіе!

Колхозники имѣют законное право собираться на “сессіи” и не выдавать судебным властям своих проворовавшихся председателей! Иммунитет — ничего не подѣлаешь!

“А НЕ ВОР ЛИ ВЫ, ДОРОГОЙ ТОВАРИЦЪ?”

Сократить эту замѣтку (надо полагать — тоже юмористическую) чуточку можно, а пересказывать невозможно. Уж очень она “смѣшна”...

“Неподалеку от дома, гдѣ я живу, есть большой магазин канцелярских товаров... (который) слишком часто выбрасывает вымпел “Закрыто на учет”... Выясняю, что до недавняго времени учет товаров в магазинѣ производился каждые три мѣсяца. При чем такой учет требовал пяти дней... Теперь такой запланированный учет проводится каждые шесть мѣсяцев, то-есть два раза в год. Но!.. еще два раза он проводится в связи... с уходом директора магазина в отпуск и в связи с возвращеніем его из такового. Совершенно ясно, что эти двѣ провѣрки производятся только с одной цѣлью: убѣдиться, что директор и его зам не являются ворами”.

Слѣдуют весьма несложныя арифметическія вычисленія и устанавливается, что государство терпит от этого годовой убыток в 35.000 рублей.

“И вѣдь в странѣ не один такой магазин”, — с явно звучащим плачем вмѣсто смѣха заканчивает фельетонист.

И как хорошо для него и его здоровья, что он, бѣдный человек, не стал вспоминать всю “совѣтскую” торговлю и всю экономику страны. Умер бы смѣясь!

“НАУЧИТЬСЯ СЧИТАТЬ НЕ ТОЛЬКО СВОИ ДЕНЬГИ”

“Недавно сажусь в такси. Шофер злой, как стая волков. Спрашиваю, что случилось?”

Случилось, оказывается, то, что случается ежедневно, ежечасно, на всѣх предпріятіях, производствах, во всѣх управленіях, с министерствами и госкомитетами по дѣлам (всяческим) во главѣ, буквально по всей “странѣ социализма”. Шофер, чтобы получить со склада новый аккумулятор, затратил “больше двух часов, лоя четверых или пятерых начальствующих лиц”, без подписи которых ничего со склада получить вообще нельзя.

— Вѣдь всѣ эти визы придуманы для того, чтобы мы или кто-то еще не украл тот аккумулятор. Но вѣдь пока я за этими визами бѣгал, я бы мог заработать государству как раз цѣну этого аккумулятора! Вот же гдѣ главное безобразіе...”

Совершенно вѣрно: безобразіе, насажденное партійным “умным” управленіем.

А из дальнѣйшаго выясняется, что “ум” этот партійный завел не только безпорядочные порядки, но и насадил соотвѣтствующих исполнителей.

“Я посоветовал таксисту рассказать этот примѣр на ближайшем профсобраніи, но он махнул рукой:

— А! Ничего не поможет. Так было, так будет...”

Шофер, очевидно, человекъ несознательный и к “умникам” не принадлежит. А автор замѣтки тоже какой-то странный человекъ. Пишет дальше:

“Почему-то на автострадѣ Москва-Симферополь, вдалекѣ от мѣсторожденій нефти, перед водителями автобусов, грузовиков и легковых машин вдруг возникаютъ громадные плакаты, с которых строгій мужчина, указуя пальцем, требует: “Больше нефти родинѣ!”

“Все правильно, — замѣчает автор, но водитель-то в настоящую минуту может только одним способом удовлетворить приказу: остановить машину и дальше слѣдовать пѣшком”.

“Оказывается, и разумные плакаты надо развѣшивать с разумом”...

Дѣльное соображеніе, но “ученаго учить только портить”, а уж “умнаго” вообще научить ничему нельзя.

В доказательство приводим еще один фельетон. Сколько лѣт в “лагерѣ социализма” идет борьба с бракодѣлами — сказать невозможно, а толк?.. Толк вот, на тѣх же страницах.

“УЫЕ ХОТКИ”

Вот, вот. Именно так и напечатано: “уые хотки”. Что это значит?! Сейчас узнаем.

“Наш читатель... купил зубную щетку. Вот что случилось потом”.

. . . . .

“В редакцію вошел взволнованный мужчина и сказал:

— Ге у ас пімаю акованне уше хотки?

Мы переглянулись.

Иностранец — это ясно. Видимо, претензіи по лінії “Интуриста”. Язык только непонятно какой: “Ге у ас ут”... Может, англійскій?

— Вы инглиш?

— Хако ам іш! Акоанняя уыя хотки!..

— Что он бормочет?

— Уыя хотки. Хотки! — гаркнул мужчина. Глаза его дико сверкнули, а изо рта посыпалась щетина.

Видимо, припадок.

Принесли стакан воды. Мужчина пить не стал. Он прополоскал рот, сплюнул и произнес:

— Гдѣ у вас тут принимают бракованныя зубныя щетки, я спрашиваю?

Слава Богу. И не припадок, и не по лінії “Интуриста”.

— Не волнуйтесь, товарищ, разберемся. Вам попалась плохая щетка? Может, это просто случайность? Единичный случай?

Мужчина вынул из кармана пригоршню бѣлых миниатюрных щеток и предложил:

— А ну, почистите-ка сами.

Мы взяли по одной и с минуту чистили зубы. Потом я спросил:

— Е у их яи, акое баахло?

— Юньте, я е онаю.

— Хто?

— Юньте, авою!

Я плюнул.

— Гдѣ вы их взяли, такое барахло? Кто их дѣлает?

— Охкохкая хабика уых хоток.

— Плюньте, говорю.

Он плюнул.

— Московская фабрика зубных щеток. 2-я Поклонная ул. Дом 14 а.

Сотрудники отплевывались. У всѣх першило в горлѣ. Застрявшій в зубах волос неприятно щекотал язык.

— Акофлы, — сказал кто-то.

— Хто?

— Бракодфлы”.

В редакціонном примѣчаніи, довольно объемистом, поясняется, что виновата, собственно говоря, совсѣм не фабрика, а тѣ, кто поставляет недоброкачественный материал. А тѣ тоже не виноваты, потому что доброкачественного в странѣ не существует. Так что никто не виноват.

В Совѣтском Союзѣ виноватых никогда и нигдѣ среди партійных бюрократов не бывает. И это, пожалуй, самое смѣшное.

“МОЯ РЕКЛАМА”

Так названа новая рубрика журнала. Ее обойти молчаніем тоже нельзя. Вот примѣр.

Реклама на три этажа величиной: “Покупайте пуговицы”. А под рекламой, на улицѣ, остановка автобуса. В него с боем лѣзут, давая друг дружку, пассажиры, а мостовая усеяна оторванными пуговицами.

Или еще позадеристѣй. Из зданія воднаго института выходит опечаленная русалка. Она “не прошла по конкурсу”. В руках у нея лист с плохенькими отмѣтками по таким предметам, как: рыбоводство, плаваніе, теорія волны, глубиновѣдѣніе, водоросли, ракушковѣдѣніе и т. д. А через окно видна комиссія срѣзавшая русалку. Это: лев, лисица, слон, осел, свинья, заяц, мышь и ни одной хотя бы “водоплавающей птицы”.

И ТѢМ НЕ МЕНѢ...

Есть все-таки чему посмѣяться. Карикатура: на сани, запряженные клячей, нагружен сильно разбитый автомобиль. Впереди красный сигнал. Пострадавшій говорит возницѣ: “Только умоляю, ради Бога, не надо ѣхать на красный свѣт”.

Еще одна. Стол и пол завалены всевозможными словарями и справочниками. Отца, разъяренного, держат за руки двѣ женщины. Перед этой группой стоит невозмутимый джентльмен лѣт трех. Отец кричит: “Еще одно его “почему” и я за себя не ручаюсь”.

Это, безусловно, пріятная новинка. Раньше этого было и не видать, и не слышать.

“НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ”

Это уж и не такая новость. Но “борода” у ровесниц “великаго октября” не настолько отросла, чтобы перестать быть интересной “новостью”. Новость эта — “совѣтскій” язык. Печатается в рубрикѣ: “нарочно не придумаешь”.

“Постановили: по предложенію предсѣдателя колхоза оштрафовать С.П.Е. на пять трудодней за оскорбленіе членов правленія, назвав их остолопами”.

“Поскольку (имярек) присвоил подотчетныя государственныя деньги в суммѣ 2.027 рублей, полученныя для закупок птицы у населенія, выдать ему 800 рублей колхозных денег для покрытія похищенных сумм и выдѣлить общественнаго защитника в нарсудѣ”.

Нѣтъ! Это не тот колхоз, гдѣ “остолопы”. Другой!..

Но и редакціи совѣтских газет не всегда свободны от таких чловѣчков.

“Зимняя спартакиада. Виды: хоккей с мячом, волейбол... стрельба, сбор членских взносов. Первая группа выступает по всѣм видам, вторая — по 7 видам. Из них 4 обязательных: лыжи, коньки, внутрицевовыя соревнования, сбор взносов”.

(Из многотиражной газеты “Искра”).

Но и совѣтскіе администраторы вполне достойны своих журналистов. Приведено объявление, вывѣшенное в автобусѣ г. Донецка.

“Водителю размѣн денег запрещен! Размѣнная монета находится у водителя!”.

Можно ли послѣ этого удивляться тому, как пишут обыкновенные смертные, вкусившіе “совѣтской культуры”?

“За неимѣніем пробок, аптека отпускает всѣ жидкія лекформы в посудѣ лишь околпаченной”. Помѣчено: г. Новосибирск.

“Пайщики быка! Просим быку нести сѣно, картофель и деньги”.

“Слушали о гибели барана. Постановили единогласно: списать барана, поскольку он дурной, неразвитый, отставал от стада, бродил куда угодно, и сгубился, и пропал”. Уж добавили бы, для полноты: социально-чуждый, идеологически невыдержанный.

Полагается, вѣдь, и “концовка”. Вот она. “Первый хлѣб! Кому, скажите, из вас не приходилось съѣсть ломоть новаго урожая? Как он чудесно пахнет солнцем, молодой соломой, а главное, комбайнерскими руками, пропитанными керосином”. Это тоже из “газеты”. Называется “Сельская новь”!

Б. Борисов.

И С П Р А В Л Е Н І Е

В прошлом выпускѣ “Возрожденія” (№ 175) на стр. 82, в статьѣ Э. Райса, из-за перепутанных строк два мѣста стали непонятными.

5-ый абзац сверху должен начинаться словами:

Конечно, как и многіе другіе философскіе термины, “авангард”

Напечатанная вмѣсто этого строка (*Конечно, революціонерам бы хотѣлось, чтобы за их куцой идейкой*) должна стоять в началѣ 3-го абзаца снизу (послѣ слов: *Не существует идей раз навсегда передовых или реакціонных*).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

ИРИНА САБУРОВА «СЧАСТЛИВОЕ ЗЕРКАЛО» —
НИНА ФЕДОРОВА «ЖИЗНЬ»

1. — Ирина Сабурова «Счастливое Зеркало». Изд. автора. Мюнхен, 1966 г.

Сказка, чудесное, или со сказкой и с чудесным граничащее, всегда казалось, и продолжает казаться, Ирине Сабуровой особенно привлекательным и болѣе прочным чѣм сама дѣйствительность. Настолько она в этом увѣрена, что не видит надобности “подпираяться” авторитетом и почти неохотно, в видѣ нѣкоей уступки общепринятым правилам, ссылается на слова Л. Н. Толстого: “гибли культуры и цивилизации, гибли народы и государства, а сказки переживают тысячелѣтія”. В Германіи 1945-1947 гг. — послѣ неукоснительных бомбардировок, когда кругом все еще чуть-что не дымилось, все было разворочено или свернуто штопором, мысли о “гибели цивилизации” могли приходиться на ум в довольно естественном порядкѣ. Особенно тѣм, которым пришлось, для спасенія своего, бѣжать из земель, гдѣ истребленіе цивилизации длилось уже не один десяток лѣт и гдѣ оно, в эти годы, принимало облики чудовищныя. Всяческія, неожиданныя, удивительныя, можно почти сказать “вѣщія” встрѣчи, разлуки, совпаденія и исчезновенія, перемѣны и смиренныя ожиданія, напрасныя усилія и невообразимыя находки и извѣстія со всѣх сторон подстерегали сотни тысяч выбитых из колеи, куда-то и откуда-то бѣжавших, брошенных на произвол судьбы людей. Кругом — развалины. От уходящей корнями в средневѣковье старой Германіи, Германіи романтической, Германіи музыки, науки, вѣрованій, искусств, той, у которой до Бисмарка, Вильгельма Второго и Гитлера была прочно установленная репутація одного из главных очагов культуры, на первый взгляд не остается ничего. Но Ирина Сабурова подсмотрѣла в хаотическом этом нагроможденіи неподвластные теченію времени, безразличныя к внѣшним измѣненіям образы — и образы эти “сказочны”. — “Сказки живут и существуют во всем, их видят еще, слава Богу”, говорит один из ея героев, поясняя собесѣднику-скептику, что ничего нѣтъ общаго между мечтой о коврѣ-самолетѣ и реакторным аэропланом, и что “если бы так было, то не стоило бы (сказкѣ) переживать тысячелѣтія”... “И не отмахивайтесь, пожалуйста, — обращается она к читателю. — Почему можно проповѣдывать и защищать какіе угодно измы, а сказку

— нѣтъ? Тысячи лѣтъ тому назад проповѣдывались другіе и от них не осталось ничего, а вот сказки тѣх времен живы и понынѣ”.

Нельзя, конечно, присвоить описаніям Ирины Сабуровой, собранным в “Счастливом Зеркалѣ”, качества переживших гибель сказок, да и не входило это, самоочевидным образом, в ея задачу. Но что тут и там, умѣренно и умѣло, она подчеркнула и то “сказочное”, что не поддавалось разгрому, — древнія стѣны домов, церкви, замки, мосты, мебель, ограды, имена, вообще, памятники времен рыцарских, феодальных, потом романтических, и тѣ, граничащія с чудесным, совпаденія, в которых, иной раз, привела необходимость, в поисках спасенія, бросить насиженные мѣста и пуститься в неизвѣстность, — лишній раз подтвердило ея своеобразную тональность.

Но, конечно, дѣлая такіа замѣчанія мы касаемся только общей характеристики манеры писать Ирины Сабуровой и особаго склада ея мыслей. И если ея тексты им “окрашены”, то они, все же, остаются разсказами о страшных военных и послѣ-военных годах и всем том, чего ей, и ея персонажам, пришлось быть свидѣтелями и участниками. Все читается с равным интересом.

“Много было в тѣ годы таких исторій” — замѣчает Сабурова, и о многом из того, что попало в ея поле зрѣнія, она, разумѣется, не разсказала: для этого нужны, вѣроятно, десятки томов. Но вот исторія “Счастливаго Зеркала” — перваго в сборникѣ разсказа, давшаго, как то положено, название всему сборнику — подводит читателя ближе других к тому “чудесному”, из чего могла бы сложиться нѣкоего рода легенда. Героиня: Нина Бертрамовна фон Ратибор, рожденная Свенхольм. “Ратиборская сказка” — записывает Сабурова, глядя в мюнхенской Пинакотекѣ на портрет Маріи, королевы Венгріи, Ганса Крелля (1754 год). “Свенхольм! Мало ли в чьих жилах не течет шведской крови от викингов? Если порыться в хрониках и архивах, в вѣках”... Может быть, конечно, между Ниной Свенхольм и королевой, случайное сходство. Но может быть... все может быть. Какая-то частица чудеснаго, какое-то приближеніе к сказочному, не поддающемуся времени, переживающему гибель народов придает разсказу-повѣсти “Счастливое Зеркало” особенное, Сабуровское настроеніе.

Зеркальце — узкій овал в кованой рамкѣ — случайно доставшееся Нинѣ Бертрамовнѣ, дало автору повод ввести в повѣствованіе подлинную сказку об умной королевѣ, принцессѣ и феях. Оно не отразило счастья мимолетной встрѣчи, — было в тот день запылившимся, запотѣвшим, почему-то тусклым. Но “настоящую радость”, когда случайное миновало, оно отразило “до послѣдней черточкы”, и позволило героинѣ сказать, что она “вѣрит в сказки и сама сказку не раз в жизни видѣла”, а автору, которому героиня предложила искать конец этой сказки, написать: нѣтъ, я не буду придумывать...

Героическое завершеніе “Эпизода” с темами сказок, и вообще с чудесным, в прямой связи не стоит, но разсказ этот — пусть и шпионо-авантюристическій — интересен умѣлым расположеніем до-

вольно рѣзкими штрихами обрисованных характеров, и жутким сочетаніем чувства и сознанія долга.

Зато рассказ “Лагерная Богоматерь” — чудесным пропитан, при том так тонко, что оно совсѣм чудесным не кажется. Рѣчь идет о Варварѣ Рядовой, ничѣм не отличавшейся, ни красотой, ни характером, ни талантами. “Большія огорченія, маленькія радости, ежеминутные уколы, страх — сѣренькая, рядовая жизнь”. Едва она кончила гимназію, как началась революція и потом все, “даже если и было что хорошее, проходило безтолково”. Война, случайное бѣгство в Берлин, случайное бѣгство из Берлина в деревню, куда совѣтчики не добрались, и боль в боку, который “тянет и жмет”. Настолько всего радостнаго эта покорная, смиренная, безотвѣтная женщина лишена, что только ей и остается “погладить думку на ночь, думку под щекой, рассказать ей все-все и помолиться, и уснуть”. Потом, в американском лагерѣ, совсѣм больная — раковая опухоль так разраслась, что и оперировать было не к чему, — она встрѣчается с художником, тоже приговоренным к смерти той же болѣзью, который ей дает нарисованный им образ Богоматери, ее необыкновенно поразившій. И она рѣшается, собирая гдѣ и какой может матеріал, на случайном мѣшковом холстѣ вышить этот образ, и с такой это дѣлает любовью, не отдавая себѣ даже отчета в том, насколько свят ея смиренный труд, что для всѣх — это оказывается чѣм-то вродѣ чуда. Коля, сын сосѣдки Варвары Петровны, прибывшій холст к стѣнѣ, постоял перед ним и “сдернув с головы пилотку, с которой и ночью не разставался, — сосредоточенно перекрестился и сурово сказал: “Ее в церкву надо. Она смотрит”. А профессор, дѣлавшій ей уколы морфія, произнес: “Н-даа... Я не знаток, но... и не в знаніи дѣло. Тут особыя слова нужны. Нужно, знаете ли, видѣть... чтобы такое увидѣть сумѣть”. Уходя он — по стариковски — поцѣловал ей руку. “Варварѣ Петровнѣ никто никогда не цѣловал руки. Она смутилась до слез”.

“Я рассказала здѣсь только об одной безымянной, — заключает Ирина Сабурова, — имена которых собирает Бог”.

Сама правда подсказала все, что нужно для сказки. И для какой! Конечно, крестик на могилѣ Варвары Петровны покосился, да может быть его и вообще больше нѣтъ. Но лучшаго вѣнка на этой затерянной могилѣ, чѣм то, что написала Ирина Сабурова, быть не может.

“Подарок Антиквара” выдержан в стилѣ схожем со “Счастливым Зеркалом”, и в текстѣ этом много вниманія удѣлено тому, что автор русскими глазами увидал в Германіи. Повѣствованіе замысловатое и требует — чтобы быть полностью оцѣненным — сосредоточенности.

Это — впрочем — относится вообще ко всему сборнику, больше того: ко всему, что пишет Ирина Сабурова. Любители развлекательнаго, не требующаго от читателя никаких усилій чтенія, в книгах Ирины Сабуровой, в частности в “Счастливом Зеркалѣ” удовлетворенія не почерпнут. Язык тоже далек от “как можно болѣе простаго изложенія”. Но, думается нам, и сюжеты, и характеры, и сочетанія, и самые

замыслы Ирины Сабуровой от “простоты” не выиграли бы. Наоборот — проиграли бы. Амальгама чудеснаго, сказочнаго, созвучаніе голосов подслушанных в глубинѣ вѣков с “атональной какофоніей” — если не принять мѣр предосторожности и не найти нужной пропорціи, — могли бы породить что-то близкое и издѣвательству. Конечно, о “модернѣ”, — “мечтѣ, воплощенной в кнопкѣ рычага реактивнаго самолета”, Сабурова отзывается без снисхожденія, и “скульптура без формы, поэзія без музыки, музыка без гармоніи” равны, для нея, “жизни без смысла”. Но насмѣшки в доступных всѣм оцѣнках этого автора нѣт. Нотки печали, может быть даже сокрушенности, что-то похожее на горе, от котораго автор стремится укрыться за образами сказок, — продолжают быть характерными для ея творчества.

2. — Нина Федорова «Жизнь». Роман. Книга 2. Изд. Камкина. Вашингтон, 1966 г.

В первой части романа “Жизнь” — о которой нам пришлось писать в № 154 нашего журнала — Нина Федорова отвела преимущественное вниманіе обездоленным, в частности, почти нищей прачкѣ вдовѣ Бублик и ея дочери Варѣ, надѣленной большими способностями, благодаря которым, и не взирая на неимоверныя препятствія и трудности, на горе и на болѣзни, ей удастся не только кончить гимназію, но еще получить медаль. Нѣкоторую помощь Варѣ оказывают в семьѣ богатаго генерала Головина, с дочерью котораго Варя даже вступает в извѣстную дружбу. О Головиных Н. Федорова пишет, что “они имѣли все, что еще древніе философы считали необходимым для земнаго счастья: здоровье, доброе имя, тѣлесную красоту, душевный покой...”. Соприкосновеніе с этим бытом, соверщеніе этой полной чаши поспособствовало, конечно, тому, что Варя Бублик соскользнула в сторону революціоннаго социализма, вступила в партію и приняла участіе в подпольной работѣ.

Теперь, во второй части, Нина Федорова рассказывает о драматически завершающемся романѣ дочери генерала Головина Милы, протекающем в обстановкѣ богатства и роскоши, — и если нельзя сказать, что налицо противопоставленіе всему описанному в части первой, то все-таки нѣкоторое, так сказать, смѣщеніе ударенія очевидно. Повѣствованіе доведено почти до революціи и в послѣдних главах перемены в повседневном существованіи, растущія трудности, нѣкоторыя трещины в быту и даже в сознаніи дѣйствующих лиц говорят о неотвратимости крушенія, хотя нигдѣ, даже с приближительностью, облик его не обрисован. Оно, как бы, разлито в воздухѣ, но каким оно будет — никто не угадывает, и в этом заслуга автора, который, когда писал, знал, что и как случилось, но не поддавался искушенію присвоить своим персонажам ни малѣйшей интуитивной прозорливости. Они подходят к рубежу с нѣкоторой наивностью, так, как дѣйствительно всѣ, в эти

мѣсяцы, к нему подходили: очевидно прочным и незыблемым казалось прошлое и очертанія того, что произошло, были попросту невообразимы. Самые вопросы, казалось, задавались не грядущему, а уходящему. — “Это я была так счастлива?” — спрашивает себя главная героиня Мила, и конюх Кузьма, примѣнительно к вновь поступившим тревожным извѣстіям, выражает, приблизительно, ту же мысль в словах: “Хоть гирише, абы инше”.

Все это относится к заключительным главам. В чем первопричина внутренняго надрыва, почему, в отвѣт на трудности и неудачи, не послѣдовало всеобщаго волевого усилія, не возникла потребность сплотиться и побороть бѣду, автор не говорит. Возможно, что о том, в чем он усматривает внутреннюю и сокровенную первопричину развала, будет рассказано в третьей части, в которой, насколько позволено судить, рѣчь пойдет о мѣсяцах и годах революціонных, о своего рода “очной ставкѣ” между тѣм, что обусловило жизненные этапы генеральской дочки Милы Головиной и дочери нищей прачки Варвары Бублик.

Об этом скажем в свое время.

Здѣсь же, в части второй, — Нина Федорова рисует — как это всегда было в ея манерѣ — широкими штрихами высшее общество большого провинціального города, по преимуществу военной его части. Самый роман Милы, подготовка ея свадьбы с поручиком Мальцевым, драматическая развязка (убійство поручиком Мальцевым командира полка, причины котораго остаются в нѣкоторой тѣни), всѣ сложныя, одна за другую цѣпляющіяся, одна другую порождающія интриги и каверзы переданы с тщательностью, с надлежащей настойчивостью, порой очень досконально. Разнообразіе характеров и вводные эпизоды (напримѣр, рассказ о своей жизни одной из героинь, Саши, отец которой, военный и казначей, пал жертвой гипертрофированной страсти к азартной игрѣ, или исторія замерзшаго кучера, или драма покончившаго с собой из-за любви к недоступной красавицѣ телеграфиста и его письма, опубликованнаго в мѣстной печати, или извѣденная завистью авторша анонимных посланій, отвратительная портниха Полина, или поѣздка Милы в Петербург, к будущей тещѣ, вдовѣ богача, маниакальнаго коллекціонера часовых механизмов) придают тексту большое разнообразіе, дѣлая его, в извѣстном смыслѣ, многогранным и многоцвѣтным. Но не в этой многогранности и многоцвѣтности кроется сущность второго тома романа “Жизнь”. Его ось — это соприкосновеніе между избалованной и готовой, в естественном порядкѣ, принимать непрерывный поток счастья и радости дочкой генерала Милы, и Варварой Бублик, уже завершенной, но пока еще тайной революціонеркой-марксисткой.

К услугам эс-дѣчки Варвары Бублик Головины обращаются по разным поводам: для того, чтобы сопровождать невѣсту в ея поѣздкѣ в столицу и потом — и это в особенности — когда, послѣ драматической развязки, Милѣ становится нужной моральная поддержка. Убѣжденная материалистка Бублик, соглашаясь на помощь, не забывает о

заработкѣ. Выслушав предложеніе приходить к своей подругѣ по вечерам, когда ту охватывает особенно острая тоска, Варвара говорит:

— Плата будет по часам и в том же размѣрѣ, как за урок алгебры.

Своеобразной, надо сказать, была аргументація, к которой прибѣгла Варя, чтобы утѣшить свою подругу!

В свое время — нищей дѣвочкой — она обратилась с пламенной молитвой к Николаю Чудотворцу, прося его помочь ей поступить в гимназію. Хотя никакого знака о том, что молитва ея была услышана, на ликѣ Чудотворца Варя разсмотрѣть не смогла и хотя, из-за вмѣшательства церковнаго сторожа, дѣвочкѣ, заподозрѣнной им в воровствѣ, пришлось бѣжать из церкви и, — шипет Н. Федорова, — она “впредь уже не будет молиться”, чудо все-таки совершилось и Варя получила образованіе. Но в основу какого оно легло міросозерцанія! Ленин с Ярославским и с Демьяном Бѣдным, и тѣ могли бы ей позавидовать!

Милѣ Головиной, самое себя называющей “жалкой жертвой обманутой любви” и которая себя увѣряет, что ей только и осталось, что “лежать и по часам принимать лѣкарство”, что надо “закрыть окна и опустить завѣсы”, что “довольно развлекать своими приключеніями город и его обитателей”, Варя Бублик, в видѣ утѣшенія, преподносит такія рѣчи, что никаких сомнѣній в наилучшем приложеніи полученных ею познаній остаться не может.

— Горюешь? — спрашивает она свою подругу.

— Нѣт. Я просто лежу и ни о чем не думаю (...). Давай разговаривать (...) помнишь, в гимназіи между уроками (...) ты говорила мнѣ о будущем счастья человѣчества (...).

— Хорошо. Я расскажу тебѣ о будущей мировой революціи (...) несправедливость, неравенство, бѣдность, войны, тюрьмы (и т. д.) — все пройдет. Человѣкъ будет счастлив, освобожден, честен.

— А будут ли измѣненія в любви? — поинтересовалась Мила.

Отвѣт на этот вопрос социал-демократки Вари Бублик — настоящій шедевр, длина котораго, к сожалѣнію, мѣшает его полному воспроизведенію на наших страницах. Но вот выдержки:

— Да, это будет очень медленный процесс. Есть такая гипотеза: человѣкъ пройдет через физическія измѣненія. Нѣкоторыя особи — большею частью женщины — превратятся в бесполоы (...). Все, что относится к размноженію, будет предоставлено гипертрофированной женской особи, самкѣ, строго животнаго типа. Особь эта постепенно разовьется из нынѣшних любительниц романов и романтических ощущеній (...); будет существовать и столь же гипертрофированный мужской тип: здоровое и красивое животное (...). Чувства? Дружба нерушимая, свѣтлая, без ревности (...) радость видѣть полезность своей работы, радость труда, зрѣлище всеобщаго счастья (...) мужчина уже начал дегенерировать (...) он теряет свой облик главы семьи (...) женщина станет во главѣ всего и прекратит войны (...) останется толь-

ко мужчина производитель, гордый единственно этим своим качеством, тщеславный как фазан, как павлин...

Несчастливая Мила Головина не выдерживает:

— Кому же тогда он будет нравиться... этот павлин?

— Будет... гипертрофированной женской особи (...).

Еще раз Мила Головина не выдерживает:

— Нѣтъ, — кричит она. — Вздор (...). Отвратительно!

На что эсдечка Варвара Бублик незамедлительно обижается. Зато ея подруга начинает “колыхаться от смѣха”, и даже задыхаться, когда выслушивает заключение:

— На твоей визитной карточкѣ — М-ль Головина, по паспорту дочь генерала, но в книгѣ природы ты млекопитающая особь.

Послѣдовавшій затѣм обѣд прошел “настороженно-весело”. Варвара же, совершенно удовлетворенная тѣм, что ей удалось разогнать печаль своей подруги, потребовала плату “за два часа” и удалилась.

Поистинѣ, читая сіе удивительное описаніе удивительных обстоятельств, трудно не подумать о Courteline и не спросить себя, как в третьем томѣ “Жизни” автор будет дозировать трагизм революціонных лѣтъ с такого рода издѣвательствами, тѣм болѣе, что унтер-интеллигентская подоплека “революціоннаго сознанія” гораздо ближе к площадной брани, чѣм к какому бы то ни было виду юмора.

Я. Н. Горбов.

ПОЛУЧЕНО ДЛЯ ОТЗЫВА:

СЕРГѢЙ ЛИФАРЬ. “Моя зарубежная Пушкиниана”. Париж, Editions Béresniak, 1966.

ПРОТОІЕРЕЙ ВЛАДИМИР ГЛИНДСКІЙ. “Основы Христіанской Православной Вѣры”. Сан-Франциско, 1965 г.

Е. ПЕТРОВ-СКИТАЛЕЦ. “Національная проблема СССР”. Оттава (Канада, без даты).

Дѣла и Люди

**ЮГОСЛАВСКИЙ ПЕРЕЛОМ — «ЧТО ДѢЛАТЬ С ПАРТІЕЙ?» —
ОБЩІЯ ПРИЧИНЫ — ОБЩІЯ СЛѢДСТВІЯ — ПАРТІЙНЫЙ ПУТЬ
НЕ ВЕДЕТ НИКУДА**

Югославскій перелом

В Югославіи, — как пишет в парижском “Ле Монд” Мишель Татю, — нѣкоторые называют даже уже “революціей” тѣ сдвиги, которые происходят в настоящее время в этой странѣ. И это едва ли преувеличено: без сомнѣнія, сдвиги еще не закончились, но уже — впервые в исторіи коммунистических стран — они затронули не какія либо отдѣльныя порожденія однопартійнаго режима, а сам этот режим, как таковой.

Повторяем: это происходит впервые за всю исторію мірового коммунизма. Отсюда — совершенно исключительное значеніе тепершняго югославскаго опыта. Сам собою, естественным образом, ставится вопрос о его дальнѣйшем “заразительном дѣйствіи”. Исторически, оно почти что обезпечено: при всѣх мѣстных и національных различіях, основныя проблемы во всѣх коммунистических странах однѣ и тѣ же, и в Югославіи просто начали дѣлать из них тѣ практическіе выводы, которых партійные властители во всем остальном “соціалистическом лагерьѣ” упорно стараются избѣжать или, по меньшей мѣрѣ, отсрочить.

Каковы эти основныя проблемы?

Говоря о “міровом кризисѣ коммунизма”, их прекрасно выразил в “Журналь де Женев” Ренэ Даберна, чьи замѣчательные репортажи “из-за желѣзнаго занавѣса” не раз уже привлекали всеобщее вниманіе.

“Прежде всего, — пишет он, — внутри каждой коммунистической страны стал проявлять себя человек, со своими не поддающимися предвидѣнію наклонностями, — там, гдѣ руководители думали вѣчно навязывать покорному стаду свои избитые лозунги и свое планированіе”.

Далѣе — и в прямой связи с этим, — “экономическая система коммунизма, всюду, гдѣ она примѣняется, оказывается плохим производителем богатства, по сравненію с западной системой”.

С обоими этими основными явленіями, признаваемыми болѣе или менѣе молчаливо, партійныя власти уже вынуждены считаться, в Рос-

си и во всѣхъ европейскихъ коммунистическихъ странахъ. Такъ называемый “либерализм” и нѣкоторое “потворство” крестьянамъ в СССР об этомъ свидѣтельствуютъ такъ же, какъ и весь нынѣшній “экономическій ревизионизм” в Чехословакии, в Венгрии и т. д. Постепенная, уже нѣсколько лѣтъ происходившая перестройка югославскаго хозяйства отвѣчала той же самой необходимости. Однако, на этой стадіи дѣло ограничивается всего только “реформочками” — по выраженію, которое, какъ пишетъ Татю, тоже стало в Югославіи ходкимъ. “Реформочками” поправить общее положеніе дѣл невозможно, пока в силѣ остается “политическая структура”, на которую онѣ натываются на каждомъ шагѣ. Натываются потому, что всякое — даже малѣйшее — допущеніе экономической свободы (или бытовой, или культурной) немедленно создаетъ угрозу для “ведущаго положенія” диктаторской партіи и вызываетъ со стороны ея “аппарата” своеобразный защитный рефлексъ: не уступать, но отстаивать свою власть и свои привилегіи.

И вотъ в чемъ “эпохальное” — по выраженію Л. Ледерера в “Обсерверѣ” — значеніе нынѣшнихъ югославскихъ событій для всей подчиненной коммунизму части міра: тамъ рѣшились, по выраженію одного изъ главнѣйшихъ теперешнихъ сотрудниковъ Тито, Тодоровича, вмѣсто “реформочекъ”, “открыть весь фронтъ”. В то время какъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ коммунистическихъ странахъ каждая “реформочка” — или даже только попытка таковой — неукоснительно сопровождается подтвержденіемъ “ведущей роли партіи”, т. е., на дѣлѣ, всевластія партійнаго “аппарата”, и этимъ уже парализуется, в Югославіи взялись за “политическую структуру”. И прежде всего сломали партійно-полицейскій аппаратъ, по самому своему положенію и по своему существу враждебный всякой подлинной реформѣ.

Таковъ смыслъ устраненія Ранковича, — в прошломъ — правой руки Тито, считавшагося его вѣроятнымъ “наслѣдникомъ”. Притомъ, прежде чѣмъ добратся до главы политической полиціи, пришлось сначала “вычистить” не менѣе 800 человекъ изъ подчиненнаго ему аппарата, и, по свидѣніямъ “Обсервера”, еще около 400 партійныхъ охранниковъ полетѣли со своихъ мѣст послѣ его паденія. И на состоявшемся на островѣ Бриони засѣданіи югославскаго ЦКъ было указано официально и откровенно, для чего это сдѣлано: для того, чтобы покончить с сопротивленіемъ, которое могущественные круги внутри партіи оказывали необходимымъ подлиннымъ реформамъ. Официальный характеръ этого заявленія, пожалуй, даже не менѣе важенъ, чѣмъ самъ фактъ разгрома политической полиціи и группировавшихся вокругъ нея партійныхъ реакціонеровъ. Устраненіе тоталитарнаго строя — вопросъ психологіи еще больше, чѣмъ политической техники. И придавая происшедшему повороту это откровенно драматическое значеніе, Тито создаетъ в странѣ новую психологическую обстановку, при которой возврата назадъ больше нѣтъ.

По сути дѣла, это, в югославскомъ масштабѣ, то самое, что рано

или поздно должно произойти во всех коммунистических странах Европы, в том числе и в России. Во всех правящих компартиях, борьба между “ревизионистами”, увлекаемыми силою вещей на путь очевидно необходимых перемен, и “догматиками”, “сталинцами”, всем этим переменам противящимся, не может кончиться ничем иным, как окончательным разрывом между теми и другими и разгромом исторически обреченных “догматиков”. Как ни стараются в России партийные верхи этой драматической развязки избѣжать, — им тоже не уйти от этой общей судьбы. Югославский же примѣр подтверждает то, что давно уже можно было предвидѣть: такая драматическая развязка борьбы внутри партии представляет собою, с полной неизбежностью, начало конца коммунистической партии как господствующей, диктаторской силы.

Отсѣкши окончательно “догматическое” крыло партии и разогнав его представителей, югославские “ревизионисты” сразу же оказываются перед дальнѣйшим вопросом, который Мишель Татио совершенно точно и исчерпывающе формулирует так:

«Что дѣлать с партией?»

С того момента, как уже и этот вопрос ставится совершенно открыто, отвѣт на него тоже начинает быть предрѣшенным. Еще раз — сознание людей, их психологія все-таки составляют рѣшающую силу: если только “ведущая роль партии” перестает быть “табу”, то ея — этой роли, — в сущности, больше не существует. В Югославии это начинает сказываться уже теперь, в ожидании дальнѣйших перемен, которыя должны послѣдовать за происшедшим теперь переломом.

Сам факт этих дальнѣйших перемен предрѣшен официально. Для их проведения созывается на осень чрезвычайный партийный съезд. Его общая задача, в самом кратком своем выражении (цитируем снова “Обсервера”):

“Выдвинуть предложенія, равносильныя освобожденію Югославии от партийнаго контроля”.

В это должно войти, повидимому, и полное разграниченіе между партией и государственной властью (о чем мы, по самым первым намекам, уже писали прошлый раз), и окончательная передача экономической жизни из партийных рук в руки “хозяйственников” (руководителей предприятий и дѣйствительно независимых от партии совѣтов рабочих и служащих), и рѣшительное омоложение состава самой партии, путем смѣны ея “ветеранов” представителями новых поколѣній, все менѣе и менѣе связанных ея устарѣлыми догмами.

При этих условіях — что же может еще остаться *для партии*, и даже болѣе того: что еще может остаться *от партии*?

Если вдуматься в суть дѣла, то почти ничего. Вполнѣ открыто это и в Югославии еще не говорится: все-таки Тито продолжает объ-

являть себя коммунистом, каким-то образом может быть даже и продолжает чувствовать себя таковым. При всей рѣшительности его теперешняго разрыва с “догматиками”, у него, по крайней мѣрѣ до совѣм недавняго времени, нѣтъ-нѣтъ да и сказывалась боязнь, как бы рост свободы в странѣ не зашел слишком далеко. Мишель Татю весьма кстати вспомнил теперь по этому поводу личное вмѣшательство Тито против проф. Михайлова, в прошлом году. И еще мы не знаем, будет ли теперь разрѣшено проф. Михайлову издавать независимый журнал, оппозиционный в рамках легальности. Повторим, что мировое общественное мнѣніе будет по этому судить о степени реальной свободы, уже достигнутой, или еще не достигнутой в Югославіи. Правильно пишет Татю: “дѣйствіе таких *личных капризов* тѣм болѣе прискорбно, что они идут наперекор общему теченію”. Однако, он тут же добавляет, что — при этом “общем теченіи” — даже такого рода “капризы” Тито “уже не имѣют того вѣса, что прежде”. Можно надѣяться, что послѣ нынѣшняго перелома рост свободы в Югославіи все равно уже нельзя остановить.

Партійно-полицейскій аппарат сломан для того именно, чтобы обезпечить “успѣх реформы”. А “успѣх реформы, — как вѣрно пишет Татю, — требует общей демократизаціи всей общественной жизни, атмосферы свободных преній на всѣх уровнях, а значит — конца монополіи партіи по вынесенію рѣшеній (партіи как организациі в цѣлом, а не только заявленіями тѣх или других ея членов)”. Таким образом, вмѣстѣ с предрѣшенной “общей демократизаціей всей общественной жизни”, коренной пересмотр положенія партіи, волей или неволей, поставлен на повѣстку дня. На послѣднем пленумѣ югославскаго ЦК уже и было сказано прямо, что одно из главных прегрѣшеній Ранковича — в “препятствіях, которыя он чинил обсужденію роли партіи в условіях самоуправленія”.

С устраненіем этих внутрипартійных “препятствій”, обсужденіе теперь и развертывается, неудержимо и неизбежно (иначе незачѣм было бы и огород городить). Впервые в исторіи коммунистическаго властвованія, догмат “руководящей” (читай: диктаторской) роли партіи пошел на слом. В Югославіи говорят уже только о ея “*направляющей*” роли: вродѣ того, что впредь партія будет уже только давать “совѣты”, выступая в качествѣ “народной совѣсти”. В какой мѣрѣ такое “совѣтованіе” будет еще обязательным, чѣм оно будет подкрѣпляться и будет ли подкрѣпляться чѣм либо — остается неясным, тѣм болѣе, если вѣрно, что “развод” между партіей и государственной властью, в принципѣ, уже предрѣшен. В прямой связи с этим, на слом пошел и другой, смежный догмат, до сих пор неукоснительно поддерживаемый во всѣх других коммунистических странах: догмат о продолжающемся “усиленіи” партіи на все время до окончательнаго торжества коммунизма, до исчезновенія “капиталистическаго окруженія” и т. д. В Югославіи, напротив, официальные представители партіи сегодня уже говорят о начинающемся ея “отмираніи”. И даже виднѣй-

пий сотрудник Тито, как говорят — главный проводник реформы, Кардель, в интервью, данном им западно-германской газетѣ “Вельт ам Зоннтаг”, открыто высказался теперь против “однопартийной системы”.

Дальше и тут остается много неяснаго. В том же интервью Кардель сказал, что и многопартийная система нежелательна, добавив: “В сущности, мы сторонники такой политической системы, которая была бы без партий”. Татю писал уже до этого, что именно такія высказыванія нерѣдко приходится теперь слышать в официальных югославских кругах. Как представлять себѣ конкретно такую “систему без партий” — не говорится. Похоже на то, что сейчас это — способ избѣжать (или отсрочить) легализацію других политических партий, наряду с коммунистической. Но уже и теперь становится трудным, почти невозможным опредѣлить, гдѣ проходит граница между организованным разномыслием законным и незаконным. Татю приводит примѣр издающагося в Загребѣ крайне “ревизионистскаго” философскаго журнала “Праксис”, о котором сам Тито высказался чрезвычайно неодобрительно; но другіе официальные югославскіе дѣятели говорили французскому журналисту, что и такое вольномысліе, как в этом журналѣ, — допустимо, допустимы вообще различныя “группы”, зато “фракцій” — нельзя. А в чем разница между “группой” и “фракціей”? Туман... Повидимому, тут еще дѣйствуют старыя марксистскіе “табу”, но содержанія в этой словесности нѣтъ больше почти никакого. Вѣдь и любая отдѣльная “группа”, теперь, как будто, получающая легальное существованіе, легко может, вовсе и не называясь политической партией, быть, или стать, на дѣлѣ таковой... Остается, кажется, единственный критерій, который теперь и выдвигает сам Тито: допустимо и законно все то, что признает “соціалистическую систему”. Но и это разграниченіе может очень скоро оказаться ни к чему не пригодным. Что, в самом дѣлѣ, надо будет понимать под “соціалистической системой”, если и “ведущая” партія в ней “отомрет”, и если само хозяйство — как это все время повторяют теперь в Югославіи — должно быть “деполитизировано”, т. е. именно освобождено от навязчивых догматов марксизма?

Нѣкоторый туман, несомнѣнно, поддерживается еще нарочито, — просто потому, что сами югославскіе руководители, начиная с Тито, рѣшившись на этот перелом, еще не знают точно, куда они в концѣ концов попадут. В мѣру возможнаго это выяснить — задача комиссій, теперь засѣдающих и подготавливающих на осень чрезвычайный партийный съѣзд. Вполнѣ правдоподобно, впрочем, что ни к чему окончательному и онѣ не придут. “Двусмыслица относительно роли партий — как пишет в заключеніе своих репортажей Татю — пока еще продолжает давить в значительной степени и на парламентскую дѣятельность, и на выборы, и на печать”. Все же теперь это уже только двусмыслица: нѣтъ больше ни прежних чеканных догматических формул, ни поддерживавшаго их партийно-полицейскаго костяка. То самое сво-

бодное обсужденіе, которое больше невозможно пресѣчь, неизбежно разсѣет двусмыслицу. Основныя перемѣны еще впереди — как это и заявляется официально, — но их уже не может не быть, потому что Тито — первый в коммунистическом мірѣ — сдѣлал, по выраженію “Обсервера”, “шаг, послѣ котораго нѣтъ больше возврата”.

Но вот самое замѣчательное: по свѣдѣніям той же англійской газеты, заправины других коммунистических стран были заранѣе поставлены в извѣстность о предстоявших в Югославіи рѣшеніях. И сначала они, как передают, не повѣрили, что Тито дѣйствительно пойдет так далеко. А с тѣх пор как “землетрясеніе” все-таки началось в этой, как бы то ни было, “братской” “соціалистической” странѣ, и власти, и печать во всем остальном коммунистическом мірѣ с поразительным упорством хранят о нем полное молчаніе. Очевидно, им становится страшно от одной мысли, что тектоническіе толчки имѣют способность распространяться очень далеко, особенно в однородной подпочвѣ.

Общія причины — общія слѣдствія

Общую подпочву во всем коммунистическом мірѣ составляет невозможность продолжать вести народное хозяйство на старый право-вѣрно-марксистскій лад. Приблизительно однѣ и тѣ же поправки (“реформочки”) в области экономической (а в связи с этим, но гораздо болѣе осторожно, в области культурной и бытовой) проводятся, или по меньшей мѣрѣ намѣчаются, во всѣх европейских коммунистических странах. До послѣдних событій, Югославія была той из них, которая в этом отношеніи продвинулась *нѣсколько* дальше остальных. *Послѣ* этих событій, Югославія — это та страна, в которой доказано и признано, что такія поправки, сами по себѣ необходимыя, не могут достигать своих цѣлей — если не увѣнчиваются коренной *политической* перемѣной.

Нѣсколько опережая ход развитія в других коммунистических странах, в Югославіи автономія промышленных предприятий уже осуществлена очень широко. Государственныя и партійныя власти уже отказались от вмѣшательства в дѣла даже плохо управляемых предприятий и предоставляют им плыть — или тонуть — без распредѣляемых из центра дотаций. Уже внесен законопроект, разрѣшающій частную торговлю. Крестьянство, как извѣстно, никогда не было подвергнуто в Югославіи коллективистическому разгрому, но теперь снимаются и послѣднія ограниченія крестьянской собственности: другой, тоже уже внесенный законопроект должен дать частным сельским хозяевам право пріобрѣтать уже и тракторы, и всякій иной крупный машинный инвентарь. Уже с прошлаго года предусмтрѣна замѣна другими налогами пресловутаго “налога на оборот”, составляющаго, как извѣстно, осно-

ву партійно-государственной експлуатаціи населенія во всем коммунистическом мірѣ. А в прославленных своими природными красотами югославских курортах *частные* владѣльцы отелей получают за сезон до 5 миллионннх динар дохода, — с тѣм их и поздравляет (без всякой ироніи!) центральная бѣлградская пресса. В самом же Бѣлградѣ Мишелю Татю бросилось в глаза необычайное рекламированіе “пепси-колы”, в результатѣ договора, заключеннаго Югославіей с соотвѣтствующей американской (капиталистической!) фирмой. В естественное дополнение ко всему этому, в Югославіи за послѣднее время стала доступной *вся* зарубежная печать.

Но чтобы стать по-настоящему “эффе́ктивным” (примѣняя слово, ставшее за послѣднее время очень модным в Совѣтском Союзѣ), все это потребовало и теперь повлекло за собой коренной политической сдвиг. И уже можно быть увѣренным в том, что та же пресловутая “эффе́ктивность” потребует того же самаго в Россіи, гдѣ экономическая жизнь, с запозданіем, но совершенно неизбежно, все болѣе попадает на тот же путь, на который первой вышла Югославія.

Если в Бѣлградѣ рекламируется капиталистическая “пепси-кола”, то вѣдь совѣтскіе правители призвали японских капиталистов разрабатывать Сибирь — о чем мы подробно писали не так давно, — а за послѣднее время, чтобы, наконец, снабдить страну необходимым ей автомобильным парком, они же заключили колоссальнѣйшую сдѣлку с “ФИАТ”ом и теперь ведут переговоры о чем-то подобном и с французской автомобильной промышленностью.

Если бѣлградская “Политика” поздравляет с миллионными барышами частных владѣльцев югославских гостиниц, то вот московская “Литературная газета” относительно того же отельнаго промысла напечатала недавно предложеніе, тѣм болѣе удивительное, что официальный орган Союза Совѣтских Писателей вообще-то склонен к “реви́зюнизму” гораздо меньше многих других. Однако, деньги совѣтскому правительству нужны, — зерно за границей даром не дают, — поэтому и туризм необходимо развивать, а для этой цѣли уже и “Литературной газетѣ” пришлось дать мѣсто отъявленно “реви́зюнистскому” предложенію Вл. Гавриленко. Оно сводится к тому, чтобы продавая частным лицам акціи по 500 рублей, создать товарищества на паях — стыдливо названныя “кооперативными объединеніями”, — которыя и будут строить гостиницы и их эксплуатировать, гарантируя своим акціонерам 5 проц. годовых и, сверх того, ежегодный бесплатный отдых в принадлежащих “объединенію” заведеніях. Что касается уже существующих гостиниц, принадлежащих профсоюзам и всяким государственным или полу-государственным учрежденіям, то В. Гавриленко — несомнѣнно, “эффе́ктивности” ради — рекомендует их просто продать будущим акціонерным “объединеніям”. Если бы этот проект получил осуществленіе — чего утверждать сейчас, конечно, еще нельзя, — то впервые послѣ НЭПа в Россіи открылась бы широкая отрасль для легальнаго примѣненія частной инициативы и частных средств. Но

уже и одно появленіе в достаточно “правовѣрной” — реакціонной — партійной газетѣ такого предложенія, весьма близкаго к югославским примѣрам, показывает, в каком направленіи все идет.

К тому же самому клонятся очень деликатные для партіи вопросы, возникающіе по поводу перестройки управления совѣтской промышленностью, которое все-таки предпринимается и тоже отчасти напоминает югославскіе образцы. Об этом уже писалось не мало и сейчас не будем повторяться. Зато отмѣтим новый интересный признак, только теперь появившійся.

Мы уже упомянули о том, что в Югославіи с прошлаго года рѣшено отмѣнить налог на оборот. В Россіи к этому столпу “системы” до сих пор никто никогда не смѣл прикоснуться, хотя в свободном мірѣ с давних пор и очень много писалось совершенно справедливо и убѣдительно об его безудержно эксплуататорском и вмѣстѣ с тѣм обманном характерѣ. Напомним тут в двух словах, в чем суть этого *основного* источника совѣтских государственных финансов.

С любого продукта, в момент его выхода с производящаго его предпріятія и до его поступленія в продажу, государство взимает нѣкій налог, тѣм самым удорожая соответственно его продажную стоимость. Это — не что иное, как косвенное обложеніе граждан, — а косвенное обложеніе с давних пор признано наиболѣе антисоціальным, потому что своим основным бременем оно ложится на наименѣе имущіе слои населенія. В данном же случаѣ дѣло еще отягощается тѣм, что размѣры налога, взимаемаго, как говорится, “у истоков”, по ставкам, установленным властью, остаются неизвѣстными населенію. Публикуется всегда только общая сумма, полученная государством от налога на оборот, и она составляет самый главный приход в совѣтском государственном бюджетѣ (36,7 миллиардов рублей в 1964 г.). Но никогда до сих пор не указывалось, из чего эта сумма складывается, т. е. по каким именно продуктам и сколько именно по ним населеніе приплатило государству. Присовокупляя к обдиранію обман, это умолчаніе и позволяло совѣтской власти увѣрять своих граждан в том, что они будто бы “почти не платят налогов” (хотя за границей, повторяем, давно поняли, в чем дѣло).

Теперь эта тайна впервые приоткрыта и в совѣтской печати, правда, еще очень робко и только в специальном, а потому и мало распространенном журналѣ “Деньги и Кредит”, издаваемом Госбанком. Как бы то ни было, в нем приведены цифры, из которых явствует, что около двух третей всѣх поступленій от налога на оборот — 22 миллиарда рублей — происходят от обложенія четырех видов продукціи, стоимость которых цѣликом ложится на населеніе: алкоголя, табака, текстильных продуктов и сахара. Когда-то винная монополія была явной русскаго народнаго хозяйства, — и на наших страницах, в Воспоминаніях П. Л. Барка, было прекрасно рассказано о том, как блестяще Императорское правительство от этой язвы избавилось. Совѣтское же правительство вернулось к тому же самому в ухужденном видѣ

и придерживается этой практики уже десятилетиями: получается, что в настоящее время, по перечисленным четырем категориям, каждый житель Советского Союза, в среднем, платит государству 95 рублей косвенного налога в год.

В очень смутной форме, разговоры о “реформе” и “сокращении” налога на оборот возникали сначала при Хрущеве, потом опять в прошлом году. Никаких последствий это до сих пор не возымело. И журнал Госбанка, публикуя приведенные данные, никаких выводов из них не делает и ничего не предлагает. Все же мы знаем, что в России, среди более здравомыслящих экономистов и практиков хозяйства, необходимость выбраться из нынешних хозяйственных тушиков не только сознается, но и обсуждается все более открыто. Теперешняя публикация журнала Госбанка по меньшей мере вносит в это обсуждение еще один и первоначально важный элемент. Рано или поздно, и в России придется сделать то самое, на что в Югославии решились уже в прошлом году: отменить налог на оборот и искать для государства иных, более приемлемых, менее антисоциальных источников дохода, — как это было сделано в царской России при отмене винной монополии.

Но и для этих, уже очевидно необходимых перемен требуется прежде всего “атмосфера свободного обсуждения”, которая создалась в Югославии. Безворотный же сдвиг, происшедший теперь в *одной* из коммунистических стран, должен и в России окончательно открыть глаза очень многим на необходимость последнего вывода: создать атмосферу свободы значит покончить с партийным водительством. И это ясно тем более, что сегодня уже и в Советском Союзе, ни в каком отношении, —

Партийный путь не ведет никуда

По всем вопросам и внутренней, и внешней политики, партийная власть в Советском Союзе силится только поддерживать существующее положение вещей, насколько это еще возможно. Став косо-консервативной силой в самом худшем значении этого слова, она уже только обороняется от всякой новизны, тем не менее надвигающейся на нее со всех сторон и во всех случаях подрывающей ее устои. Последнее происходит самыми различными способами, по той простой общей причине, что партийные устои все менее совместимы с ходом жизни, и русской, и мировой.

Нам уже приходилось говорить о все более широко применяемом в России приеме — заставить власть соблюдать хотя бы только свою собственную “советскую” законность. Это как будто и скромно, но

вмѣстѣ с тѣм это уже и очень много: самое плохое право качественно неизмѣримо лучше безправія и партійнаго произвола, и поскольку оно — все-таки право, оно в себѣ самом содержит возможность к улучшенію. Замѣчательный примѣр примѣненія этого метода дан выступленіем московских священников, которое привлекло вниманіе во всем мірѣ и будет еще подробно разобрано в ближайших номерах нашего журнала. Но этот замѣчательный примѣр — уже далеко не единичный. По свѣдѣніям, теперь проникшим в англійскую печать, то же требованіе религиозной свободы на основѣ точнаго соблюденія “совѣтской законности” предъявлено в настоящее время и образовавшейся в Россіи активной группой баптистов (также обвиняющей своих официальных религиозных руководителей в пассивном потворствѣ произволу властей). В другом родѣ, но к той же области относится и совѣм удивительное выступленіе в “Извѣстіях” проф. Перлова, с требованіем обезпечить полную независимость судебной власти от “посторонних давленій”. Содержаніе статьи не оставляет ни малѣйших сомнѣній: рѣчь идет о прекращеніи давленій со стороны партіи и ея организуемаго липоваго “общественнаго мнѣнія”, — тѣх давленій, которые то оставляют безнаказанными преступников, почему либо партіи угодных, то заранѣе навязывают судьям тяжелые и незаконные приговоры (как то случилось с Синявским и Даніэлем). Чтобы его статья могла появиться в “Извѣстіях”, проф. Перлову пришлось, конечно, прикрыться подходящей цитатой из Маркса. Но не Маркс же открыл, что судья обязан повиноваться “только закону”, зато если этот принцип, признаваемый во всем цивилизованном мірѣ и Марксом гдѣ-то один раз случайно упомянутый, всерьез примѣнить в СССР, то произвол, возведенный послѣдышами Маркса в систему, лишится одного из главных своих рычагов.

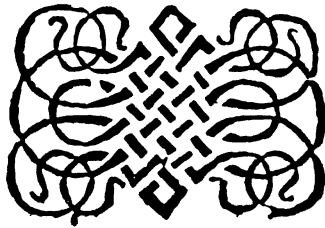
Отчего же они это печатают? Оттого, что у них попросту нѣтъ больше сил противостоять до конца натиску новизны, по существу очень старой, потому что она — новизна всегдашняя, неуязвимо общечеловѣческая. Сил у них хватает уже только на то, чтобы задерживать, тормазить и, как в этом случаѣ, пытаться “канализировать” новое вино в старые марксистскіе мѣха — пока эти мѣха не прорвутся окончательно.

То же безсиліе партійной марксо-ленинской ветоши продолжает быть совершенно разительным в совѣтской внѣшней политикѣ. Неподвижность — ея единственный способ реагировать на современныя международныя проблемы. Конференція Варшавскаго пакта в Бухарестѣ кончилась без скандала только потому, что обошла молчаніем всѣ новые факты — в особенности націоналистическія тенденціи румын, и не только их одних, — и ограничилась пережевываніем нѣкоторых, давно затверженных наизусть “общих мѣст”. Из них главнѣйшее — всемѣрная помощь Вьетнаму, вплоть до отправки добровольцев, “если сам Сѣверный Вьетнам этого захочет”. В итогѣ, никаких добровольцев не посылают, и китайскіе коммунисты, по всей вѣроятности, правы,

утверждая, что не пошлют никогда: теперь уже невозможно заставить русский народ воевать за дѣло, не только его не касающееся, но даже, напротив, выгодное только его явным врагам — тѣм же красным китайцам. А раз это так, то, казалось бы, надо стараться закончить войну в Вьетнамѣ, переговорами с Америкой. За этим в Москву приѣзжали теперь премьеры сначала Индіи — гдѣ реальность китайской угрозы знают слишком хорошо, — затѣм Англии. Напрасно: этого в Москвѣ сдѣлать тоже не могут — марксо-ленинизм не велит.

Все неподвижно, потому что партійный путь больше не ведет никуда. И “водительство” партіи, в Югославіи уже упраздняемое, подстерегает и в Россіи та же судьба.

Кн. С. Оболенскій.

«ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

Редактор А. А. ГЕРИНГ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 80 — ИЮЛЬ 1966 Г.

В номеръ: Б. М. КУЗНЕЦОВ, С. Э., полк. РУБЕЦ, Тимофэй МИХАЙЛОВ, сотн. А. ОРЛОВ, К. М. ГЕЙШТОР, Я. ДЕМЬЯНЕНКО, АЛЕКСАНДРИЦ, Евгений МОЛЛО, Алексѣй ГЕРИНГ, В. ПАВЛОВИЧ, А. ЛЕВИЦКІЙ, Е. Л. ЯНКОВСКІЙ.

Подписка на шесть номеров: 20 фр. фр. В странах заокеанских: 5 долл.
Отдѣльный номер — 3 фр.

Контора издательства: 61, rue Chardon-Lagache, PARIS-16e.
С.С.Р. «Le Passé Militaire», 3910-12 Paris. Tél.: MIR 72-55.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

„Часовой“

Орган связи Россійскаго Национальнаго Движенія
Под редакціей В. В. ОРЪХОВА

Подписная плата во Франціи: 20 фр. (год), отд. номер: 2 фр.
Представитель для Франціи: Librairie «Кама» — 27, rue de Villiers,
92-Нейи, С.С.Р. 18.446.32.

Продается во Франціи в книжных магазинах: Е. de Sialsky, 2, rue
Pierre le Grand, Paris-8^e; «Кама», 27, rue de Villiers, Neuilly-sur-Seine;
Magasin du Livre, 10, rue de Carmes, Paris-5^e; «Дом Книги», 9, rue
de l'Eperon, Paris-6^e.

Наши представители за-границей :

АРГЕНТИНА: Mr. Jorge Knircha. Pedernera 772 (Flores). Buenos-Aires.
БЕЛЬГИЯ: «La Sentinelle». Belgique. Boîte postale 31. Ixelles-4 (Compte
postal 3925.03).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: Mr. V. Baratchevsky. 23, Alder Grove, London N. W. 2.
Angleterre.

ГОЛЛАНДИЯ: N. V. Martinus Nijhoff-Libraire. B. P. 269, 9, Lange Voorhout.
La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ЗОНЫ ГЕРМАНИИ: Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse
16/II. Allemagne.

США: Mr. P. E. Stogoff. 89-30-164th Street. Jamaica, L.I.N.Y. 11432, U.S.A.
I. A. Wedrov. The Book House, 77 Plaza, Room 105. Bridgeport, Conn., 06603.
Mrs M. S. Kingston. Russian Book Store «Russ», 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.

ВЕНЕЦУЭЛА: Mme G. Balitzky Sur 5, No 88. Caracas.

БРАЗИЛИЯ: Mr. L. Rubanov. Livraria «KNIGA». Rua Sao-Bento, 217. Sala
124 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛИЯ: Book Import Distribution, 18-24 Canberra st., Carrum,
Victoria, Australie.

Новыя ўмовы падпіскі

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛІТЭРАТУРНО-ПОЛІТЫЧЕСКІЙ ЖУРНАЛ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ”

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

(42-ой год изданія)

С 1-го іюля 1966 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Франція:

1 год	60 фр.
6 мѣсяцев	35 фр.
Отдѣльный номер	6 фр.

Англія (и зона стерлинга):

1 год	5 фунтов 10 шиллингов
6 мѣсяцев	3 фунта
Отдѣльный номер	12 шиллингов

Другія европейскія страны и Бл. Восток

1 год	80 фр. фр.
6 мѣсяцев	45 фр. фр.
Отдѣльный номер	8 фр. фр.

С.Ш.А., Канада и Латинская Америка:

1 год	16 долларов
6 мѣсяцев	9 долларов
Отдѣльный номер	2 доллара

**Новыя ўмовы не распротраняюцца на уже прынятыя падпіскі
впрядь до их истеченія**

VOZROJDENIE (La Renaissance).

73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8^e

Tél. : 359-06-03. C. C. Postaux : Paris 781-81.

Подписка принимается с 1 числа любого мѣсяца.